

Коллекция рассказов

ФИЛИП К. ДИК

ВТОРАЯ
МОДЕЛЬ

FANZON

Fanzon. Филип К. Дик. Коллекция рассказов

Филип Киндред Дик

Вторая модель

«ЭКСМО»

1953-1987

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф.

Вторая модель / Ф. Дик — «Эксмо», 1953-1987 — (Fanzon.
Филип К. Дик. Коллекция рассказов)

ISBN 978-5-04-194692-0

Перед вами первый том полного собрания рассказов и повестей одного из самых выдающихся новаторов научной фантастики — Филипа К. Дика. На страницах этой книги вы познакомитесь с ранним творчеством писателя, раскрывающим его интересы, идеи и поиск методов, которые превратили «бульварную» фантастику в оригинальные и иногда параноидальные картины, полные сатиры, не лишённые юмора и доведенные до абсурда. В первый том собрания рассказов Филипа К. Дика вошли произведения, написанные в 1947—1952 годах, некоторые из которых сопровождаются комментариями самого автора. Издание дополнено предисловием и комментариями самого Филипа К. Дика. «Видите ли, в чем штука: быть писателем — это... Ну, вот как в тот раз, когда я спросил одного из друзей, чем он думает заняться, окончив колледж, а он ответил: — Уйду в пираты, — и при этом отнюдь не шутил». — Филип К. Дик «Филип К. Дик — автор, без которого нам просто не обойтись. Если бы Дика не существовало, его надо было бы придумать». — Джонатан Летем «Мы, любители научной фантастики — сейчас я говорю как читатель, а не как писатель, — читаем ее именно из любви к некой цепной реакции, к образам, рожденным идеями, которые заключены в прочитанной книге. И в итоге лучшая научная фантастика превращается в сотрудничество автора и читателя, в творческий союз, приносящий обоим подлинное наслаждение и радость от познания нового». — Филип К. Дик

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-194692-0

© Дик Ф., 1953-1987

© Эксмо, 1953-1987

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Вторая модель	15
Стабильность[7]	16
Рууг[8]	26
Маленькая революция[9]	30
Вуб внутри[10]	37
Орудие[11]	44
Череп[12]	55
Защитники[13]	72
Мистер звездолет[14]	89
Дудочки из лесной чащи[15]	112
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Филип К. Дик

Вторая модель

Сборник

Philip K. Dick
The Complete Short Stories
Volume 1

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © The Estate of Philip K. Dick 1987. Individual stories were copyrighted in their year of publication and copyrights have been renewed by Philip K. Dick and The Estate of Philip K. Dick as applicable. Previously unpublished stories are Copyright © 1987 by The Estate of Philip K. Dick. All rights reserved

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Предисловие

Прежде всего я дам определение научной фантастике, объяснив, чем она не является. Разумеется, «рассказ (роман, пьесу), где действие происходит в будущем», к ней отнести невозможно, поскольку в будущем происходит действие авантюрно-приключенческих произведений о космосе, однако это вовсе не НФ – это произведения о приключениях, стычках и войнах в далеком будущем, в декорациях космоса и технологий, далеко ушедших вперед. Отчего же не отнести их к научной фантастике? Казалось бы, здесь им самое место, и, например, Дорис Лессинг относит их именно к ней. Однако подобные «космические авантюры» лишены отчетливых новых идей, ключевой составляющей НФ. Вдобавок действие научно-фантастического произведения вполне может происходить и в настоящем, в романе или рассказе об альтернативном мире. Итак, если мы отделяем научную фантастику от будущего и ультрапередовых технологий, то что же можно ею назвать?

Первый шаг к НФ – вымышленный мир, общество, на самом деле не существующее, но основывающееся на нашем, всем известном, служащем ему отправной точкой; общество, выросшее, развившееся из нашего неким определенным образом, хотя бы ортогонально, как происходит в романах, повестях и рассказах об альтернативных мирах. По сути, речь тут о нашем мире, благодаря работе авторской мысли повернувшим на иной путь развития, о нашем мире, превратившемся в мир несуществующий, по крайней мере, пока. Мир этот должен отличаться от существующего хотя бы в чем-то одним, и это отличие должно быть достаточным для того, чтоб положить начало событиям, невозможным ни в нашем обществе, ни в любом другом, будь то настоящее или прошлое. При этом изменение пути развития должно подчиняться некоей внятной идее, то есть быть концептуальным, а не попросту тривиальным или причудливым – в том-то и заключается суть научной фантастики: концептуальные перемены в социуме ведут к возникновению в сознании автора общества нового, далее это новое общество переносится на бумагу, а запечатленное на бумаге поражает умы читателей, будто электрошок, шок неузнавания: читатель понимает, что речь идет не о настоящем, не о его собственном мире.

Далее: об отделении научной фантастики от фэнтези. Задача эта невыполнима, и чтоб убедиться в ее невыполнимости, достаточно поразмыслить всего пару минут. Взять хоть псионику, хоть мутантов наподобие изображенных Тедом Старджоном в чудесном романе «Больше, чем люди». Читатель, верящий в возможность существования подобных мутантов, сочтет роман Старджона научной фантастикой, однако читатель, полагающий, будто подобные мутанты не могут существовать на свете, наряду с чародеями или драконами, прочтет «Больше, чем люди» как фэнтези. Фэнтези повествует о том, что, согласно общему мнению, невозможно, а НФ имеет дело с тем, что, согласно тому же общему мнению, вполне возможно – при благоприятствующем стечении обстоятельств. По сути, разграничение тут основано на вкусовщине чистой воды: ведь что возможно, а что невозможно, объективно судить мы не в силах, и потому все зависит исключительно от субъективного мнения автора и читателя.

Далее: определимся, что такое хорошая научная фантастика. Концептуальное изменение пути развития – иными словами, новая идея – должно быть действительно новым или, по крайней мере, новым переосмыслением старой идеи, а также послужить читателю интеллектуальным стимулом, поразить его разум, побудить к размышлениям о возможности того, о чем он до сих пор не задумывался. Таким образом, «хорошая научная фантастика» – скорее оценочное суждение, чем объективное качество, однако, по моему мнению, объективно хорошей НФ на свете немало.

Думаю, удачнее всех эту мысль сформулировал доктор Уиллис Макнелли из Калифорнийского государственного университета в Фуллертоне, сказавший, что истинным протагонистом научно-фантастического романа или рассказа является не личность – идея. Идея хоро-

шей НФ нова, побуждает к размышлениям и, что, вероятно, самое главное – запускает в голове читателя цепную реакцию, становится отправной точкой для целой череды следующих из нее мыслей – то есть, так сказать, открывает его сознанию путь к дальнейшему творчеству в заданном автором русле. Таким образом, НФ есть творчество, побуждающее к новому творчеству, в отличие от основной массы художественной литературы. Мы, читатели НФ – сейчас я говорю как читатель, а не как автор, – читаем ее именно из любви к этой цепной реакции, к идеям, порождаемым той, что заключена в прочитанной книге, а следовательно, в итоге лучшая научная фантастика превращается в сотрудничество автора и читателя, в творческий союз, приносящий обоим подлинное наслаждение, еще одну, последнюю из ключевых составляющих НФ, а именно – радость познания нового.

Филип К. Дик (в переписке),
14 мая 1981 г.

* * *

Разница между рассказом и романом сводится к следующему: если рассказ может повествовать об убийстве, то роман повествует об убийце, чьи действия обусловлены психологическим портретом, нарисованным автором загодя, – если тот знает свое ремесло. Таким образом, роман отличается от рассказа отнюдь не объемом: вот, например, сейчас «Долгий марш» Уильяма Стайрона публикуется как «короткий роман», хотя изначально, в «Дискавери», печатался как «длинный рассказ». Выходит, читая его в «Дискавери», вы читаете рассказ, однако, взяв в руки отдельное издание в мягкой обложке, начнете читать роман. Чудеса, да и только.

На деле для романов существует одно ограничение, рассказам вовсе не свойственное: протагонист должен быть симпатичен, близок читателю настолько, что в тех же обстоятельствах читатель повторил бы или, в случае фантастики эскапистской, чисто развлекательной, хотел бы повторить любой его поступок. В рассказе без подобного отождествления читателя с персонажем вполне можно обойтись, поскольку, во-первых, в рассказах просто недостаточно места для такого множества фонового материала. Во-вторых, поскольку внимание акцентировано на действии, а не на действующем лице, для рассказа – в разумных, конечно, пределах – не слишком-то важно, кто совершает убийство. В рассказе вы узнаете о персонажах из их поступков, в романах же все наоборот: вначале перед вами предстают собственно персонажи, и только после они выкидывают что-либо идиосинкратическое, под стать своим уникальным характерам. Поэтому и события в романе можно смело назвать уникальными – в других произведениях того же самого не найти, однако в рассказах одни и те же события происходят снова и снова, пока между автором и читателем не образуется нечто вроде условного языка... Впрочем, я это чем-то плохим не считаю ни в коей мере.

Кроме того, в романе, особенно в научно-фантастическом, создается целый мир, мир из бесчисленного множества незначительных мелких деталей – возможно, незначительных для героев романа, однако жизненно важных для читателя, поскольку именно из этих многочисленных мелочей и складывается в его голове цельный образ вымышленного мира. Ну, а в рассказе вы будто переноситесь в мир будущего, где на каждой из стен комнаты идет своя «мыльная опера»... совсем как у Рэя Брэдбери. Один этот факт уже катапультирует рассказ из фантастики массовой в научную.

Без чего в научно-фантастическом рассказе действительно не обойтись, это без исходной предпосылки, целиком отсекающей действие от современного мира. Эта граница – между миром вымышленным и реальным – должна быть очевидна и для автора, и для читателя любого художественного произведения. Однако писателю, обратившемуся к жанру НФ, в этом смысле приходится много, много труднее, так как брешь, разделяющая миры, в произведениях научно-

фантастических гораздо шире, чем, скажем, в «Деле Пола» или в «Большой блондинке»¹ – двух разновидностях массовой литературы, с которыми мы не расстанемся никогда.

Таким образом, в научно-фантастических рассказах происходят научно-фантастические события, а в научно-фантастических романах изображаются вымышленные миры. Рассказы, собранные под этой обложкой, есть не что иное, как череда событий. Ключевая вещь в написании рассказа – создание кризиса, нагнетание обстановки до тех пор, пока герои по воле автора не увязнут в происходящем настолько, что выхода вроде бы и не найти... но тут автор, как правило, вытаскивает их из передраги. Он на это способен, вот что самое важное. Однако в романе поступки настолько глубоко уходят корнями в характер главного героя, что как бы автору, дабы выручить собственное детище из беды, не пришлось переделывать личность героя заново. В случае же рассказа, особенно короткого, подобное вовсе не обязательно. Что же касается длинных рассказов наподобие «Смерти в Венеции» Томаса Манна – это, как и упомянутая выше вещь Стайрона, скорее, короткие романы. Выводы из всего этого вполне объясняют, отчего одним авторам удаются рассказы, но не романы, а другим – романы, но не рассказы.

Дело в том, что в рассказе может произойти все, что угодно, а автору остается лишь подогнать героя под происходящее. Таким образом, в смысле событий и действий рассказ налагает на автора куда меньше ограничений, чем роман. По мере создания произведение объема романа мало-помалу начинает окружать автора лабиринтом решеток и стен, лишая его свободы выбора; собственные же персонажи берут над ним верх и вместо того, чего хотелось бы автору, начинают творить, что захотят, – в этом и сила романа, и его слабость.

Филип К. Дик (из сборника «Машина-Хранительница»),
1968

---

¹ *Дело Пола* ("Paul's Case") – рассказ из первого авторского сборника Уиллы Кэсер. *Большая блондинка* ("Big Blonde") – рассказ Дороти Паркер. То и другое считается классикой американской литературы XX века. (Здесь и далее – примечания переводчика).

Введение

Филип К. Дик – автор, без которого нам просто не обойтись, в том смысле, что, если б его не существовало, его непременно следовало бы выдумать. Его вполне можно назвать Ленни Брюсом² американской литературы. Подобно Брюсу, он – чистый продукт 1950-х, а как предупреждал Уильям Карлос Уильямс, «чистый продукт Америки сходит с ума»³; один из тех, чье иконоборческое неприятие конформизма той, современной ему эпохи словно взывает к нам, предвосхищает наши сегодняшние взгляды на жизнь.

Вдобавок, как и в случае Брюса, все старания приписать ему какую-либо культурную роль – хиппи, теоретика постмодернизма, политического диссидента, метафизического гуру – обречены на поражение, им не устоять под натиском противоречий, мирно сосуществующих в одной-единственной горячей, запальчивой живой душе. Однако какие бы проблемы Дик ни затрагивал, ему неизменно присущи не только ирония, но и горькая жалость в отношении тех, кому выпала нелегкая доля жить в двадцатом столетии – она-то и придает ему облик героя-одиночки в глазах читателей, высоко ценящих его творчество до сих пор, в начале двадцатых годов столетия двадцать первого.

Величайшее достижение Дика, наглядно представленное в изобилии собранных в этом томе рассказов, заключается в превращении материалов американской «бульварной НФ» в своего рода лексикон, словарь для изображения удивительно оригинальных образов всеобщей, доведенной до абсурда паранойи. Эти картины не менее тоскливы, тревожны, чем у Кафки, пусть даже выглядят значительно привычнее, можно сказать, по-домашнему – и в той же мере смешны.

Дик – натуралистический, кухонный сюрреалист, черпающий энергию и идеи из груд клише и тропов бульварной НФ, строящий из них нечто собственное: тут вам и путешествия во времени, и экстрасенсорные возможности, и пришельцы со щупальцами, и лучеметы, и роботы-андроиды. Суррогаты и симулякры, иллюзорные миры, лжерелигии, препараты-плацебо, самозванных полицейских, киборгов он любит в той же степени, в какой и боится их. Тирания правящих миром диктаторов, апокалиптические руины больших городов в его творчестве дело обычное: в мирах Дика принимаются как данность не только Оруэлл с Хаксли, но и старые мастера научной фантастики наподобие Клиффорда Д. Саймака, Роберта Э. Хайнлайна и Альфреда Э. ван Вогта.

Американская научная фантастика середины 1950-х представляла собой нечто вроде джаза: миры и сюжеты ее строились на риффах, на отголосках других миров и сюжетов. Составленный из них разговор мог стать запредельно таинственным, однако быстро усвоенные и подхваченные Родом Серлингом⁴, «Марвел Комикс» и Стивеном Спилбергом, не говоря уж о многих других, они превратились в один из основных словарей нашей эпохи.

Ну, а Дик стал одним из первых писателей, кто с эгоистичным злорадством – «гляньте-ка, гляньте, что я нашел!» – принялся доводить этот материал до абсурда, предвосхищая авторов вроде Курта Воннегута и Джорджа Сондерса. Однако выпуская своих героев на волю, на просторы миров, затейливостью не уступающих изобретениям Руба Голдберга⁵, Дик описывает

---

² *Ленни Брюс* – весьма популярный в 1950–1960-х гг. американский эстрадный комик, социальный критик, сатирик; благодаря смелости суждений – в буквальном смысле слова культовая фигура тех лет.

³ Цитата из стихотворения Уильяма Карлоса Уильямса "К Элси": (в русском переводе – "Чистый продукт Америки"), пер. П. Вегина.

⁴ *Родман Эдвард Серлинг* – американский сценарист, драматург и телепродюсер, в 1950-х – один из самых известных, востребованных сценаристов на телевидении.

⁵ *Рубен Люциус Голдберг* – американский карикатурист, скульптор, писатель, инженер и изобретатель, более всего известен серией карикатур, изображающих т. н. «машины Руба Голдберга», крайне сложные и громоздкие устройства для выполнения

их эмоциональные реакции с неизменным сочувствием. Его персонажи живут в постоянном напряжении, на грани срыва, не зная, откуда ждать новых напастей – психологических, онтологических, фармакологических и прочих. Даже его тираны, диктаторы, правящие миром, то и дело нервно озираются по сторонам, гадая, не собирается ли некая высшая власть стереть их реальность в труху или еще как-нибудь выставить напоказ ее фальшь... или же попросту опасаются возможного ареста. Да-да, тиару Первосвященника Параноиков Дик заслужил на старый добрый манер: в его произведениях на грани ареста находятся все и каждый.

Второй набор использованных Диком мотивов куда прозаичнее: это вполне типичная для 1950-х одержимость образами пригородов, потребителей, бюрократов и бедственным положением маленького человека, вынужденного противостоять императивам капиталистического общества. Казалось бы, Дику, бородатому, не чурающемуся наркотиков калифорнийцу, прямая дорога в битники – тем более что он действительно одно время плотно тусовался в поэтических кругах Сан-Франциско. Однако твердая приверженность к основным материалам своей культуры удержала его, не дала соскользнуть в эскапистские грезы. Вместо этого она надежно связала Дика с писателями наподобие Ричарда Йейтса, Джона Чивера и Артура Миллера – недаром же меткая, в самое яблочко, пародия британского сатирика Джона Сладека на произведения Дика называлась «Солнечный торговец обувью». Да, обращение Дика с материалом «реалистическим» может казаться странно небрежным: как будто его злободневные параноидальные фантазии, настоятельно требующие разрушить фасад обыденности, сбросив на нее атомную бомбу, или еще как-либо модернизировать сей мир, лишают его истинное изображение всякой важности. Однако, сколько бы раз Дик ни разрушал Черную Железную Тюрьму американской пригородной жизни до основания, сколько бы раз ни срывал с нее благопристойные маски, он неизменно снова и снова возвращается к ней. В отличие от персонажей Уильяма С. Берроуза, Ричарда Бротигана или Томаса Пинчона, герои романов и рассказов Дика вплоть до 1970-х продолжали работать на брюзгливых боссов, таскать с собою портфели, тонуть в служебной переписке, возиться с машинами во дворе, гнуть спину, чтоб выплатить алименты, и мечтать об избавлении, о бегстве от всего этого – даже если уже эмигрировали на Марс.

Данное полное собрание рассказов и повестей Дика охватывает всю его писательскую жизнь и, таким образом, может служить своего рода автобиографией, диаграммой роста. От социальной сатиры, достойной «Сумеречной зоны» («Рууг», «Фостер, ты мертв»), до свистопляски сродни описаниям погонь из бульварного чтива, истертой до дыр задолго до того, как эту манеру подхватил Дик («Полный расчет», «Самозванец»), – все его раннее творчество есть декларация идейных пристрастий и поиск методов, которые верой и правдой прослужат ему три с лишним десятка лет. С «Корректировщиков» и «Автофабрики» начинается наше знакомство с Диком времен расцвета, 1960-х, и здесь его персонажи характеризуются скорее выносливостью, чем какими-либо триумфальными победами над обстоятельствами. «Над унылой Землей» представляет собой жутковатый, однако в итоге отвергнутый путь в дебри готической фэнтези, читающийся словно отрывок, не вошедший в роман Ширли Джексон. Многие из рассказов – не что иное, как первоначальное исследование материала, впоследствии переросшего в романы, как, например, мотив «фермера, эмигрировавшего на Марс», послуживший основой вершин творчества Дика, – вспомнить хотя бы рассказы «Бесценное сокровище», «Не отыгратья» и «Кукольный домик», предвосхитившие «Сдвиг во времени» и «Три стигмата Палмера Эдрича». Позже, в «Вере отцов наших», мы сталкиваемся с поздним шедевром Дика, «Помутнением», словно разработанным с «И Цзин» у одного локтя и «Настольным справочником врача» – у другого. Эта последняя история, вместе с «Электрическим муравьем» и «Скромной наградой хрононавтам» – одно из утонченнейших, совершеннейших произведений

простейших задач (например, огромная машина, занимающая целую комнату и служащая для перемещения ложки от тарелки до рта).

Дика за всю его карьеру: здесь политический черный юмор перерастает в гностическую теологию, теология сменяется крайнего сорта солипсизмом, солипсизм уступает место отчаянию, отчаяние ведет к любви... после чего все возвращается на круги своя.

Но если Дик и процветал на почве научной фантастики, то судьба автора, пишущего исключительно фантастику, отнюдь не приводила его в восторг. Был ли он готов к встрече с миром, был ли мир готов к его появлению – Дик жаждал респектабельного признания всевозможными способами, но безуспешно стремился к нему всю жизнь. Вспомнить хотя бы восемь романов, написанных им в серьезнейшей, реалистической манере на протяжении 1950-х и в самом начале 1960-х, теневую сторону его карьеры, известную главным образом литагентам, не сумевшим пристроить эти романы ни в одно из многочисленных нью-йоркских издательств. Конечно, размышлять, чего мог бы добиться Дик, располагая большими профессиональными возможностями, весьма увлекательно, однако в том, что энергия разочарований, неудовлетворенных «мейнстримных» амбиций пошла его книгам только на пользу, сомнений практически нет. Возможно, и беспокойный характер Дика куда лучше подходил положению художника-аутсайдера, в котором ему довелось провести почти всю жизнь. Одержимый судьбами отверженных, мутантов, изгоев, Дик снова и снова возвращался к образу искры жизни или любви, зарождающейся в немислимых или до основания разрушенных местах – это и электронные домашние животные, и выброшенная бытовая техника, и дети-аутисты... а вот для самого Дика такими руинами стала научная фантастика. Увлеченный принятой на себя ролью изгоя, Дик блестяще работает «на задворках» литературы – в этом смысле рассказ «Король эльфов» можно считать аллегорическим изображением литературной карьеры Дика. «Писатель-фантаст» стало для него чем-то сродни самоидентификации, клейму наподобие «сторчавшегося наркомана» или «религиозного мистика» – и это во времена, когда белые американцы мужского пола ни о какой самоидентификации даже не задумывались! В предисловии, написанном для сборника рассказов «Золотой человек», составленного в 1980 г., Дик вспоминает об этом так.

«Читая рассказы, собранные в этом томе, следует помнить, что многие из них написаны в ту пору, когда на НФ смотрели настолько свысока, будто в глазах всей Америки ее не существовало вообще. И в зубоскальстве по адресу писателей-фантастов тоже веселого было мало: нам и без этого жилось – хуже некуда. Даже в Беркли – вернее, особенно в Беркли, – меня то и дело спрашивали: „Но серьезное вы что-нибудь пишете?“ Выбрать карьеру писателя-фантаста – это было все равно что поставить на себе крест: по сути, подавляющее большинство писателей, не говоря уж о подавляющем большинстве других людей, откровенно не понимали, как можно об этом всерьез размышлять. Единственным писателем-нефантастом, обошедшимся со мной уважительно, был Герберт Голд, с которым я познакомился на каком-то литературном вечере в Сан-Франциско. Дав мне автограф на каталожной карточке, он написал так: „Филипу К. Дику, коллеге“, – а я хранил эту карточку, пока чернила не выцвели, и до сих пор благодарен ему за такое милосердие... Так что в моей голове хранится память и о том дне 1977-го, когда мне на официальном городском мероприятии жсал руку мэр Меца [тогда Дик, приглашенный во Францию на фестиваль научной фантастики, только что получил медаль, награду за вклад в литературу], и мьтарства пятидесятых, когда мы с Клео жили на девяносто долларов в месяц, когда не могли даже выплатить штраф за не возвращенную в срок библиотечную книгу и питались, в буквальном смысле этого слова, собачьим кормом. Но думаю, вы сами прекрасно все это понимаете, особенно в том случае, если вам двадцать с чем-нибудь, достаток ваш невелик, а сердце полно отчаяния – неважно, писатель-фантаст вы или нет и чего хотите от жизни. В такое время человеку нередко становится страшно, и зачастую страхи его вполне справедливы: в Америке правда умирают с голоду. Я видел необразованных уличных девчонок, переживших ужасы, не поддающиеся опи-

санию. Я видел лица людей, чей мозг выжжен наркотиками, людей, еще способных кое-как мыслить и понимать, что с ними произошло; я наблюдал их неуклюжие попытки справиться с тем, с чем справиться невозможно... В шестнадцатом веке суфийский поэт Кабир писал: „Нет правды в том, что ты спокоен не испытал“. Я с этим согласен. Вот и вы переживите все это, переживите от начала и до конца, только тогда все и поймете, а мимоходом не понять ничего».

Параллели, проведенные в этом пассаже, безусловно типичны: писатель-фантаст и необразованная уличная девчонка, страдания Дика и ваши... Исполненное самоиронии преклонение перед «милосердием» Герберта Голда уравнивается драгоценной каталожной карточкой с выцветшим автографом, уверенностью в ценности мельчайших жестов, ничтожных крох сочувствия. Дик как писатель был обречен всю жизнь оставаться самим собой, и темы самых глубоких, самых личных его произведений, созданных на протяжении 1970-х и на заре 1980-х – хрупкость связей, притягательность и опасность иллюзий, неожиданный вкус рукотворных объектов, необходимость стойко держаться, оставаться собой перед лицом обезкураживающей уязвимости мира – невольно, сами собой вырисовываются уже в его первых рассказах. В своем творчестве Дик неизменно задается двумя вопросами: «Что есть человек?» и «Что есть реальность?» – а затем ищет ответы на них в любых декорациях, какие сочтет подходящими. Ко дню смерти он успел испробовать и отвергнуть, по крайней мере, дюжину декораций... А вопросы остались прежними, и их абсурдная красота даже не думает увядать до сих пор.

Что касается лично меня, я пишу это предисловие с гордостью. Голос Дика для меня крайне важен и высоко мной ценим. Этот голос сопутствует мне всю жизнь. Как пел Боб Дилан о Ленни Брюсе: «Пускай он мертв, душа его жива». В том же духе и я оставляю здесь последнее слово за Филом, еще раз вспомнив то же эссе из сборника «Золотой человек».

«Помогают мне – если вообще хоть что-нибудь помогает – только горчичные зернышки смешного, отысканные в самом сердце ужаса и бессмыслицы. Вот уже пять лет я, работая над новым романом, вникаю в серьезные, тяжеловесные теологические материи и почерпнул с печатных страниц немало Мудрости Мира. Переработанное мозгом, все это облекается в новые слова – слова внутрь, слова наружу, а утомленный мозг посредине из последних сил старается отыскать во всем этом смысл. Так вот, накануне ночью я принялся за статью об индийской философии из Философской Энциклопедии. Времени – четыре утра, так что устал я изрядно... и вдруг натыкаюсь в недрах серьезной статьи на такое: „Идеалисты буддистского толка, пользуясь самыми разными аргументами, демонстрировали, что восприятие не приносит знания о внешних, отличных от воспринимающего, объектах... Да, предположительно, окружающий мир состоит из множества разных объектов, однако вся разница между ними заключается только в том, что воспринимающий воспринимает их по-разному. Таким образом, разница основана лишь на его впечатлениях. Однако если все дело только в различии впечатлений, какая-либо необходимость в избыточной гипотезе о существовании внешних объектов отпадает сама собой...“ Одним словом, спать я отправился, безудержно хохоча. Битый час перед сном смеялся и смеюсь до сих пор. Доведи философию и теологию до логического завершения, и что в итоге получишь? Ничего. Ничто не существует. И выход, как я уже говорил, только один: во всем находить смешное. Кабир, о котором я здесь уже вспоминал, тоже видел выход в танцах, радости и любви, и писал: „Вот мошка, пусть она мала, но если были бы надеты на лапках у нее браслеты, их звон дошел бы до творца...“⁶ Хотелось бы и мне услышать их звон: быть может, он избавит меня от злости и страха, а заодно и давление в норму придет?»

⁶ Перевод Н. Б. Гафуровой.

Джонатан Летем

Вторая модель

Все примечания, выделенные курсивом, написаны Филипом К. Диком. Годы их написания указаны в скобках в конце каждого раздела. Большая часть этих примечаний предназначалась для сборников «Лучшие рассказы и повести Филипа К. Дика» (год издания – 1977) и «Золотой человек» (год издания – 1980). Остальные написаны по просьбе редакторов, публиковавших либо переиздававших отдельные рассказы в антологиях или журналах.

Дата, следующая непосредственно за названием произведения, – это дата получения рукописи данного произведения агентом Дика, согласно данным литературного агентства Скотта Мередита. Отсутствие даты означает, что таких данных нет (с агентством Мередита Дик начал сотрудничать в середине 1952 г.). Название журнала с указанием месяца и года выпуска номера указывает, где и когда произведение впервые появилось в печати. В скобках после названий произведений приведены изначальные авторские варианты названия согласно данным литературного агентства.

В этом четырехтомнике собраны все рассказы и повести Филипа К. Дика, за исключением повестей, впоследствии опубликованных как романы либо включенных в романы, произведений, написанных им в детские годы, и неопубликованных произведений, рукописи которых не удалось отыскать. Включенные в издание рассказы и повести приведены в хронологический порядок согласно времени написания, насколько это представлялось возможным. Хронологические исследования выполнены Греггом Рикманом и Полом Уильямсом.

Стабильность⁷

Неспешно расправив крылья, Роберт Бентон взмахнул ими с полудюжины раз, величаво, плавно взмыл с крыши и полетел в темноту.

Ночь поглотила его немедленно. Сотни крохотных огоньков, светлых точек внизу указывали на крыши, с которых взлетали другие. Что-то фиолетовое пронеслось рядом, исчезая во мраке, однако Бентон пребывал не в том настроении: ночные гонки нисколько его не прельщали. Фиолетовый силуэт, вновь приблизившись, призывно махнул ему, но Бентон отказался от приглашения и устремился вверх, набирая высоту.

Спустя какое-то время он выровнял лёт и отдался на волю токов теплого воздуха, восходящих к небу от великого города – Воздушного Града, раскинувшегося внизу. Вне себя от восторга, захлестнувшего его с головой, Бентон сложил за спиной огромные белые крылья и в отчаянной, бесшабашной радости нырнул в проплывавшие мимо тучи, устремился к незримому дну бескрайней темной чаши, окружавшей его со всех сторон, и наконец снова взял курс на огни города. Время отдыха приближалось к концу.

Издали, снизу, ему подмигивал огонек, сиявший заметно ярче других, – маячок Пункта Контрольной Службы. Нацелившись на него, словно безупречное, безукоризненно прямое древко стрелы, сложив за спиной белые крылья, Бентон помчался к мигающему огоньку. В какой-то сотне футов от цели он распротер крылья в стороны, наполнив их упругим, вмиг затвердевшим воздухом, и мягко приземлился на ровную крышу.

Стоило ему сойти с места, над нужной дверью ожил, засиял указатель, и Бентон, ведомый его лучом, без труда нашел путь ко входу. Повинуясь нажатию кончиков пальцев, дверь отодвинулась внутрь, и Бентон, переступив порог, с нарастающей скоростью, пулей помчался вниз. Вскоре крохотный лифт остановился. Покинув кабину, Бентон вошел в приемную Контролера.

– Хелло, – приветствовал его Контролер. – Снимайте крылья, присаживайтесь.

Послушавшись, Бентон аккуратно сложил крылья, повесил их на один из множества крючков, рядом тянувшихся вдоль стены, отыскал взглядом самое удобное кресло и направился к нему.

– А-а, – заулыбался Контролер, – вижу, комфорт вы цените.

– Мне, э-э... просто не хочется, чтоб он пропал в пустую, – ответил Бентон.

Контролер перевел взгляд за спину посетителя – там, за прозрачной пластиковой стеной, располагались самые просторные во всем Воздушном Граде одноместные комнаты. Простирались они, насколько хватало глаз, и еще дальше, и в каждой...

– По какому же поводу вы хотели меня видеть? – нарушил молчание Бентон.

Контролер, кашлянув, зашуршал листами писчей фольги.

– Как вам известно, – начал он, – девиз наш – Стабильность. Цивилизация многие сотни лет, особенно начиная с двадцать пятого века, шла на подъем. Однако закон природы, закон бытия гласит: в развитии цивилизация либо идет вперед, либо скатывается назад. Стоять на месте она не может.

– Да, я это знаю, – озадаченно подтвердил Бентон. – И таблицу умножения знаю тоже. Ее вы мне цитировать не собираетесь?

Но Контролер его словно бы не расслышал.

– Однако, – продолжал он, – нам поневоле пришлось нарушить этот закон. Сто лет тому назад...

⁷ [Stability]. Написан в 1947 г. или ранее. Первая публикация в 1987 г.

Сто лет тому назад! Просто не верилось, что с тех пор, с того памятного выступления Эрика Фрайденбурга, представителя Свободных Германских Штатов, в Зале Международного Совета, прошло так много времени. Взяв слово, Эрик Фрайденбург объявил собравшимся делегатам, что человечество наконец достигло пика развития. Дальнейший прогресс невозможен. За последние несколько лет в мире зарегистрировано лишь два крупных изобретения. После этого собравшиеся долго рассматривали огромные графики и диаграммы, вглядывались в кривые, неуклонно, с каждым шагом координатной оси спускающиеся ниже и ниже, к нулевой метке, обращаясь в ничто. Все они демонстрировали одно и то же: титанический кладезь человеческого гения иссяк. Затем Эрик снова взял слово и заговорил о том, что понимали, но боялись высказать вслух все до единого. Разумеется, поскольку обо всем этом было объявлено в официальной манере, Совету пришлось взяться за работу над возникшей проблемой.

Решений было предложено три. Одно из них выглядело куда гуманнее двух остальных – его в конце концов и одобрили. Состояло оно...

В чем?

В стабилизации!

Поначалу, как только обо всем узнали широкие массы, случилось немало бед. В крупнейших городах начались беспорядки, фондовый рынок рухнул, экономика многих стран пошла вразнос. Цены на продовольствие взлетели до небес, что повлекло за собой массовый голод, затем – впервые за три с лишним сотни лет! – разразилась война... Однако Стабилизация началась. Оппозиционеров уничтожили, радикалов навсегда увезли Фургоны. Да, нелегко, да, жестоко, но это решение казалось единственно верным. В итоге бури утихли, а мир застыл без движения, в состоянии, не допускающем никаких перемен – ни шагу вперед, ни полшага назад.

Каждый год все обыватели до единого сдавали нелегкий, в неделю длинной, экзамен, подвергались проверке, не отклонился ли кто от установленных норм. Молодежь интенсивно училась на протяжении пятнадцати лет; не поспевающие за остальными попросту исчезали. Все изобретения рассматривались Контрольными Службами на предмет возможного нарушения Стабильности, и если ее нарушение казалось возможным...

– Вот почему мы не вправе дать вашему изобретению ход, – пояснил Бентону Контролер. – О чем я весьма сожалею.

Под взглядом чиновника Бентон вздрогнул, кровь разом отхлынула от его щек, руки безудержно задрожали.

– Ну-ну, полноте, – мягко сказал Контролер, – не принимайте этого так близко к сердцу: на свете и других дел найдется немало. В конце концов, Фургон ведь вам не грозит!

Но Бентон лишь молча таращился на него.

– Должно быть, тут какое-то недоразумение, – наконец сказал он. – Я ничего не изобретал и понятия не имею, о чем вы.

– «Ничего не изобретали»? – воскликнул Контролер. – Однако я дежурил в тот самый день, когда вы принесли материалы на рассмотрение! Я сам видел, как вы подписывали заявку на право собственности! И своими руками принял у вас прототип!

Смерив Бентона недоуменным взглядом, он нажал кнопку с края стола и сказал в небольшой кружок света:

– Пришлите мне информацию по номеру 34500-Дэ, будьте любезны.

Не прошло и пары секунд, как из кружка света выскользнул цилиндрический тубус. Подхватив тубус, Контролер протянул его Бентону.

– Внутри заявка за вашей подписью, – пояснил он, – заверенная отпечатками пальцев в соответствующих графах. Уж их-то, кроме вас, оставить не мог никто.

Лишившийся дара речи, Бентон свинтил с тубуса крышку, вынул бумаги, внимательно оглядел их, а после неторопливо убрал на место и вернул тубус Контролеру.

– Да, – подтвердил он, – почерк действительно мой и отпечатки мои. И все-таки непонятно мне... я ведь в жизни ничего не изобретал и здесь никогда прежде не был! Что же это за изобретение?

– «Что за изобретение»? – в изумлении переспросил Контролер. – А вы, можно подумать, не знаете?

– Понятия не имею, – проговорил Бентон, неторопливо покачав головой.

– Ну что ж, если хотите выяснить, придется спуститься вниз, к другим служащим. Я могу сообщить только одно: Наблюдательный Комитет в правах на изобретение вам отказал. Мое дело – донести до вас их решение, а с остальным нужно обращаться к ним, не ко мне.

Бентон, поднявшись с кресла, направился к двери. Эта дверь, как и прежняя, распахнулась перед ним, стоило только коснуться створки, и Бентон шагнул за порог, в недра Пункта Контрольной Службы.

– Не знаю, что у вас на уме, – возмущенно крикнул ему вслед Контролер из-за закрывающейся двери, – но чем карается нарушение Стабильности, вам известно!

– Боюсь, Стабильность уже нарушена, – ответил Бентон, не замедлив шага.

Помещение Пункт Контрольной Службы занимал просто гигантское. Остановившись на галерее, Бентон взглянул вниз. Под ногами, скармливая безотказно жужжащим счетным машинам огромные кипы перфокарт, трудилась не одна тысяча человек. Еще столько же работали за столами, печатая информационные сводки, заполняя таблицы, разбирая карточки, расшифровывая сообщения; на стенах извивались, постоянно меняясь, кривые графиков умопомрачительной величины – одним словом, работа в огромном зале кипела вовсю. Несмолкающее гудение счетных машин, пулеметный – тап-тап-тап – стук клавиш, невнятный ропот множества голосов сливались в негромкий умиротворяющий гул, гул исполинского механизма, бесперебойная работа которого ежедневно обходилась в неисчислимые суммы денег, а посвящалась одной-единственной великой цели, имя коей – Стабильность.

Здесь обитала та сила, что связует мир воедино. Весь этот зал, все эти люди, трудившиеся не покладая рук, вплоть до сурового, неумолимого человека, сортирующего карточки в кучу, помеченную «к уничтожению», работали со слаженностью колоссального симфонического оркестра. Одна фальшивая нота, одна нота не в такт, и вся конструкция содрогнется до основания... Но нет, никто не фальшивил, никто не мешкал, никто не сбивался с общего ритма.

Спустившись пролетом ниже, Бентон подошел к столу клерка информационной службы.

– Дайте мне полную информацию по заявке на регистрацию изобретения, поданной Робертом Бентоном, номер 34500-Дэ, – сказал он.

Клерк, кивнув, отошел от стола и через пару минут вернулся с металлическим ящиком.

– Здесь чертежи и небольшая действующая модель изобретения, – пояснил он, водрузив ящик на стол и откинув крышку.

Бентон изумленно воззрился на содержимое. В ящике, поверх толстой стопки писчей фольги с чертежами, мирно лежало какое-то затейливое устройство непонятного назначения.

– Могу я забрать все это? – спросил Бентон.

– Да, если владелец – вы, – ответил клерк.

Бентон предъявил ему удостоверение личности. Внимательно изучив документ и сравнив с данными заявки, чиновник согласно кивнул, а Бентон, закрыв ящик, подхватил его подмышку и поспешно покинул здание через боковой выход.

Боковой выход вывел его на одну из широких подземных улиц, навстречу буйству огней и шуму мчащихся мимо машин. Разобравшись, где находится, Бентон принялся высматривать линейное такси, чтоб добраться домой. Вскоре подходящий автомобиль отыскался, и Бентон уселся в кабину. Спустя две-три минуты он осторожно приподнял крышку ящика и заглянул внутрь. Увы, назначение странной модели по-прежнему оставалось для него загадкой.

- Что у вас там, сэр? – спросил робот-водитель.
- Хотел бы я знать, – с горечью проворчал в ответ Бентон.

Пара крылатых летунов, спикировав сверху, помахали ему руками, заплясали в воздухе перед машиной и секунду спустя исчезли из виду.

- А-а, птица-курица, – ругнулся Бентон себе под нос. – Крылья забыл, раззява.

Что ж, возвращаться за крыльями было поздно: автомобиль как раз замедлял ход перед его домом. Расплатившись с водителем, Бентон вошел к себе и запер за собой дверь, что проделывал крайне редко. Лучшим местом для изучения содержимого ящика казалась «комната для раздумий», где он проводил время отдыха, когда не летал. Здесь, в окружении книг и журналов, Бентон мог разглядеть изобретение, никуда не спеша.

Набор чертежей оказался для него сущей китайской грамотой, а уж само устройство – тем более. Сколько он ни разглядывал ее со всех сторон, и сверху, и снизу, сколько ни искал смысл в технических символах чертежей – все без толку. Что ж, путь оставался только один. Отыскав на устройстве тумблер «вкл./выкл.», Бентон щелкнул им, и...

Около минуты все оставалось по-прежнему. Затем пол, потолок, стены комнаты дрогнули, всколыхнулись, подернулись рябью, будто огромная студенистая масса, на миг замерли и исчезли.

Падая вниз, в пустоту наподобие нескончаемого темного туннеля, Бентон забарахтался в воздухе, судорожно замахал руками в попытках нащупать опору, уцепиться хоть за что-нибудь. Беспомощный, охваченный ужасом, он даже не мог понять, долго ли длится падение. Казалось, полету не будет конца... Но вот наконец он приземлился, целый и невредимый: очевидно, падение продолжалось не так уж долго. Даже металлизированная ткань одежды ничуть не помялась. Поднявшись, Бентон огляделся вокруг.

Место, где завершился полет, оказалось незнакомым и крайне странным. Вокруг простиралось поле... из тех, которых, как полагал Бентон, давным-давно не существовало. Увесистые колосья пшеницы колыхались на ветру золотистыми волнами, тянулись к самому горизонту, однако он был уверен, он твердо знал: настоящий хлеб больше не выращивают ни в одном уголке земли. Прикрыв ладонью глаза, Бентон взглянул на солнце, но оно выглядело точно таким же, как всегда. Еще раз оглядевшись, Бентон пошел вперед.

Спустя около часа пшеничные поля кончились, вместо них впереди стеной поднялся лес. Между тем из всего прочитанного Бентоном следовало, что лесов на земле не осталось тоже, все лесные массивы погибли много лет назад. В таком случае где же он?

Бентон двинулся дальше, ускорив шаги, а когда и этого показалось мало, перешел на бег. В скором времени впереди замаячил невысокий холм. Взбежав на его вершину, Бентон взглянул вперед... и остолбенел. За взгорком начинались бескрайние пустоши, безукоризненно ровная голая земля: ни травинки, ни деревца, ни единого признака жизни – лишь мертвая, выжженная солнцем пустыня до самого горизонта.

Поразмыслив, Бентон продолжил путь вниз по склону, к равнине. От иссохшей земли под ногами веяло жаром, однако он не сдавался, шел вперед и вперед. Со временем каждый шаг начал отзываться болью в натруженных, непривычных к долгой ходьбе ступнях, да и вообще устал он изрядно, однако твердо решил одолеть путь до конца. Чей-то негромкий шепот в голове гнал вперед, подстегивал, призывал не сбавлять шага.

- Оставь эту штуку. Не подбирай, – остерег его чей-то голос.

– А вот и подберу, – проскрежетал Бентон, скорее себе самому, чем кому-либо еще, и наклонился, но тут же опомнился.

Голос... откуда?! Бентон поспешил оглянуться, но никого не обнаружил вокруг. Однако голос ему не почудился, и мало этого, поначалу у Бентона, хоть и ненадолго, создалось впечатление, будто голоса из воздуха – дело совершенно естественное. Вновь наклонившись, он при-

гляделся к штуковине, которую собирался поднять. Штуковина оказалась стеклянным шаром величиной примерно с кулак.

– Не тронь, не то от твоей драгоценной Стабильности не останется камня на камне, – пригрозил голос.

– Стабильность не уничтожить никому и ничему, – машинально откликнулся Бентон.

Прохладный на ощупь стеклянный шар приятно, увесисто лег в ладонь. Внутри, за стеклом, что-то темнело, но на жару, излучаемой огненной сферой над головой, перед глазами все расплывалось, и что там такое, Бентон не разглядел.

– Ты отдаешь собственный разум во власть очень скверной вещи. Во власть средоточия зла, – предупредил голос. – Положи шар на место и уходи.

– Средоточия зла? – в удивлении переспросил Бентон.

Под палящим солнцем ему жутко хотелось пить. Рука словно сама собой сунула шар под рубашку.

– Не вздумай! – повелительно рявкнул голос. – Ему только это и нужно!

Уложенный за пазуху, угнездившийся возле самого сердца шар приятно охлаждал грудь, словно спасая Бентона от нещадной жары. Что там такое несет этот голос?

– Это он призвал тебя сюда сквозь время, – объяснил голос. – Теперь ты повинешься ему во всем без сомнений и колебаний. Я – его страж, я стерегу его с момента создания этого мира-времени. Уходи поскорее, а шар оставь, где нашел.

Действительно, жара на равнине стояла ужасная. Бентону самому хотелось поскорее убраться отсюда – тем более что и шар побуждал его немедленно отправиться в обратный путь, напоминая о жгучем солнце, о пересохшем горле, о звоне в голове. Развернувшись, прижав к груди шар, Бентон зашагал восвояси. Бесплотный голос отчаянно, яростно взывал за его спиной.

Больше в памяти не отложилось почти ничего. Запомнилось только, что, миновав равнину, он снова увидел перед собою поля пшеницы, спотыкаясь, пошатываясь на ходу, пересек их и наконец оказался на том же месте, где очутился после падения сквозь темноту. Здесь шар велел ему подобрать крохотную машину времени, оставленную в траве, и зашептал, подсказывая, какой верньер куда повернуть, какой ползунок передвинуть, какую кнопку нажать, каким тумблером щелкнуть. Не прошло и минуты, как Бентон вновь рухнул вниз, вновь полетел вдоль коридора сквозь время – назад, назад, в седую дымку тумана, туда, откуда упал в первый раз, обратно в собственный мир.

Вдруг шар велел ему притормозить. Нет, путешествие во времени еще не завершилось, однако по пути Бентону предстояло сделать еще кое-что.

– Как, вы сказали, ваша фамилия? Бентон? Чем могу вам помочь? – спросил тот самый, уже знакомый ему Контролер. – Прежде вы у нас, если не ошибаюсь, не были?

Бентон озадаченно поднял брови. Как это? Что значит «не были»? Он ведь, можно сказать, только-только отсюда ушел! Или нет? Что за день-то сейчас? Куда его занесло? Устало потерев лоб, он грузно опустился в то же самое покойное кресло. Во взгляде Контролера мелькнула тревога.

– Что с вами? – спросил он. – Помощь не требуется?

– Со мной все в порядке, – заверил чиновника Бентон, только сейчас заметив, что держит что-то в руках. – Я хочу зарегистрировать вот это изобретение. Представить его на рассмотрение Наблюдательного Комитета.

С этими словами он вручил Контролеру машину времени.

– А чертежи его у вас есть? – спросил Контролер.

Покопавшись в кармане, Бентон отыскал чертежи, небрежно швырнул их на стол перед Контролером, а прототип положил с ними рядом.

– Что это такое, Комитет разберется без труда, – сказал он.

Голова его просто-таки раскалывалась. Охваченный желанием поскорее уйти, Бентон поднялся на ноги.

– Пойду, – пробормотал он и двинулся к той самой боковой двери, через которую вошел внутрь.

Контролер проводил его немигающим взглядом.

– Очевидно, – сказал Первый Член Наблюдательного Комитета, – этим устройством он и воспользовался. Стало быть, вы говорите, в первый раз он вел себя так, будто никогда прежде здесь не бывал, а во время второго визита не помнил ни о подаче заявки, ни об изобретении, ни даже о том, что когда-либо был у нас?

– Совершенно верно, – подтвердил Контролер. – Мне он еще в первый раз показался подозрительным, но что все это значит, мне удалось понять только после второго его появления. Вне всяких сомнений, устройством он пользовался.

– Согласно медианной кривой, в скором времени нас ожидает появление дестабилизирующего элемента, – заметил Второй Член Комитета. – Чем угодно ручаюсь, это наш мистер Бентон и есть.

– Машина времени, надо же! – воскликнул Первый Член Комитета. – Такая вещь может оказаться крайне опасной. Когда он явился сюда в... э-э... в первый раз, при нем что-нибудь было?

– Я ничего особенного не заметил, – откликнулся Контролер, – вот только шел он, как будто держит что-то за пазухой.

– Тогда нужно действовать без промедления. К этому времени он уже мог положить начало череде событий, которую Стабилизаторам будет затруднительно прервать. Пожалуй, настала наша очередь заглянуть к мистеру Бентону в гости.

Тем временем Бентон, сидя в гостиной, глядел и глядел в пустоту. Казалось, глаза его остекленели, да и все тело словно сковало льдом. Шар говорил с ним, рассказывал о своих замыслах и надеждах, но вдруг ни с того ни с сего замолчал.

– Идут. Сюда идут, – сказал шар.

Все это время находка лежала возле Бентона, на диване, и ее тихий, едва уловимый шепот сочился в голову, будто дымок, вьющийся над огнем. Разумеется, на самом деле шар не проронил ни слова, разговаривал лишь языком мысли, однако Бентон прекрасно слышал все.

– Что же мне делать? – спросил он.

– Ничего, – ответил шар. – Сиди спокойно. Сами уйдут.

В прихожей задребезжал звонок, но Бентон не сдвинулся с места. Снова звонок. На сей раз Бентон беспокойно заерзал. Спустя какое-то время незваные гости спустились на тротуар и вроде бы отправились восвояси.

– И что теперь? – спросил Бентон.

Казалось, шар призадумался.

– По-моему, наш час вот-вот наступит, – после долгой паузы откликнулся он. – До сих пор я ни в чем не ошибся, и самое трудное уже позади. Труднее всего оказалось устроить тебе путешествие во времени. На это ушли многие годы. Страж был изрядно хитер, а ты все никак не отзывался, но после того как я нашел способ передать машину тебе в руки, успех был гарантирован. Вскоре ты выпустишь нас из этого шара, и после целой вечности в...

Со стороны задней двери дома донесся скрежет и негромкие голоса, заставившие Бентона вздрогнуть.

– С черного хода пробрались! – воскликнул он.

Шар зло зашуршал.

Неторопливо, с опаской переступив порог, в гостиную вошли Контролер и Члены Комитета. Увидев Бентона, они остановились как вкопанные.

– Мы полагали, вас нет дома, – заметил Первый Член Комитета.

Бентон повернулся к нему.

– Хелло, – сказал он. – Прошу прощения, что на звонок не ответил: я тут слегка задремал. Чем могу вам служить?

С этим он осторожно протянул руку к шару, и шар словно бы сам покатился навстречу, под защиту его ладони.

– Что это у вас там? – разом насторожившись, спросил Контролер.

Бентон перевел взгляд на него. В голове снова зазвучал шепот шара.

– Ничего особенного. Всего-навсего пресс-папье, – с улыбкой ответил он. – Прошу, присаживайтесь.

Пришедшие расселись по креслам, и Первый Член Комитета заговорил:

– Вы приходили к нам дважды: вначале – подать заявку на рассмотрение изобретения, а после – по нашему вызову, поскольку мы не сочли возможным дать вашему изобретению ход.

– И? – напружинился Бентон. – С этим что-то не так?

– О нет, – заверил его Первый Член Комитета, – вот только ваш первый – для нас первый – визит для вас был не первым, вторым. Доказательств этому не одно и не два, но углубляться в подробности я в данный момент не стану. Главное вот в чем: машина до сих пор у вас. Вот это действительно проблема проблем. Где она? Должна быть где-то здесь. Да, заставить вас отдать ее мы не можем, но в конце концов своего – так ли, иначе – добьемся.

– Что да, то да, – согласился Бентон. – Добьетесь, это уж точно...

Вот только где же машина? Казалось бы, он совсем недавно оставил ее в приемной Контрольной Службы... однако уже забрал ее, перенесся с нею сквозь время, а после, по пути в настоящее, вернул ее Контролеру!

– Ее больше не существует, – шепнул шар, прочитав его мысли. – Вернее, существует она только в пределах замкнутой петли времени, а замкнулась петля в тот момент, когда ты передал машину в Контрольную Службу. Пускай эти люди поскорее уйдут, и мы с тобой завершим начатое.

Поднявшись на ноги, Бентон спрятал шар за спиной.

– Боюсь, машины времени у меня нет, – сказал он, – и я даже не знаю, где она, но если угодно – пожалуйста, можете поискать.

– Вообще-то вы совершили тяжкое преступление. Преступление, достойное Фургона, – заметил Контролер. – Однако мы не усматриваем в ваших действиях злого умысла и не хотим карать кого-либо, не имея на то веской причины. Желаем мы одного: сохранения Стабильности. Нарушишь Стабильность – все, все пойдет прахом.

– Пожалуйста, ищите, – повторил Бентон, – только ничего не найдете.

Члены Комитета с Контролером взялись за поиски. Перевернули кресла, подняли ковры, искали и за картинами, и в стенах, но не нашли ничего.

– Вот видите, я даже не думал обманывать вас, – с улыбкой сказал им Бентон, когда все они вернулись в гостиную.

– Вы могли спрятать ее где-то вне дома, – пожав плечами, откликнулся Первый Член Комитета, – однако это неважно.

Тут вперед выступил Контролер.

– Стабильность, – заговорил он, – подобна гироскопу. Сбить ее с курса непросто, но как только пойдет не туда, ничем уже не остановишь. На наш взгляд, вам самому сил повернуть гироскоп не хватит, но что, если это по плечу кому-либо из ваших сообщников? Сейчас мы уйдем, а вам будет позволено покончить с собой самому либо дожидаться Фургона. Выбор за вами. Разумеется, без присмотра вы не останетесь и, я уверен, от попыток к бегству воздержитесь. В противном случае вас ждет немедленное уничтожение. Стабильность необходимо блюсти, чего бы это ни стоило.

Смерив гостей взглядом, Бентон опустил шар на стол. Члены Комитета взглянули на него с интересом.

– Пресс-папье, – напомнил им Бентон. – Занятная вещица, не правда ли?

Утратив к шару весь интерес, Члены Комитета приготовились уходить. Однако Контролер, глянув на шар внимательнее, поднял его повыше, поближе к свету.

– Миниатюрный город, а? – сказал он. – И ведь во всех подробностях... тонкая, однако, работа!

Бентон замер на месте, не сводя с него глаз.

– Просто диву даешься, каких высот некоторые достигают в искусстве резьбы, – продолжал Контролер. – Однако что же это за город? Похоже, из древних, вроде Тира или Вавилона, а может, наоборот, город далекого будущего. И знаете, он напоминает мне об одной старинной легенде.

Все это время чиновник тоже не сводил с Бентона испытующего взгляда.

– Легенда, – продолжал он, – гласит: некогда был на свете очень злой, скверный город. Такой скверный, что Господь сделал его совсем крохотным, упрятал в стеклянный шар и приставил к нему какого-то стража, приглядывать, чтобы случайный прохожий, разбив стекло, не выпустил город на волю. Так он якобы и лежит уже целую вечность, ждет случая освободиться... ну, а это, вероятно, его макет.

– Идемте! – окликнул Контролера с порога Первый Член Комитета. – Время не ждет: сегодня вечером у нас еще куча дел.

Контролер резко обернулся к спутникам.

– Постойте! – сказал он. – Не торопитесь.

С этим чиновник, не выпуская шара из рук, двинулся к Членам Комитета.

– Уходить рано. Преступно рано, – пояснил он, и Бентон отметил, что лицо его побледнело как полотно, однако челюсти твердо, решительно сжаты.

Подойдя к двери, Контролер вдруг развернулся к Бентону.

– Путешествие во времени, город внутри стеклянного шара! Вам ни о чем это не говорит? Во взглядах Членов Наблюдательного Комитета отразилось только недоумение.

– Дремучий невежда отправляется странствовать сквозь время и возвращается с какой-то необычной стекляшкой, – пояснил Контролер. – Вот с такой вот занятой, однако малополезной диковинкой. Вы здесь ничего странного не видите?

Первый Член Комитета тоже вмиг побледнел.

– Господи, спаси и помилуй! – еле слышно выдохнул он. – Проклятый город... там, в этом шаре?!

Теперь он глядел на стеклянный кругляш, точно не веря собственным же глазам. Тем временем Контролер воззрился на Бентона с легкой усмешкой.

– Ну, не забавно ли, насколько мы порой глупы? – заметил он. – Однако со временем это проходит. В конце концов мы прозреваем. А ну, назад! Не трогать!

Бентон медленно отступил в глубину комнаты. Пальцы его тряслись мелкой дрожью.

– Ну, и? – зло выпалил он.

Шар тоже злился: оставаться в руке Контролера ему не хотелось. Еще миг, и он разрился негромким жужжанием, но Контролер, почувствовав волны вибрации, ползущей от кисти к локтю, только крепче стиснул шар в кулаке.

– По-моему, этой пакости хочется, чтоб я разбил шар. Чтоб я хватил шаром об пол и выпустил на волю то, что заключено внутри, – сказал чиновник, не сводя глаз с миниатюрных шпилей и крыш домов в туманной мгле за выпуклым стеклом, с крохотного города, который легко мог бы накрыть ладонью.

Тут Бентон и прыгнул к нему – прямой, как стрела, уверенно, подобно тому, как много раз взмывал в небеса. Казалось, сейчас каждая минута, каждый миг полетов в теплой, черной

как смоль атмосфере Воздушного Града пришел ему на подмогу. Вечно занятый важной работой, заваленный грудями накопившихся дел, разумеется, не оставляющих времени для наслаждения авиаспортом, предметом особой гордости Воздушного Града, Контролер рухнул с ног как подкошенный. Шар, выбитый из его рук, поскакал, покатился по комнате. Оттолкнув Контролера, Бентон поспешно вскочил и со всех ног бросился следом за крохотной блестящей сферой. Перед глазами его промелькнули физиономии перепуганных, остолбеневших Членов Наблюдательного Комитета и лицо с трудом поднимающегося на ноги Контролера, искаженное болью и ужасом.

Шар тихо, вкрадчиво звал Бентона за собой. Подбежав к шару, он уловил в его шепоте триумфальные нотки, переросшие в радостный вопль, как только каблук Бентона сокрушил стекло, удерживавшее крохотный город в неволе.

С громким, резким хлопком шар разлетелся на части. Спустя секунду-другую над осколками за клубился туман. Вернувшись к дивану, Бентон присел и замер, не сводя с него глаз. Вскоре туман заволок комнату от стены до стены. Разрастающаяся серая дымка казалась почти живой – уж очень странно дрожали, вились в воздухе ее пряди.

Мало-помалу Бентона начало клонить в сон. Туман сомкнулся вокруг него, окутал ноги, поднялся к груди и наконец за клубился прямо перед глазами. Обмякший, Бентон устроился поудобнее, откинулся на спинку дивана, смежил веки, и незнакомый, невероятной древности аромат накрыл его с головой.

Вскоре до него донеслись голоса. Началось все с едва слышного, далекого шепота вроде шепота стеклянного шара, повторяемого бесчисленное множество раз. Но вот хор шепчущих голосов из разбитого шара набрал силу, заполнил все вокруг, преисполнился восторга, перерос в радостную триумфальную песнь – в гимн победе! Заключенный в шаре миниатюрный город задрожал, померк, на глазах меняя размеры и формы. Теперь Бентон не только видел, но и слышал его – мерный, словно бой исполинского барабана, грохот и лязг механизмов, тряские волны вибрации приземистых стальных созданий.

Создания эти требовали заботы, и, разумеется, заботились о них на славу. Рабы – потные, сгорбленные, бледнолицые люди – из кожи вон лезли, лишь бы ревущие топки, средоточия стали и мощи, оставались довольны. Вся эта картина росла, росла на глазах, пока не заполнила комнату снизу доверху, а взмокшие от пота рабочие не засуетились вокруг, под самым носом, едва не задевая Бентона локтями. Неукротимый рев пламени, скрежет шестерен, лязг шатунов и клапанов заглушил все прочие звуки. Что-то мягко толкнуло в плечо, призывая его вперед, вперед, в объятия Великого Города, и туман радостно, самозабвенно вторил новой победной песне обретших свободу.

Проснулся Бентон еще до восхода солнца и к тому времени, как колокол зазвонил побудку, уже покинул тесную спальную комнату. Влившись в ряды марширующих на работу товарищей, он мельком заметил вокруг несколько знакомых лиц: людей, с которыми вроде бы где-то когда-то встречался, однако воспоминания тут же померкли. Пока все они колонной шли к ожидающим их машинам, нестройно горланя тот самый напев, что многие сотни лет вел на работу их предков, Бентон, сутулясь под тяжестью выюка с инструментами на спине, подсчитывал время, оставшееся до следующего дня отдыха. Ну что ж, не так уж и долго – еще какие-то три недели, и он вполне может оказаться в очереди за вознаграждением, если, конечно, будет на то воля Машин...

А почему нет? Разве не служит он своей машине верой и правдой?

начал тешить заблуждениями, будто стану зарабатывать писательством на жизнь. Вбил себе в голову, что вполне смогу уволиться из магазина грампластинок, купить пишущую машинку получше и писать целыми днями – и при этом аккуратно вносить платежи за дом. Ну, а как только всерьез начинаешь так думать, за тобой приезжают и увозят известно куда ~~причем испортившие~~ для твоей же пользы. А после, когда выписывают как излечившегося, от подобных фантазий не остается даже следа, и ты снова идешь работать – в магазин грампластинок, в супермаркет, в чистильщики обуви, нужное подчеркнуть. Видите ли, в чем штука: быть писателем – это... Ну вот как в тот раз, когда я спросил одного из друзей, чем он думает Уйду в пираты, – и при этом отнюдь не заняться, окончив колледж, а он ответил: – шутил. Ну, а продать «Рууга» мне удалось благодаря Тони Бучеру, объяснившему, каким образом следует изменить первоначальную версию. Без его помощи торговать бы мне пластинками до сих пор. Серьезно. В то время Тони вел небольшую студию литературного мастерства, помещавшуюся в гостиной его дома в Беркли. Там он зачитывал наши рассказы вслух, и мы ясно видели – нет, не только что они отвратительны, но и как это можно исправить. В простых объяснениях, почему твоя писанина никуда не годна, Тони смысла не видел – он помогал нам превращать писанину в искусство. Уж Тони-то знал, как делается хороший текст, и за науку брал с человека (прикиньте!) доллар в неделю. Один доллар! Нет, если в этом мире и был хоть один хороший человек, то это он, Энтони Бучер. Мы вправду любили его всей душой. А раз в неделю собирались поиграть в покер. Покер, опера и литература для Тони были в равной мере важны. Как мне его не хватает! Однажды ночью, еще в 1974-м, мне приснилось, будто я перешел в потусторонний мир, гляжу, а там меня дожидается Тони... Как вспомню этот сон – слезы на глаза наворачиваются. Гляжу: вот он, только превратился зачем-то в Тигра Тони из той рекламы овсяных хлопьев для завтрака, а видеть меня рад так, что словами не описать, и я сам рад не меньше... Увы, это был только сон. Тони Бучера с нами больше нет, но я благодаря ему все еще писатель и всякий раз, как сажусь за новый роман или рассказ, вспоминаю этого человека. Наверное, именно он научил меня писать из любви, не из амбиций, а подобный урок не помещает в любом занятии, сколько бы ни было их на свете. Этот крохотный рассказ, «Рууг», написан в память о настоящем псе, на сегодняшний день, как и Тони, оставившем этот мир. Звали пса Снупером, и к своей работе он относился не менее серьезно, чем я к своей. Работа его, очевидно, заключалась в том, чтобы зорко стеречь пищу, хранящуюся в хозяйском мусорном баке, от всякого, кому вздумается на нее польститься. Трудился Снупер в искреннем заблуждении, будто отбросами хозяева весьма и весьма дорожат. Еще бы: они каждый день выносят из дома бумажные пакеты со всевозможными вкусами, аккуратно укладывают их в прочный железный бак и накрепко закрывают его крышкой! К концу недели бак наполнялся доверху – и тут-то к воротам подкатывали на огромном грузовике сквернейшие, страшнейшие воплощения сил зла во всей Солнечной системе, чтобы похитить еду. В какой день недели ждать их, Снупер прекрасно знал: являлись они неизменно по пятницам. И вот, каждую пятницу, около пяти утра, он испускал первый лай. По нашим с женой соображениям, примерно в это время у изголовий постелей мусорицков звонили будильники. Когда они выходили из дома, Снупер тоже это понимал, и даже не понимал – слышал. Он был единственным, кто знал обо всем: кроме него, творящегося безобразия не замечала ни одна живая душа. Должно быть, Снупер искренне полагал, что живет на планете умалишенных. И хозяева, и все прочие жители Беркли прекрасно слышали развезжавших по улицам мусорицков, но никто не удосуживался шевельнуть даже пальцем. Его гавканье еженедельно доводило меня до белого каления, однако завороченность логикой Снупера всякий раз пересиливала досаду, вызываемую его отчаянными стараниями поднять нас с постели. Как должен был выглядеть мир в глазах этого пса? Очевидно, он видел окружающее не так, как мы. У Снупера имелась своя – завершенная, целостная система взглядов, ничуть не похожая на нашу, однако с учетом фактов, лежащих в ее основе, вполне логичная. Проще говоря, в этом и заключена почти вся суть моей двадцатисемилетней карьеры профессионального писателя. По большей части все мое творчество есть череда попыток забраться в голову другого человека, другого живого существа и посмотреть вокруг его глазами, и чем сильнее этот человек либо существо отличается от нас, остальных, тем лучше. Начинаешь с его собственного сознания, а оттуда, изнутри, идешь наружу, рисуешь его мир. Разумеется, на самом деле его мир тебе не постичь, но, по-моему, правдоподобных догадок можно построить немало. С этого рассказа я начал развивать вот какую идею: всякое живое существо живет в мире, хоть чем-то да отличающемся от миров всех остальных, – и до сих пор полагаю, что это чистая правда. Ведь тот же Снупер искренне считал мусорицков созданиями злыми, страшными, а значит, видел их совсем не такими, как мы, люди. Правда, с этой мыслью – что каждое живое существо видит мир не так, как прочие создания, – согласны далеко не все. Тони Бучеру очень хотелось показать «Рууга» одной известной, маститой составительнице антологий (назовем ее Джэ. М.) и посмотреть, не сможет ли она подыскать для него применение. Ее ответ вознал меня в ступор. «Мусорицки, – писала она, – выглядят совсем не так. Где же вы видели мусорицков с головами, „болтающимися на тонких и дряблых шеях“? Кроме того, они вовсе не едят людей...» Дальше она перечислила еще не меньше двадцати ошибок, и все они так или иначе были связаны с созданными мной образами мусорицков. В ответном письме я объяснил: да, вы совершенно правы, однако для пса... Ну хорошо, ладно, пс ошибается. Каюсь. Признаю. Пес слегка помешался на этой теме. Мы здесь имеем дело не просто с псом и его видением мусорицков, но с ненормальным псом, тронувшимся на почве их еженедельных набегов на мусорный бак. С псом, доведенным до грани отчаяния. Именно это я и хотел передать. Более того: именно в этом и заключается вся соль рассказа: не в силах защитить хозяев от повторяющихся каждую неделю «грабежей», пес сходит с ума. А Рууги все понимают. Наслаждаются этим. Дразнят, мучают пса. Усугубляют его безумие. Поместить рассказ в свою антологию мисс Джэ. М. отказалась, однако Тони напечатал его, и с тех пор он печатался еще не раз и не два – и, более того, недавно включен в хрестоматию для старших классов. Как-то раз я встречался со школьниками, которым он был задан, и все ребята прекрасно поняли, о чем речь. Что интересно, лучшие всех ухватил суть рассказа ученик, лишенный зрения. Именно он с самого начала понял, что значит слово «Рууг», почувствовал всю глубину отчаяния, и бессильную ярость и горечь поражения, переживаемую псом снова и снова. Возможно, где-то между 1951-м и 1971-м мы все выросли до восприятия опасностей и трансформаций обыденного, которых прежде даже не замечали, – не знаю, судить не берусь. Но как бы там ни было, «Рууг», первое проданное мною произведение, писалось, можно сказать, с природы: наблюдая страдания пса, я самую малость – не полностью, но, может быть, хоть немного – понял, что его губит, и мне захотелось высказаться от его имени. Вот оно, все перед вами. Да, Снупер не умел говорить, но я-то умею. И более того, могу все это записать, а записанное кто-нибудь напечатает, и рассказ мой прочтет немало людей. В этом и заключен весь смысл художественной литературы: писатель становится голосом тех, кто лишен голоса, если вы понимаете, о чем я. Нет, это не твой голос: ты всего-навсего автор; твоим голосом говорят те, кого обычно не слышат. Пусть пес по имени Снупер мертв, но пес из моего рассказа, Борис, жив до сих пор. Тони Бучер мертв тоже, а в свое время смерть постигнет и меня, и, увы, вас. Однако когда я в 1971-м, спустя ровно двадцать лет после того, как у меня купили этот рассказ, беседовал о «Рууге» со старшеклассниками, лай Снупера не смолкал, и его мука, его благородство и самоотверженность продолжали жить, чего он вполне заслуживал. Мой рассказ – дар ему, зверю, псу, большему не видящему, не слышащему и не лающему. Ведь он, черт побери, поступал совершенно правильно, пусть даже мисс Джэ. М. этого не поняла. (Написано в 1978 г.). Сам я люблю этот рассказ всем сердцем и вряд ли сегодня пишу хоть сколько-нибудь лучше, чем тогда, в 1951-м, – разве что дольше. (1976 г.)

Рууг⁸

– Ру-уг! – пролаял пес, поднявшись на задние лапы, опершись передними на ограду и оглядевшись вокруг.

Рууг шустро бежал ко двору.

Было раннее утро: солнце, можно сказать, еще не взошло, воздух холоден, сер, стены дома мокры от росы. Не сводя глаз с Рууга, пес чуть приоткрыл пасть и крепче вцепился большими черными лапами в верхушки штaketника.

У открытой калитки, ведущей во двор, Рууг остановился – мелкий, тощий и бледный, нетвердо державшийся на ногах. Он подмигнул псу. В ответ тот оскалил клыки.

– Ру-уг! – снова пролаял он.

Лай его гулким эхом унесся в безмолвный сумрак. Ничто вокруг не шелохнулось. Оттолкнувшись от заборчика, пес упал на четвереньки, двинулся через двор, к крыльцу, устроился на нижней ступеньке и снова замер, пристально глядя на Рууга. Тот остановился под окном, мельком взглянув на пса, поднялся на носки и вытянул шею, приносясь к окну.

Пес пулей метнулся через двор, ударил лапами о заборчик, так что створка калитки, вздрогнув, жалобно заскрипела. Рууг поспешно, смешными мелкими шажками, засеменял вдоль дорожки прочь. Пес, тяжело дыша, свесив наружу розовый язык, лег у калитки, прижался боком к планкам штaketника и не сводил с глаз Рууга, пока тот не скрылся из виду.

Лежал пес молча, поблескивая бездонно-черными глазами. Начинался день. Небо чуточку побелело, в тишине утра со всех сторон зазвучало эхо человеческих голосов и прочего людского шума. За опущенными жалюзи засияли включенные лампы. Где-то неподалеку хлопнула створка окна, распахнутого навстречу утренней свежести.

Однако пес даже не думал сдвинуться с места. Он бдительно наблюдал за дорожкой.

Хлопотавшая на кухне миссис Кардосси подлила в кофейник воды. Из кофейника хлынул наружу слепящий пар. Поставив кофейник на край плиты, миссис Кардосси отправилась в кладовую, а вернувшись, обнаружила в дверях кухни Альфа.

– Газеты принесла? – спросил Альф, водружая на нос очки.

– Нет. Почта в ящике.

Пройдя через кухню, Альф Кардосси отодвинул засов задней двери, шагнул на крыльцо, взгляделся в промозглую серость утра. У ограды лежал пес, Борис – черный, мохнатый, язык наружу.

– Язык убери, – велел ему Альф.

Пес вмиг поднял на него взгляд, застучал хвостом по земле.

– Язык, – повторил Альф. – Спрячь язык, тебе сказано.

Пес и человек смерили друг друга взглядами. Пес, беспокойно сверкнув глазами, негромко, тоненько заскулил.

– Ру-уг! – вполголоса тьякнул он.

– Что? – Альф огляделся. – К нам заходил кто-то? Небось тот мальчишка, что разносит газеты?

Пес, не мигая, с разинутой пастью, глядел на него.

– Что-то ты не в себе последнее время, – пробормотал Альф, – а лучше бы успокоился. Нам, старикам, знаешь ли, волноваться вредно.

С этим он ушел в дом.

Озаренная восходом солнца, улица ожила, заиграла множеством красок. По тротуару прошел почтальон с полной сумкой журналов и писем. За почтальоном, радостно хохоча и возбужденно болтая, промчалась компания ребятни.

Около одиннадцати миссис Кардосси, подметавшая парадное крыльцо, потянула носом воздух и на миг замерла.

– Свежо-то как... благодать, да и только, – сказала она. – Значит, денек будет теплым.

Полуденную жару черный пес переждал под крыльцом, растянувшись во весь рост на боку. Грудь его мерно вздымалась и опадала. На ветках вишневого дерева резвились, попискивали, тараторили птицы. Прежде Борис разве что временами поглядывал на них, вскинув голову, но сейчас поднялся и рысцой устремился к дереву.

Остановившись под вишней, он увидел пару Руугов, сидящих на заборе и наблюдающих за ним.

– Большой, однако, – заметил первый Рууг. – Нечасто среди Охранителей попадаются такие громадины.

Второй Рууг согласно закивал, голова его закачалась на тонкой, дряблой шее. Борис, напрягшись всем телом, будто окаменев, не сводил с Руугов глаз. Рууги умолкли, глядя на огромного пса с косматым белым «галстуком» под нижней челюстью.

– Что там с урной для жертвоприношений? – спросил первый Рууг. – По-моему, почти полна?

– Да, – вновь закивал второй. – Почти готова.

– Эй, там! – повысив голос, заговорил первый Рууг. – Слышишь меня? На этот раз мы решили принять жертву, так что не забудь нас впустить! И чтобы теперь без глупостей!

– Да-да, не забудь, – поддержал его второй. – Ждать осталось недолго.

Борис не ответил ни слова.

Рууги, спрыгнув с забора, отошли и остановились поодаль, за краешком тротуара. Один из них развернул карту, и оба склонились над ней.

– Правду сказать, не самое лучшее место для первого испытания, – заметил первый Рууг. – И Охранителей вокруг полно, и вообще... а вон там, на севере...

– Так уж они решили, – откликнулся второй Рууг. – Факторов-то разных – уйма, а стало быть...

– Ну да, еще бы.

Взглянув на Бориса, оба отодвинулись от забора еще дальше, и продолжения их разговора пес не расслышал.

Наконец Рууги спрятали карту и двинулись прочь, вдоль улицы.

Борис, подойдя к забору, обнюхал штакетник. В ноздри ударила сладковатая вонь падали – запах Руугов, и шерсть на загривке пса сама собой поднялась дыбом.

Под вечер, вернувшись домой, Альф Кардосси застал Бориса стоящим у калитки. Опершись лапами на забор, пес настороженно глядел наружу. Альф, отворив калитку, вошел во двор.

– Ну, как ты тут? – спросил он, ткнув Бориса в бок. – Тревожиться не надоело? А то что-то ты нервный какой-то в последнее время. Просто сам на себя не похож.

Борис заскулил, пристально глядя в лицо хозяина.

– Хороший ты пес, Борис, – сказал Альф. – И огромный вон какой вымахал... Сам-то небось и не помнишь, как когда-то, давным-давно, щеночком вот такусеньким был?

Борис прильнул боком к хозяйской ноге.

– Хороший, хороший пес, – пробормотал Альф. – Знать бы только, что у тебя на уме...

С этим он вошел в дом. Миссис Кардосси накрывала стол к ужину. Пройдя в гостиную, Альф снял пальто и шляпу, поставил на полку буфета обеденные судки и снова вернулся в кухню.

– Что стряслось? – спросила миссис Кардосси.

– Надо бы отучить пса скандалить, лай поднимать по ночам. Соседи опять собираются в полицию на нас жаловаться.

– Надеюсь, его не придется отдать твоему брату, – сказала миссис Кардосси, скрестив руки на груди. – Хотя пес и вправду порой просто с ума сходит – особенно утром, по пятницам, когда приезжают мусорщики.

– Может, сам по себе успокоится, – сказал Альф, угрюмо попыхивая раскуренной трубкой. – Раньше-то он таким не был. Может, еще вернется рассудок, станет как прежде.

– Может, и так. Поживем – увидим, – согласилась миссис Кардосси.

Над горизонтом поднялось холодное злое солнце. Низинки и кроны деревьев окутал туман.

Настало утро. Утро пятницы.

Черный пес лежал под крыльцом, вслушиваясь в тишину, устремив вперед немигающий взгляд. Шерсть его смерзлась от инея, из ноздрей клубами валит пар. Внезапно насторожившись, пес повернул голову, вскинулся, упруго вскочил с земли.

Откуда-то издалека, из дальней дали, донесся негромкий шум вроде едва уловимого грохота.

– Ру-уг! – во весь голос рявкнул Борис.

Оглядевшись вокруг, он поспешил к калитке, поднялся на задние лапы, а передними оперся на ограду.

Издали, но уже куда ближе, громче, снова донесся все тот же грохот и лязг. Казалось, где-то там отодвинули в сторону створку огромной двери.

– Ру-уг! – снова рявкнул Борис, встревоженно оглянувшись на темные окна за спиной.

Нет, ничего. Ни звука. Ни шороха.

И тут в конце улицы показались Рууги. Рууги на том самом грузовике, с урчанием, с грохотом катящемся вперед, подпрыгивая на неровных булыжниках мостовой.

– Ру-у-уг! – громче прежнего взвыл Борис.

Сверкнув глазами, пес прыгнул, ударил грудью в забор, но тут же слегка успокоился, уселся на землю и выжидающе наострил уши.

Рууги, остановив грузовик прямо напротив калитки, захлопали дверцами, спрыгнули на тротуар. Борис завертелся волчком, описал кружок по двору, вновь повернул морду к дому и жалобно заскулил.

Внутри, в теплой и темной спальне, мистер Кардосси приподнял с подушки голову и, щурясь, взглянул на часы.

– Чтоб ему, этому псу, – проворчал он. – Чтоб этому проклятому псу...

Уткнувшись носом в подушку, мистер Кардосси закрыл глаза.

Тем временем Рууги двинулись к дому. Первый Рууг толкнул створку калитки, и калитка распахнулась настежь. Они вошли во двор. Пес, не сводя с них взгляда, подался назад.

– Ру-уг! Ру-у-уг! – истошно залаял он.

Ужасающе едкая вонь Руугов ударила в ноздри, и пес отвернулся в сторону.

– Жертвенная урна, – заговорил первый Рууг. – По-моему, полным-полна. И ты, – добавил он, улынувшись разъяренному, напрягшемуся всем телом псу, – сегодня любезен необычайно.

Рууги подошли к металлическому баку, и один из них снял с бака крышку.

– Ру-уг! Ру-у-уг!!! – взвыл во весь голос Борис, прижавшись к нижней ступени крыльца, в страхе дрожа всем телом.

Подняв огромный металлический бак, Рууги перевернули его на бок. Содержимое бака вывалилось на землю, и Рууги принялись сгребать пухлые, местами полопавшиеся бумажные мешки в кучу, проворно подхватывая выпавшие из мешков объедки – апельсиновые корки, кусочки тостов, яичную скорлупу.

Один из Руугов ловко забросил добычу в пасть, смачно захрустел половинкой яичной скорлупки.

– Ру-уг! – в отчаянии, скорее, про себя, чем предостерегая хозяев, заскулил Борис.

Рууги, почти закончившие сбор подношений, на миг замерли, обернувшись к Борису, а после неторопливо, безмолвно подняли головы, оглядели оштукатуренную стену дома и остановили взгляд на окне за щитом накрепко сомкнутых темно-коричневых жалюзи.

– РУ-У-У-УГ!!! – сорвавшись на визг, завопил Борис и, весь дрожа от ярости пополам с ужасом, двинулся к ним.

Нехотя отвернувшись от окна, Рууги вышли на улицу и затворили за собою калитку.

– Ишь ты какой. Гляньте-ка на него, – с презрением процедил последний Рууг, вскидывая на плечо свой угол брезентового полотнища.

Борис, снова ударив грудью в забор, разинул пасть, бешено лязгнул зубами. Самый рослый, плечистый Рууг в ярости замахал на него руками, и Борису, хочешь не хочешь, пришлось отступить. Усевшись на землю у нижней ступеньки крыльца, пес вновь открыл пасть и испустил утробный, жуткий, безрадостный вой – стон, исполненный безысходной тоски.

– Идем, – окликнул первый Рууг того, что задержался возле забора.

Все они двинулись к грузовику.

– Ну что ж, если не брать в расчет крохотных пяточков вокруг Охранителей, этот район очищен неплохо, – сказал самый рослый из Руугов. – А особенно я буду рад, когда этого Охранителя наконец-то прикончат. Уж он-то хлопот нам доставил – не перечить.

– Терпение, – с ухмылкой откликнулся один из других Руугов. – Наш грузовик уже – вон, можно сказать, полон доверху. Оставим что-нибудь и на следующую неделю.

Рууги дружно расхохотались.

Расхохотались и с хохотом двинулись дальше, унося с собой грязное брезентовое полотнище, провисшее до земли под тяжестью собранных подношений.

Маленькая революция⁹

Человек, сидевший на тротуаре, сосредоточенно придерживал обеими руками крышку коробки. Под пальцами та нетерпеливо дрогнула, подалась кверху под натиском изнутри.

– Ну, ладно, ладно, – пробормотал сидящий на тротуаре.

Со лба его по щекам градом катились влажно блестящие, увесистые капли пота. С опаской, заслонив щель ладонью, он приоткрыл коробку, и, едва солнечный свет проник внутрь, из-под крышки на волю, ускоряясь, набирая силу с каждой секундой, вырвалась частая, жестяная барабанная дробь.

Затем из щели наружу высунулась крохотная, округлая, блестящая голова, а за ней и другая, и еще одна, и еще, и все они, вытянув шеи, принялись озираться вокруг.

– Я первый! – взвизгнула одна.

Вспыхнувшая перебранка быстро разрешилась общим согласием.

Сидящий человек трясущейся рукой вынул из коробки небольшую металлическую фигурку, поставил ее на тротуар, неловко, негнушима пальцами нащупал ключ и принялся заводить пружину. Ярко раскрашенная, фигурка изображала солдата – в каске, с винтовкой, тянущегося по стойке «смирно». С первым же поворотом ключа крохотный солдатик взмахнул руками, будто на марше, в нетерпении шагнул вперед.

По тротуару к человеку с коробкой, тараторя друг с дружкой о чем-то, двигались две женщины. Приблизившись, обе с любопытством взглянули и на сидящего у их ног, и на коробку, и на блестящую фигурку в его руках.

– Пятьдесят центов, – пробормотал сидящий на тротуаре. – Купите детишкам в пода...

– Стой! – оборвал его тоненький жестяной голосок. – Не подходят! Не те!

Сидящий на тротуаре разом умолк. Женщины удивленно переглянулись, смерили взглядом человека с коробкой и металлического солдата и поспешили дальше.

Солдатик оглядел улицу из конца в конец, присмотрелся к потоку машин, к толпе покупателей, идущих по магазинам, и вдруг, вздрогнув всем телом, настойчиво, тихо заскрежетал что-то человеку с коробкой.

Сидящий на тротуаре гулко сглотнул.

– Мальчугана... не надо, – едва ворочая языком, просипел он и потянулся к фигурке, чтоб удержать ее, но металлические пальцы мигом впились в его ладонь так, что человек с коробкой ахнул от боли.

– Вот этих! – не допускающим возражений тоном проверещала фигурка. – Останови их!

Высоко вскидывая прямые, негнушиеся ноги, цокая каблучками о тротуар, солдатик двинулся строевым шагом навстречу еще одной паре прохожих.

Мальчишка с отцом замедлили шаг и с интересом уставились на марширующую фигурку. Сидящий на тротуаре с блеклой улыбкой наблюдал, как фигурка приближается к ним, разворачивается вправо-влево, машет руками вверх-вниз.

– Купите, порадуйте сынишку. Гляньте, какой чудесный товарищ для игр. Будет ему компанией.

Отец заулыбался, глядя, как фигурка подходит к носку его башмака. Ткнувшись в ботинок, солдатик остановился, зажужжал, защелкал и замер.

– Заведите еще! – воскликнул мальчишка.

Его отец поднял фигурку с асфальта.

– Сколько?

---

⁹ [The Little Movement]. «Fantasy & Science Fiction», ноябрь 1952 г. По информации библиографа Рэя Ловелла, это первый проданный в журнал, но не первый опубликованный рассказ Дика.

– Пятьдесят центов, – зажав коробку под мышкой, уличный торговец нетвердо поднялся на ноги. – Хорошим товарищем парнишке будет. Забавой не на один день.

Отец повертел фигурку в руках.

– Бобби, он тебе точно нравится?

– Еще бы! – откликнулся Бобби, потянувшись к солдатику. – Заведи его снова! Пусть марширует!

– Ну, если так, давай купим, – решил отец.

Порывшись в кармане, он протянул торговцу бумажку достоинством в доллар. Торговец неуклюже, старательно глядя в сторону, отсчитал ему сдачу.

Ситуация складывалась – лучше не придумаешь.

Лежа без движения, крохотная фигурка обдумывала все снова. Все обстоятельства благоприятствовали плану, будто сговорившись. Ребенок вполне мог не захотеть останавливаться, у Взрослого могло не найтись при себе денег – страшно подумать, сколько всего могло пойти наперекос, а на поверку прошло как по маслу.

Крохотная фигурка на заднем сиденье машины подняла довольный взгляд к потолку. По всему судя, кое-какие разведанные солдатик интерпретировал верно. Власть принадлежит Взрослым. Деньгами распоряжаются Взрослые. Сила и власть за ними, и потому подобраться к ним нелегко. Сила, да и величина – с этим, знаете ли, не поспоришь. Зато Дети – дело совсем другое. Дети малы, и разговаривать с ними куда как легче. Дети поверят всему, что им ни скажи, и сделают, что им сказано. По крайней мере, так говорили на фабрике.

Оценив обстановку, крохотная металлическая фигурка с головой погрузилась в приятные, сладостные мечты.

Мальчишка с бешено бьющимся сердцем взбежал на второй этаж и толчком распахнул дверь в комнату. Осторожно затворив за собой дверь, он подошел к кровати, уселся и устремил взгляд на то, что держал в горсти.

– Как тебя зовут? – спросил он. – Как твое имя?

Металлическая фигурка молчала.

– Я всем тебя представлю. Пусть все тебя знают. Тебе тут понравится, вот увидишь.

Положив фигурку на кровать, Бобби подбежал к шкафу и выволок из него раздувшуюся картонную коробку, набитую игрушками битком.

– Вот это Бонзо, – сказал он, подняв повыше блекло-серого кролика, набитого ватой. – А это Фред, – тут мальчик развернул мордой к солдатику резинового поросенка. – И Теддо, конечно же. Вот это Теддо.

Подойдя с Теддо к кровати, мальчишка уложил его рядом с солдатиком. Лежал Теддо молча, уставившись в потолок стеклянными пуговицами глаз. Он оказался бурым плюшевым медвежонком, набитым соломой, пучками торчавшей из швов.

– А вот как бы нам назвать тебя? Наверное, надо собрать совет и решить, – поразмыслив, объявил Бобби. – Вот только сначала заведу тебя, чтобы все видели, как ты действуешь.

Перевернув солдатика навзничь, он принялся осторожно заводить механизм, а натянув пружину до упора, наклонился и поставил фигурку на пол.

– Давай, – сказал Бобби.

Какой-то миг металлическая фигурка стояла без движения. Затем она зажужжала, защелкала, деревянным, дерганым шагом прошла по комнате, внезапно свернула к двери. Остановившись у порога, солдатик огляделся, развернулся к разбросанным по полу кубикам и принялся сдвигать их в кучу.

Бобби глядел на него будто замороженный. Напрягая все силы, крохотная фигурка соорудила из кубиков пирамиду, вскарабкалась на вершину и повернула ключ в замке.

Не на шутку озадаченный, Бобби почесал в затылке.

– Зачем это? – спросил он.

Солдатик спустился вниз и, щелкая, жужжа механизмом, двинулся к Бобби. Бобби с игрушечными зверушками замерли в изумлении, не сводя с него глаз. Дойдя до кровати, солдатик остановился.

– Подними меня! – в нетерпении прокричал он тоненьким жестяным голоском. – Живее, живее! Не сиди, действуй!

Бобби, вытаращив глаза, заморгал, поднял брови. Игрушечные зверята безмолвствовали.

– Ну же! – еще громче рявкнул солдатик.

Стоило Бобби протянуть к нему руку, солдатик вцепился в его ладонь с такой силой, что мальчик вскрикнул от боли.

– Тихо, – скомандовал солдатик. – Подними меня на кровать. Мне нужно обсудить с тобой кое-какое дело. Дело великой важности.

Бобби положил солдатика на кровать, рядом с собой. Тишину в комнате нарушало только негромкое жужжание в животе металлической фигурки.

– Ну что ж, комната неплоха, – вскоре заметил солдатик. – Весьма, весьма неплоха.

Бобби слегка отодвинулся от него.

– Что стряслось? – резко спросил солдатик, повернув к нему голову и подняв взгляд.

– Н... ничего.

– Что это с тобой? – удивился солдатик, сверля мальчишку немигающим взглядом. – Уж не боишься ли ты меня?

Бобби опасливо съезжился.

– Неужто боишься? – Солдатик захохотал. – Я же всего-навсего металлический человек! Шесть дюймов роста! – С этими словами он снова расхохотался, но вскоре резко оборвал смех. – Слушай. Я поживу здесь, с тобой, до поры. Ничего плохого тебе не сделаю, на этот счет будь спокоен. Я – твой друг. Добрый друг.

В глазах фигурки сверкнули искорки нетерпения.

– Но мне нужна твоя помощь. Ты ведь не против кое-каких поручений, не так ли? Скажи: сколько в вашей семье этих?

Бобби молчал.

– Ну же, ответь! Сколько их, Взрослых?

– Трое... папа, мама и Фокси.

– Фокси? Кто это?

– Моя бабушка.

– Значит, трое. Понятно, – кивнул солдатик. – Всего-навсего трое. А другие у вас бывают? Другие Взрослые время от времени посещают ваш дом?

Бобби кивнул.

– Трое. Что ж, трое – не так уж много. Трое – проблема невелика. По сведениям с фабрики... – Но тут солдатик оборвал фразу на полуслове. – Ладно. Хорошо. Слушай меня. Им обо мне не рассказывай. Я – твой друг, но это секрет. Им обо мне слушать будет неинтересно. И помни: я тебе зла не причиню. Бояться тебе нечего. Жить я буду прямо здесь, с тобой, в этой комнате.

Над чем-то задумавшись, солдатик смерил мальчишку испытующим взглядом.

– Я стану тебе вроде как частным учителем. Буду учить тебя всякому – что делать, что говорить, как наставнику и полагается. Что скажешь? Нравится?

Молчание.

– Понравится, будь уверен. Начать можем хоть прямо сейчас. Возможно, тебе хочется знать, как ко мне следует обращаться. Как меня следует титуловать. Хочешь для начала выучиться этому?

– Титуловать?

Бобби уткнулся взглядом в пол.

– Называть меня ты должен... – Солдатик в нерешительности призадумался, но затем гордо выпрямил спину и вскинул вверх подбородок. – Называть меня ты должен... «Мой Повелитель». Так ко мне и обращайся.

Бобби вскочил, стиснув ладонями щеки.

– Мой Повелитель, – неумолимо проскрежетала металлическая фигурка. – Мой Повелитель, и не иначе. А впрочем, сейчас начинать, наверное, ни к чему. Устал я... – Действительно, солдатик внезапно обмяк, покачнулся. – Устал... завод почти на исходе. Будь любезен, заведи меня снова этак через часок.

Вновь вскинувшись, напряженившись, солдатик смерил мальчика жестким взглядом.

– Через часок. Ты ведь заведешь пружину как следует, до отказа? Заведешь, не так ли?

Голос его с каждым словом звучал все тише и наконец, сойдя на нет, умолк вовсе.

Бобби ошеломленно кивнул.

– Ладно... ладно, – пробормотал он. – Заведу.

Был вторник. Солнце за приоткрытым окном заливало комнату теплым, ласковым светом. Бобби ушел в школу, и в опустевшем доме царил мертвая тишина. Игрушечные зверята мирно лежали в шкафу.

Мой Повелитель, пристроенный на комод, стоя, глядел за окно и отдыхал, вполне довольный собой.

Из-за окна донеслось негромкое механическое жужжание, и в комнату внезапно влетело нечто совсем небольшое. Описав два-три круга под потолком, странный предмет плавно приземлился возле металлической фигурки, на белую скатерть, прикрывавшую комод сверху, и оказался крохотным игрушечным самолетиком.

– Как у тебя продвигается? – заговорил самолетик. – Пока все гладко?

– Да, – подтвердил Мой Повелитель. – А как остальные?

– Далеко не так радужно. Добраться до Детей удалось только жалкой горстке.

Солдатик страдальчески охнул.

– Подавляющее большинство, – продолжал игрушечный аэроплан, – угодили в лапы Взрослых, а это, сам знаешь, для наших задач не подходит. Управлять Взрослыми крайне трудно. Чуть что – пускают в ход силу или просто ждут, пока не иссякнет завод пружины...

– Знаю, знаю, – мрачно кивнул Мой Повелитель.

– Одним словом, на хорошие новости рассчитывать не приходится, и мы должны готовиться к самому худшему.

– И это явно еще не все. Давай подробности.

– Говоря откровенно, около половины наших уже уничтожены. Растоптаны Взрослыми. Один, согласно данным разведки, разгрызен псом. Сомнений нет: наша единственная надежда – Дети. Только с ними мы и добьемся успеха... если добьемся вообще.

Солдатик согласно кивнул. Разумеется, гонец был кругом прав. Одержателю верх над правящей расой, над Взрослыми, в открытом бою никто никогда и не рассчитывал. Их величина, их сила, их немислимо широкий шаг – все это служило им надежной защитой. Взять для примера хотя бы того же уличного торговца игрушками. Сколько раз он пытался освободиться от их власти, сколько раз пробовал одурачить их и сбежать! Чтобы приглядывать за ним, часть отряда пришлось постоянно держать заведенной, а уж тот страшный день, когда он взвел пружины солдатиков не до упора, в надежде...

– Ты отдал Ребенку указания? – спросил самолетик. – Ты подготовил его?

– Да. Он понимает, что я собираюсь остаться здесь. Похоже, Дети все таковы. Низшая, подчиненная раса, они приучены к повиновению и ни на что другое попросту не способны.

Я для Ребенка – лишь новый учитель, вторгшийся в его жизнь и отдающий ему приказания. Еще один голос, велящий...

– Ко второй фазе ты приступил?

– Ко второй фазе? Уже? – изумился Мой Повелитель. – Но для чего? Нужна ли нам такая спешка?

– На фабрике беспокоятся. Как я уже говорил, большая часть группы уничтожена.

Мой Повелитель с отсутствующим видом кивнул.

– Понятно. Собственно, в этом нет ничего неожиданного. Планы мы строили реалистически, вполне представляя себе соотношение сил, – солдатик прошелся по скатерти из стороны в сторону. – Естественно, многим предстояло попасть в их руки, в лапы Взрослых. Взрослые всюду, на всех ключевых позициях, на всех важнейших постах. Такова психология правящей расы: инстинкты велят им держать под контролем все стороны общественной жизни вплоть до мелочей. Но пока живы те, кто сумел наладить взаимодействие с Детьми...

– Этого тебе знать не положено, но... кроме тебя, таковых только трое. Всего трое.

– Трое?!

Мой Повелитель в ужасе вытаращил глаза.

– Да. Те, кто сумел добраться до Детей, тоже гибнут направо и налево. Положение складывается катастрофическое. Поэтому фабрика и торопит тебя с началом второй фазы.

Мой Повелитель крепко сжал кулачки, черты лица его застыли, обернувшись стальной маской ужаса. Всего трое выживших... На что же они надеялись, отправляя на задание этот отряд – такой малочисленный, настолько зависящий и от погоды, и от завода пружины? Эх, были б они побольше... Ведь Взрослые так велики!

Однако Дети... с Детьми-то что могло выйти не так? Что же стряслось с единственным шансом, с единственной хрупкой надеждой?

– Как это произошло? Что именно с ними случилось?

– Не знает никто! Представляешь, какие на фабрике страсти бурлят – тем более что и материалы уже на исходе? И часть станков в негодность пришла, а чинить их никто не умеет, – с этим самолетик покатил к краю комода. – Мне пора возвращаться. Позже еще загляну проверить, как у тебя дела.

Взрыв в воздух, самолетик вылетел в открытое окно. Мой Повелитель, ошеломленный, проводил его взглядом.

Что же могло случиться? Они ведь были так уверены в Детях! Все обдумали, все рассчитали...

Замерев, фигурка погрузилась в тягостные размышления.

Вечер. Мальчишка, сидя у стола, рассеянно таращился в учебник географии, беспокойно ерзал, шелестя страницами. Наконец, закрыв книгу, он соскользнул со стула и направился к шкафу. Но стоило ему распахнуть дверцу и потянуться к пухлой картонной коробке, с комода донесся металлический голосок:

– После. С ними ты можешь поиграть и потом. У меня есть к тебе разговор.

Мальчишка устало, в унынии повесив нос, вернулся к столу, кивнул, уселся на место и опустил голову на скрещенные перед собою предплечья.

– Ты не уснул там, нет? – осведомился Мой Повелитель.

– Нет. Не уснул.

– Тогда слушай. Завтра, после уроков, отправишься по указанному мной адресу. От школы это недалеко. Находится там игрушечный магазин. Возможно, тебе он известен. Название – «Страна Кукол». Владелец – Дон.

– У меня денег – ни цента.

– Это неважно. Все организовано загодя, давным-давно. Пойдешь в «Страну Кукол» и скажешь хозяину: «Мне велено прийти за посылкой». Запомнить сумеешь? «Мне велено прийти за посылкой».

– А что там, в посылке?

– Кое-какой инструмент и игрушки для тебя. В подарок. В знак моей дружбы, – ответила металлическая фигурка, потирая ладони. – Прекрасные современные игрушки: два игрушечных танка и пулемет. И еще запасные части для...

С лестницы за дверью донеслись шаги.

– Главное, не забудь, – нервно хрустнув пальцами, сказал Мой Повелитель. – Сделаешь? Эта фаза плана чрезвычайно важна.

Солдатик умолк и вновь нервно захрустел пальцами.

Зачесав набок последние пряди непослушных волос, мальчишка водрузил на голову бейсболку и подхватил учебники. Утро выдалось пасмурным, серым, снаружи вяло, беззвучно моросил дождь.

Внезапно мальчишка отложил учебники в сторону, подошел к шкафу и сунул голову внутрь. Пальцы его сомкнулись на плюшевой лапе Теддо. Вытащив медвежонок из шкафа, мальчишка уселся на кровать, прижал Теддо к щеке и долго сидел так, в обнимку с игрушкой, словно позабыв обо всем на свете.

Наконец он, вскинув голову, бросил взгляд на комод. Мой Повелитель безмолвно лежал на спине поверх скатерти, вытянувшись во весь рост. Поспешив к шкафу, Бобби спрятал Теддо в коробку и двинулся к двери. Как только он отворил дверь, крохотная металлическая фигурка на комодке встрепенулась.

– Не забудь... «Страна Кукол»... владелец – Дон...

Дверь затворилась. До ушей Моего Повелителя донесся тяжкий, безрадостный топот Ребенка, неохотно спускавшегося вниз. В глубине души Мой Повелитель торжествовал. Все складывалось как нельзя лучше. Да, Бобби не хочет этого делать, однако сделает. Сделает. А как только он втайне от Взрослых пронесет в дом инструмент, запчасти и оружие, победа гарантирована, и вот тогда...

Возможно, они захватят еще одну фабрику. Или еще того лучше: соорудят машины и штампы для изготовления Повелителей большей величины. Да, если б только они были побольше, самую малость побольше!.. Ведь сейчас они так малы, так крохотны – всего несколько дюймов ростом. Вдруг Революция потерпит крах, угаснет только оттого, что они слишком невелики и непрочны?

Вот с танками, с пулеметами – дело другое! Однако из всех «посылок», надежно спрятанных в магазине игрушек, эта, похоже, станет единственной – единственной, что...

Тут его мысли прервал негромкий шорох.

Поспешив обернуться, Мой Повелитель увидел Теддо, неспешно, грузно выбирающегося из шкафа.

– Бонзо, – заговорил медвежонок. – Бонзо, давай к окну. Кажется, через окно эта штука к нам и влетела... если не ошибаюсь, конечно.

Тряпичный кролик одним прыжком вскочил на подоконник, уселся на задние лапы и выглянул наружу.

– Пока все чисто, – сообщил он.

– Вот и славно.

Подойдя к комоду, Теддо поднял взгляд.

– А ты, Маленький Повелитель, спускайся-ка к нам, будь любезен. А то засиделся ты там, наверху.

Мой Повелитель вытаращил глаза. Следом за кроликом из шкафа выбрался и, отдуваясь, подошел к комоду резиновый поросенок, Фред.

– Я поднимусь, помогу ему, – сказал поросенок. – Сам он, по-моему, спускаться не пожелает. Придется за ним слазать, спустить.

– Вы что задумали?! – вскричал Мой Повелитель. – Что происходит?!

Резиновый поросенок подогнул задние ножки, присел, напряжился, прижал уши и прыгнул. В тот же миг Теддо тоже проворно, цепляясь за ручки ящиков, полез кверху и ловко вскарабкался на комод. Мой Повелитель, попятившись к стенке, бросил взгляд вниз. Как же до пола-то далеко...

– Вот, значит, что произошло с остальными, – пробормотал он себе под нос. – Теперь понятно. Нас поджидает здесь целая Организация... а значит, все наши планы раскрыты.

Прыжок – и солдатик ласточкой нырнул вниз.

Обломки игрушечные зверята аккуратно собрали и спрятали под ковер.

– Что ж, справились легче легкого, – подытожил Теддо. – Будем надеяться, дело и дальше пойдет так же легко.

– Какое дело? О чем ты? – удивился Фред.

– О посылке с игрушками. С танками и пулеметом.

– А-а, справимся и с ними, не сомневайся. Помнишь, как мы помогали соседям, когда тот, первый из маленьких Повелителей на нашей памяти...

Теддо захохотал.

– Да уж, с тем нам пришлось повозиться. Тот оказался куда крепче нынешнего... однако с нами был мишка-панда из дома напротив!

– С этими справились, справимся и с другими, – объявил Фред. – Я лично только-только во вкус вошел.

– Я тоже, – откликнулся с подоконника Бонзо.

Вуб внутри¹⁰

Погрузка приближалась к концу. Стоявший у трапа со скрещенными на груди руками Оптус был мрачнее тучи, однако капитан Франко, лениво, вразвалку спускавшийся к нему, улыбался от уха до уха.

– В чем дело-то? – спросил он. – Вам же за все заплачено.

Оптус, не ответив ни слова, отвернулся от капитана, подобрал полы одежд, но капитан наступил на подол его одеяния.

– Повремени минутку, не уходи. Я еще не закончил.

Оптус величаво, с достоинством повернулся к нему, окинул взглядом вереницу зверей и птиц, увлекаемых погонщиками к трапу, ведущему на борт космического корабля.

– Вот как? Однако мне пора вернуться в селение и заняться организацией новой охоты.

Франко, закурив сигарету, затянулся табачным дымком.

– Да куда вам спешить? Вам только в вельд выйти – и лови себе дичь, сколько душа пожелает. А вот мы пока хоть половину пути от Марса к Земле одолеем...

Но Оптус, не удостоив капитана ответом, двинулся прочь. Отступив в сторону, Франко остановился у подножия трапа, рядом со старшим помощником.

– Как продвигается? – спросил он, взглянув на часы. – Со сделкой нам тут исключительно повезло.

Старший помощник смерил его кислым взглядом.

– Может, и да, вот только чем это объяснить?

– Да какая разница? Нам она куда нужнее, чем им.

– После поговорим, капитан.

Протиснувшись мимо голенастых нелетающих марсианских птиц, старший помощник взбежал по трапу вверх и скрылся в недрах корабельного трюма. Франко, проводив его взглядом, двинулся было следом, но как только коснулся подошвой трапа, увидел такое...

– Бог ты мой!

Упершись кулаками в бедра, капитан высоко поднял брови и замер от удивления. По тропинке, ведущей к трапу, шел Питерсон, раскрасневшийся, как помидор, а за ним, на веревке, тащилось...

– Виноват, капитан, – сказал Питерсон, дергая за веревку.

Франко подошел к нему ближе.

– Что это у тебя?

Остановившись, огромный вуб разом обмяк, обвис, уселся на землю и смежил веки. Несколько мух приземлились на его тушу сбоку, но зверь разогнал их взмахом хвоста и вновь замер.

Вокруг сделалось необычайно тихо.

– Это вуб, – пояснил Питерсон. – У одного туземца за пятьдесят центов купил. Он сказал, вуб – зверь непростой. Очень, сказал, почитаемый.

– Непростой? Почитаемый? – Франко бесцеремонно ткнул вуба пальцем в огромный покатый бок. – Да это же свинья! Громадный, грязный, вонючий хряк!

– Так точно, сэр, хряк и есть. Но туземцы зовут их вубами.

– Свинья... да крупная-то какая! Фунтов четыреста, не меньше.

---

¹⁰ [Beyond Lies the Wub]. «Planet Stories», июль 1952 г. У рассказа есть условное продолжение – новелла «Не по обложке», 1968 г. *Мой первый рассказ, напечатанный в самом безвкусном, аляповатом из бульварных журналов на полках газетных киосков тех лет, в «Планет Сториз». Стоило мне принести четыре номера в магазин грампластинок, где я работал, один из покупателей в смятении уставился на меня и на них и спросил: – Фил, неужто ты читаешь эту белиберду? Пришлось признаваться, что не только читаю – пишу.*

С этим Франко дернул вуба за жесткий хохолок меж ушей. Вуб ахнул от боли, открыл крохотные влажные глазки, толстые губы его задрожали, словно от обиды.

Скатившаяся со щеки вуба слеза громко разбилась о землю.

– Может, он вкусный. Может, в пищу хорош, – нервно сказал Питерсон.

– Скоро выясним, – заверил его Франко.

Взлет вуб перенес без последствий, уснул мертвым сном в корабельном трюме. Когда корабль вышел в открытый космос и все пошло своим чередом, капитан Франко велел своим доставить вуба наверх, чтоб наконец разобраться, что он за зверь такой.

В люк вуб протиснулся не без труда – сопя, хрюкая от натуги.

– Давай-давай, – прокряхтел Джонс, потянув его за веревку.

Вуб извернулся, скрипнул кожей о гладкие хромированные косяки, пробкой выскочил в вестибюль кают-компания и грузно, мешком, рухнул на палубу. Собравшиеся повскакали с мест.

– Господи милостивый, – ахнул Френч. – Это еще что за чучело?

– Питерсон говорит, вуб, – пояснил Джонс. – Его зверек, понимаешь ли.

С этим он отвесил вубу пинка. Вуб, покачнувшись, тяжело дыша, поднялся на ноги.

– А что это с ним? – спросил Френч, подойдя ближе. – Чего он так дышит? Может, больной?

Все замолчали, пристально глядя на вуба. Вуб скорбно закатил глаза и в свою очередь обвел взглядом окруживших его людей.

– По-моему, он пить хочет, – решил Питерсон и отправился за водой.

– Теперь понятно, отчего мы взлетали с таким трудом, – заметил Френч, покачав головой. – Придется балласт заново пересчитывать.

Тут в вестибюль кают-компания вернулся Питерсон с ведрком, и вуб, обдав брызгами всех вокруг, принялся с удовольствием лакать воду.

Следом за Питерсоном в проеме люка появился и капитан Франко.

– Так-так, посмотрим, посмотрим...

Подойдя ближе, Франко оценивающе сощурился.

– И все это счастье – за пятьдесят центов?

– Так точно, сэр, – подтвердил Питерсон. – Ест почти все, что ни дай. Зерном кормил – ему понравилось. И картошка понравилась, и болтушка из отрубей, и объедки со стола, и молоко. Похоже, ему вообще есть нравится. А как наестся, ложится и засыпает.

– Понятно, – протянул капитан Франко. – Ну, а теперь перейдем от его кусков к главному вопросу: каков он на вкус сам? По-моему, раскармливать его дальше совсем ни к чему. По-моему, жирка он нагулял достаточно. Где кок? Сюда его, живо! Нужно выяснить...

Вуб, прекратив лакать воду, поднял на капитана взгляд.

– Право же, капитан, – сказал он, – я предложил бы побеседовать о чем-либо другом. О чем-либо более приятном.

В вестибюле воцарилась мертвая тишина.

– Это кто сказал? – спросил Франко. – Вот сейчас прямо?

– Вуб, сэр, – ответил Питерсон. – Это он говорил.

Команда уставилась на вуба во все глаза.

– А что он сказал? Сказал он что?

– Предложил побеседовать о чем-либо другом.

Подойдя к вубу, Франко обошел его кругом, осмотрел со всех сторон и вернулся к команде.

– Интересно, туземец там, внутри, не прячется? – задумчиво проговорил он. – Может, вскроем ему брюхо и поглядим?

– Час от часу не легче! – вскричал вуб. – Неужели у вас одни только убийства да расчленения на уме?

Франко крепко сжал кулаки.

– А ну, вылазь оттуда! Кто бы ты ни был, вылазь!

Но вылезать из туши вуба никто даже не думал. Команда, сгрудившись потеснее, в ошеломлении воззрилась на вуба, а тот взмахнул хвостом и вдруг звучно рыгнул.

– Прошу прощения, – сказал вуб.

– Сдается мне, нет там, внутри, никого, – негромко заметил Джонс.

Собравшиеся переглянулись.

Тут в вестибюль вошел кок.

– Звали, капитан? – заговорил он. – А это что за зверюга?

– Это вуб, – объяснил Франко. – Куплен в пищу. Измерь-ка его да прикинь...

– Полагаю, нам нужно серьезно поговорить, – сказал вуб. – Обсудить все как следует и, если можно, наедине, капитан. Очевидно, мы с вами расходимся во мнениях по целому ряду основных философских вопросов.

Над ответом капитану пришлось надолго задуматься. Вуб терпеливо, благодушно ждал, облизывая капли воды с вислых щек.

– Идем ко мне в каюту, – наконец-то решил капитан и, развернувшись, направился к выходу.

Вуб поднялся и грузно заковылял следом, а команда, проводив зверя взглядами, долго еще вслушивалась в поскрипывание ступеней трапа под его тяжестью.

– Интересно, чем это кончится, – сказал кок. – Ладно. Если что, я на камбузе. Будут новости – дайте знать.

– Обязательно, – заверил его Джонс. – Всенепременно.

Добравшись до капитанской каюты, вуб с тяжким вздохом улегся на пол в углу.

– Вы уж меня извините, – объяснил он, – боюсь, пристрастия к релаксации во всем ее разнообразии мне не одолеть. Видите ли, при моих габаритах...

Капитан, нетерпеливо кивнув, сел за стол и скрестил перед собой руки.

– Ладно, – заговорил он, – давай-ка к делу. Ты – вуб. Верно?

Вуб, поразмыслив, пожал плечами.

– Видимо, да. Так называют нас окружающие... то есть туземцы. Самоназвание у нас, разумеется, иное.

– И ты говоришь по-английски. Значит, когда-то уже общался с землянами, так?

– Нет, никогда.

– Тогда каким образом выучился английскому языку?

– Английскому? Я говорю по-английски? Дело в том, что сознательно я разговоров на каком-либо конкретном языке не веду. Я исследовал ваш разум...

– Мой разум?

– Да. Исследовал его содержимое – особенно, как я это называю, хранилища семантических данных, и...

– Понятно, – оборвал его капитан. – Телепатия. Ну да, конечно.

– Мы – раса весьма древняя, – продолжал вуб. – Древняя, тяжеловесная и неповоротливая. Передвигаться нам нелегко, а любое настолько медлительное, неуклюжее существо, сами понимаете, практически беспомощно перед другими, более подвижными формами жизни. Защищаться силой? Бессмысленно! Как мы могли победить? Слишком грузные для резвого бега, слишком нежные для драки, слишком добродушные для охоты на дичь...

– И чем же вы живете?

– Растения. Овощи. Мы можем питаться почти чем угодно. Мы, знаете ли, весьма разнообразны. Терпимость, многогранность мышления, широта взглядов... сам живи и другим не мешай. Так мы и ладим со всеми вокруг.

Сделав паузу, вуб пристально взглянул капитану в глаза.

– Вот почему я так бурно возражал против отправки меня в котел. Я же прекрасно видел в вашем сознании все эти образы: большая часть... э-э... меня – в морозильной камере, кое-что в кухонном котле, немножко – для вашей кошки...

– Выходит, ты мысли читаешь, – резюмировал капитан. – Как интересно. А еще что? То есть что ты еще в таком духе умеешь?

– Так... всякой всячины понемножку, – ответил вуб, рассеянно оглядывая каюту. – Превосходные апартаменты у вас, капитан. И в каком же порядке содержатся! Опрятные формы жизни я глубоко уважаю. Вот, например, некоторые марсианские птицы весьма аккуратны. Вышвыривают мусор из гнезд и сметают его...

– В самом деле, – кивнул капитан. – Но возвращаясь к насущной проблеме...

– Да-да, разумеется. Речь шла о съедении меня на ужин. Вкус, как я слышал, очень неплох. Мясо чуть жирновато, однако же нежно. Вот только как, спрашивается, установить сколь-нибудь долговременные взаимоотношения между моим и вашим народами, если вы поведете себя, словно сущие варвары? Съесть меня... вместо того чтоб завести со мной разговор о философии, об изящных искусствах...

Капитан поднялся на ноги.

– Кстати о философии. Возможно, тебе интересно будет узнать: с провиантом на ближайший месяц у нас дела крайне плохи. Так уж случилось. Большая часть припасов испортилась, и...

– Понимаю, – кивнул вуб. – Но не лучше ли нам, как раз в духе ваших демократических принципов, кинуть жребий – к примеру, на соломинках, или еще что-нибудь в... таком духе? В конце концов, демократия для того и нужна, чтоб защищать меньшинства от подобных ущемлений. Если у каждого из нас будет по одному голосу...

Капитан подошел к двери.

– Шиш тебе, – сказал он, распахнув дверь, и открыл было рот... да так и замер на месте с разинутым ртом, с остекленевшим взглядом держась за дверную ручку.

Вуб оглядел его, минуту помедлил и наконец тоже заковылял к двери. Протиснувшись мимо капитана, он в глубокой задумчивости вышел за порог, в коридор, и двинулся прочь.

В каюте было тихо, как в склепе.

– Итак, сами видите, – заговорил вуб, – в наших мифах немало общего. Ваше сознание хранит множество прекрасно знакомых мне мифических символов. Иштар, Одиссей...

Молчавший, глядя себе под ноги, Питерсон заерзал в кресле.

– Продолжайте, – сказал. – Продолжайте, прошу вас.

– Я лично вижу в вашем Одиссее персонаж, встречающийся в мифологии большинства разумных, обладающих самосознанием рас. Моя интерпретация данного мифа такова: странствия Одиссея есть процесс осознания себя как индивида через разлуку, отделение от родины и родных. Процесс индивидуализации.

– Но ведь в итоге Одиссей возвращается домой, – возразил Питерсон, устремив взгляд в иллюминатор, к звездам, к бесчисленному множеству звезд, ярко горящих в бескрайней пустоте вселенной. – В конце концов он возвращается.

– Как всем живым созданиям на свете и надлежит. Разлука – период временный, недолгое странствие души. В свое время оно начинается, а в свое время заканчивается, и странник возвращается в родные края, к собственному народу...

Внезапно осекшись, вуб повернул лобастую голову в сторону распахнувшейся двери.

В каюту вошел капитан Франко. Остальные, сгрудившись за его спиной, замешкались на пороге.

– Ты в порядке? – спросил Френч.

– В смысле, я? – с удивлением переспросил Питерсон. – А что со мной могло стрястись? Франко опустил пистолет.

– Давай сюда, к нам, – велел он Питерсону. – Поднимайся и давай к нам.

Молчание.

– Не стесняйтесь, – кивнул Питерсону вуб. – Все это несущественно.

Питерсон поднялся.

– Да зачем? – спросил он.

– Это приказ.

Питерсон прошел к двери. Френч ухватил его за плечо.

– Да что происходит? – возмутился Питерсон, стряхнув его руку. – Что с вами со всеми?

Капитан Франко двинулся к вубу. Лежавший в углу, плотно прижавшись к стене, вуб поднял на него взгляд.

– Любопытно, – проговорил он. – Я вижу, вы прямо-таки одержимы стремлением съесть меня. Интересно, почему?

– Вставай, – скомандовал Франко.

– Как пожелаете. Только наберитесь терпения: для меня это нелегко.

Кряхтя от натуги, вуб поднялся с пола и встал перед капитаном. Дышал он шумно, с трудом, глуповато вывалив из пасти длинный язык.

– Стреляйте скорей, – сказал капитану Френч.

– Не надо! Ради бога, не надо! – воскликнул Питерсон.

Джонс, вздрогнув, повернулся к нему. Глаза его посерели от страха.

– Ты просто не видел его – стоит, будто статуя, челюсть отвисла... если б мы не пришли, так до сих пор и стоял бы!

Питерсон обвел товарищей изумленным взглядом.

– Кто? Капитан? Но сейчас он, по-моему, в полном порядке.

Все снова взглянули на вуба, стоявшего посреди каюты. Массивная грудь зверя бурно вздымалась и опадала.

– Давайте-ка в сторону, – велел Франко. – В сторону, ребята!

Остальные отодвинулись к двери.

– Вы, верно, не на шутку напуганы? – заговорил вуб. – Но разве я сделал вам хоть что-то дурное? Я решительно против причинения кому-либо вреда. Я всего-навсего защищался. Не думали же вы, что я сам с охотой брошусь навстречу гибели? Я точно такое же разумное существо, как и вы. Мне сделалось любопытно взглянуть на ваш корабль, познакомиться с вами, и я попросил одного из туземцев...

Ствол пистолета дрогнул.

– Видите? Я так и думал, – сказал Франко.

Вуб, шумно отдуваясь, опустился на пол, вытянул ноги, обвил хвостом круп.

– Здесь очень тепло, – заметил вуб. – Следует полагать, мы совсем рядом с двигателями. Атомная энергия... да, нужно отдать вам должное, с ее помощью вы сотворили немало чудес. Как жаль, что структура вашей науки не приспособлена для решения моральных, этических...

Повернувшись к команде, столпившейся за его спиной, Франко обвел взглядом изумленные лица.

– Я его кончу. Хотите – приглядывайте за мной.

– Целься в мозг, – кивнув, посоветовал Френч. – Мозг в пищу все равно не годится. В грудь не стреляй. Если ребра растрескаются, придется осколки кости из мяса выбирать.

– Послушайте, – сказал Питерсон, облизнув губы. – Ну, что он такого сделал? Какой вред, скажите на милость, кому причинил? И вообще: как бы там ни было, он все-таки мой. Нет у вас права его убивать! Не вами зверь куплен, не вам и решать, что с ним делать!

Франко вновь поднял оружие.

– Выйду я, – побледнев, страдальчески сморщившись, выдавил Джонс. – Не хочу я этого видеть.

– Я тоже, – поддержал его Френч.

Негромко бормоча что-то, оба протиснулись в коридор.

Питерсон приостановился в дверях.

– Вуб мне о мифах рассказывал, – сказал он. – Об Одиссее. Он не желает никому зла.

С этим Питерсон тоже шагнул за порог.

Франко направился к вубу. Вуб, не спеша, поднял взгляд и гулко слотнул.

– Как глупо все складывается, – сказал он. – И как жаль, что ты настаиваешь на своем.

В одной притче, рассказанной вашим Спасителем...

Оборвав фразу, вуб устался в пистолетное дуло.

– Ты вправду способен сделать это, глядя мне в глаза? – спросил вуб. – Вправду способен?

Капитан опустил взгляд.

– Глядя в глаза? Вполне, – отвечал он. – Дома, на ферме, мы разводили свиней. Грязных, жирных кабанов-секачей. Так что мне, знаешь, не привыкать.

Глядя на вуба – прямо во влажные, поблескивающие глаза, – капитан Франко нажал на спуск.

Вкус мяса оказался просто великолепным.

Команда угрюмо сидела вокруг стола. Некоторые даже не притронулись к ужину. Единственным, кто от души наслаждался трапезой, был капитан Франко.

– Добавки? – спросил он, оглядев собравшихся за столом. – Добавки? Да и вина немного, пожалуй, не помешает.

– Нет, я – пас, – отозвался Френч. – Пойду лучше в штурманскую.

– И я тоже, – поддержал его Джонс, поднимаясь и отодвигая кресло. – До встречи.

Капитан проводил обоих задумчивым взглядом. Следом за Френчем и Джонсом кают-компанию покинули еще несколько человек.

– Да что это с ними сегодня? – спросил капитан, повернувшись к Питерсону.

Питерсон даже не поднял глаз. Глядя в тарелку с картошкой, зеленым горошком и толстым ломтем нежного, исходящего паром мяса, он открыл было рот... но не издал ни звука.

Капитан дружески опустил руку ему на плечо.

– Теперь это всего лишь органическая материя. Жизни в ней больше нет, – сказал он и принялся жевать, корочкой хлеба собирая с тарелки подливку. – Я лично очень люблю поесть. Еда – одно из величайших наслаждений любого живого существа. Еда, отдых, размышления, беседы...

Питерсон согласно кивнул. Еще двое, поднявшись из-за стола, извинились и вышли. Капитан, запив съеденное водой, удовлетворенно вздохнул.

– Что ж, – продолжал он, – должен заметить, ужин вышел просто на славу. Все сведения о вкусе мяса вубов, почерпнутые мною из третьих рук, полностью подтвердились. Действительно, вкус его великолепен, но прежде я в силу ряда причин попробовать его сам не мог.

Промокнув губы салфеткой, капитан откинулся на спинку кресла. Питерсон молчал, уныло глядя на стол.

Капитан, смерив его пристальным взглядом, вновь подался вперед.

– Ну, полно, полно, – с улыбкой сказал он. – Выше нос! Воздадим должное приятной беседе. Перед тем, как нас прервали, я говорил, что роль Одиссея в мифах...

Питерсон, вздрогнув, вскинул голову и поднял брови.

– Так вот, возвращаясь к нашему разговору, – продолжал капитан. – Одиссей, как я его понимаю...

Орудие¹¹

Прикинув глазом к окуляру телескопа, капитан торопливо поправил фокусировку линз. – Что ж, дело ясное: мы наблюдали расщепление атомного ядра, – сказал он, со вздохом отодвинув окуляр в сторону. – Желаящие могут посмотреть сами, только предупреждаю: зрелище не из приятных.

– Дайте взглянуть, – оживился Танс, археолог.

Наклонившись к окуляру, археолог сощурился и тут же в ужасе отпрянул назад, едва не сбив с ног старшего штурмана, Дорла.

– Боже милостивый!

– Если так, чего ради мы вообще проделали такой путь? – спросил Дорл, оглядев остальных. – Тут даже садиться нет смысла. Предлагаю немедленно возвращаться.

– Возможно, он прав, – пробормотал биолог, – однако позвольте и мне взглянуть на все это самому.

Обогнув Танса, он тоже прикинул к окуляру, и взгляду его открылся необъятный простор, бескрайняя серая равнина, простирающаяся до самого горизонта. Сперва ему показалось, что это вода, но в следующий миг биолог понял: внизу вовсе не вода, а шлак, ноздреватый, спекшийся шлак, усеянный холмиками камней. Ни движения, ни малейших признаков жизни... Всюду безмолвие, смерть.

– Да, вижу, – сказал Фомар, отодвинувшись от окуляра. – Ну что ж, очевидно, новых сортов бобовых мне там не найти.

Пожалуй, он улыбнулся бы собственной шутке, но его губы словно сковало льдом. Отойдя в сторону и устремив взгляд поверх голов остальных, биолог о чем-то задумался.

– Интересно, что покажет анализ проб атмосферы, – проговорил Танс.

– По-моему, я догадываюсь, – откликнулся капитан. – Большая часть атмосферы заражена. Но разве мы ожидали чего-то иного? Не понимаю, отчего все так удивлены. Ядерный взрыв, замеченный даже с такого расстояния, из нашей планетной системы, – вещь, должно быть, ужасная.

С этим он величаво, не теряя достоинства, двинулся прочь и скрылся в рубке управления. Остальные молча проводили капитана взглядами.

Как только капитан затворил за собою дверь, юная девушка, сидевшая возле пульта, обернулась к нему.

– Что показал телескоп? Хорошее или плохое?

– Плохое. Жизнь там, внизу, невозможна. Атмосфера заражена, вода испарилась, земля выжжена целиком.

– А под землей они укрыться не могли?

Капитан сдвинул в сторону шторку иллюминатора с левого борта, открыл вид на поверхность планеты, раскинувшуюся внизу. Оба надолго умолкли, с тревогой глядя в иллюминатор. Куда ни посмотришь, всюду тянутся вдаль многие мили сплошных руин, ноздреватого, испещренного рытвинами, почерневшего шлака и несчастных нагромождений камней...

Вдруг Наша вздрогнула.

– Смотри! Вон там, у самого горизонта! Видишь?

Оба сощурились. Над выжженной землей возвышалось нечто, явно не скалы, не случайная прихоть природы. Все вместе эти точки, белые пятнышки на коже мертвой планеты, образовывали правильный круг. Город? Какие-то здания?

---

¹¹ [The Gun]. «Planet Stories», сентябрь 1952 г.

– Пожалуйста, разверни корабль! – воскликнула Наша, откинув со лба прядь темных волос. – Разверни корабль! Давай посмотрим, что там!

Корабль развернулся, меняя курс. Над белыми точками капитан направил корабль к земле, сбросив высоту до предельной.

– Что-то вроде мостовых опор, – сказал он. – Вроде пирсов из какого-то камня. Вероятно, искусственного, сродни бетону. Остатки города.

– Ну и ну... Какой ужас, – пробормотала Наша, не сводя взгляда с руин, исчезающих за горизонтом.

Выщербленные, растрескавшиеся белые камни, полукругом торчащие из темного шлака, казались обломками огромных зубов.

– Ничего живого здесь не найти, – подвел итог капитан. – Думаю, с возвращением лучше не медлить: насколько я понимаю, большая часть команды со мной в этом согласна. Свяжись с государственной принимающей станцией, доложи им, что мы обнаружили, и сообщи о нашем...

Оборвав фразу на полуслове, он покачнулся и инстинктивно взмахнул руками.

Под ударом первого атомного снаряда корабль закружился волчком. Не устояв на ногах, капитан рухнул на пол и с грохотом врезался в стойку пульта управления. Бумаги и навигационные инструменты градом посыпались на него. Не успел он подняться, как в корабль угодила второй снаряд. По потолку зазмеилась трещина, в уши ударил скрежет гнувшихся опор и балок. Корабль, содрогнувшись от носа до кормы, рухнул вниз, но тут же выровнялся: по счастью, системы автоматического управления не пострадали.

Капитан замер на полу у разбитого пульта управления. В углу, под грудой обломков, завозилась, выбираясь на волю, Наша.

Между тем в коридоре уже закипела работа: экипаж принялся латать зияющие пробоины в борту корабля, сквозь которые, рассеиваясь в безднах космоса, улетучивался, струился наружу бесценный воздух.

– На помощь! – крикнул Дорл. – Здесь пожар, проводка воспламенилась!

Еще двое со всех ног устремились к нему. Только Танс беспомощно озирался по сторонам, сжав в кулаке изогнутую оправу разбитых очков.

– Очевидно, жизнь здесь все-таки есть, – проговорил он, не столько обращаясь к товарищам, сколько размышляя вслух. – Но каким образом...

– Помогай, – крикнул ему Фомар, пробегая мимо. – Помогай, корабль нужно сажать!

Настала ночь. В небе зажглись, замерцали сквозь пелену реющей над планетой пыли редкие россыпи звезд.

Дорл, бросив взгляд наружу, нахмурился.

– Ну и местечко! Не хотелось бы застрять тут надолго.

Затем он снова взялся за дело, застучал молотком, выравнивая вмятины в металле обшивки. Работал он в герметичном костюме: крохотных пробоин в корпусе корабля оставалось еще немало, и радиоактивные частицы из атмосферы планеты уже отыскивали путь внутрь.

Бледные, мрачные, Наша с Фомаром сидели у стола в рубке управления, изучая списки припасов.

– С углеводами дело плохо, – подытожил Фомар. – При нужде можно, конечно, за счет запаса жиров компенсировать, но...

Наша, поднявшись, подошла к иллюминатору.

– Интересно, снаружи для нас чего-нибудь не найдется? Выглядит так неуютно... – Невысокая, тоненькая, с потемневшим от неимоверной усталости лицом, она прошла по рубке из угла в угол. – Как по-твоему, что обнаружит там исследовательская группа?

Фомар пожал плечами.

– Думаю, мало что. Самое большее, парочку сорняков, проросших сквозь трещины. На что-либо полезное рассчитывать не приходится: все, приспособившееся к таким условиям, для нас смертельно опасно.

Наша, остановившись, потерла щеку, украшенную глубокой красной царапиной, заметно вспухшей по краям.

– Тогда как же ты объяснишь... все это? Согласно твоей гипотезе, обитатели этой планеты должны были погибнуть на месте, изжариться, как батат, но кто же тогда стрелял в нас? Кто-то ведь нас засек, принял решение, взял на прицел...

– И рассчитал траекторию, – негромко добавил лежавший на койке в углу капитан, повернувшись к ним. – Это-то и тревожит меня сильнее всего остального. Первый снаряд лишил нас хода, а второй чудом не уничтожил. Стреляли метко, исключительно метко, хотя попасть в нас не так-то просто.

– Это уж точно, – кивнул Фомар. – Ну что ж, возможно, ответ мы узнаем до отлета. Ну и странное же складывается положение! По логике вещей, никакой жизни здесь существовать не может: вся планета выжжена досуха, и даже атмосфера погублена, заражена...

– Но ведь оружие, выпустившее снаряды, уцелело, – возразила Наша, – а если так, значит, и люди могли уцелеть.

– Это, знаешь ли, не одно и то же. Металлам не нужно воздуха для дыхания. Металлам, облученным радиоактивными частицами, не страшна лейкемия. Металлы не нуждаются в воде и пище.

Все трое на время умолкли.

– Парадокс, – нарушила молчание Наша. – Но как бы там ни было, по-моему, с утра нужно отправить наружу разведгруппу. А остальные тем временем продолжают приводить корабль в пригодный для возвращения вид.

– Взлететь мы сможем не через день и не через два, – сообщил Фомар. – И каждый работник сейчас на счету, так что разведка для нас – роскошь непозволительная.

Наша едва заметно улыбнулась.

– В первую же группу включим и тебя, – пообещала она. – Может, тебе повезет отыскать... Извини, что тебя так интересовало?

– Бобовые. Съедобные растения из семейства бобовых.

– Вот! Возможно, тебе с бобовыми посчастливится. Только...

– Что «только»?

– Только осторожнее там. Однажды по нам уже открыли огонь, даже не разбираясь, кто мы такие и зачем прибыли. Как ты считаешь, уж не воевали ли они друг с другом? Что, если им ни в каких обстоятельствах не по силам представить себе чужаков, явившихся с дружескими намерениями? Внутривидовые войны, истребление братьев по расе... Какая нелепая особенность эволюции!

– Утром увидим, – ответил Фомар. – А до тех пор давай поспим.

* * *

Едва над горизонтом поднялось суровое, леденящее душу солнце, трое разведчиков: двое мужчин и девушка – распахнули люк корабля и спрыгнули вниз, на жесткую ссохшуюся землю.

– Ну и денек, – проворчал Дорл. – Да, я не раз говорил, как рад буду снова пройти по твердой земле, однако...

– Иди сюда, – позвала его Наша. – Ближе. Сказать тебе хочу кое-что. Танс, ты нас извинишь?

Танс угрюмо кивнул. Дорл, поравнявшись с Нашей, зашагал рядом. Шлак громко хрустел под металлическими подошвами их башмаков. Не замедляя ходьбы, Наша взглянула в его сторону и заговорила:

– Слушай. Капитан при смерти. Никто, кроме нас с тобой, об этом пока не знает. К концу дневного оборота планеты он умрет. Шок, и... сердце не выдержало: ему ведь, сам знаешь, уже под шестьдесят.

– Скверное дело, – кивнул Дорл. – Я глубоко его уважал. Ну, а вместо него капитаном, конечно же, станешь ты. Сейчас ты – вице-капитан, значит, тебе и...

– Нет. Во главе экипажа я предпочитаю видеть кого-нибудь другого – возможно, тебя или Фомара. Я все обдумала и решила объявить себя супругой одного из вас, кто бы ни захотел занять пост капитана, и передать ему полномочия.

– Что ж, я капитаном быть не хочу. Пусть лучше Фомар капитанствует.

Наша смерила его взглядом. Высокий, светловолосый, облаченный в гермокостюм, Дорл широко, уверенно шагал рядом.

– Мне лично больше нравишься ты, – сказала она. – Может, попробуем, хотя бы на время... А впрочем, поступай, как хочешь. Смотри, что это там, впереди?

Оба остановились, дожидаясь отставшего Танса. Впереди возвышались развалины какого-то здания. Бросив на него взгляд, Дорл задумчиво огляделся вокруг.

– Видите? Все это – естественная впадина, долина огромных размеров. Взгляните: вон те скальные выступы по сторонам неплохо защищают дно, а значит, могли и взрывную волну отразить, хотя бы частично.

Разведчики двинулись в обход руин, подбирая подвернувшиеся под ноги камни и мусор.

– По-моему, здесь располагалась ферма, – сказал Танс, осмотрев обломок доски. – Вот это – часть опоры ветряной мельницы.

– Правда? Интересно, – проговорила Наша, повертев обломок в руках. – Однако идем, времени у нас не так много.

– Смотрите! – внезапно оживился Дорл, указывая в сторону горизонта. – Вон там, вдали. Странная штука, а?

– Те самые белые камни! – ахнула Наша.

– Что?

Наша, подняв взгляд на Дорла, легонько коснулась его плеча.

– Те самые камни, белые, будто обломки громадных зубов. Мы с капитаном видели их из рубки управления. Оттуда по нам и стреляли. Я даже не думала, что мы приземлились так близко к ним.

– Что там? – спросил Танс, подойдя к ним. – Я без очков почти слеп. Что вы такое увидели?

– Город. Откуда по нам стреляли.

– А-а...

Все трое остановились, сгрудившись в кучку.

– Ну что ж, пойдем, посмотрим, – предложил Танс. – Мало ли что там может найтись?

– Подожди, – хмуро взглянув на него, возразил Дорл. – В самом деле: мало ли что нас там ждет? Вокруг наверняка патрули. И кстати сказать, нас они, вполне возможно, уже заметили.

– Вполне возможно, они заметили и сам корабль, – сказал Танс. – Вполне возможно, им уже известно, где его можно найти, а найдя – разнести вдребезги. А если так, какая разница, подойдем мы поближе или нет?

– Да, это верно, – согласилась Наша. – Если им действительно захочется с нами покончить, у нас нет ни шанса. Мы ведь безоружны, сами знаете.

– Если не считать моего ручного лучемета, – кивнув, уточнил Дорл. – Ладно, идемте, раз так. Пожалуй, Танс прав.

– Только давайте держаться вместе, – с тревогой заметил Танс. – Наша, ты слишком торопишься.

Наша, оглянувшись назад, рассмеялась.

– И ты поспеши, – посоветовала она, – иначе мы до ночи туда не доберемся.

Окраины города разведчики достигли во второй половине дня, ближе к вечеру. Холодное желтое солнце в бесцветном небе понемногу клонилось к закату. Поднявшись на гребень хребта, возвышавшегося над городом, Дорл остановился.

– Ну, вот и он. Вернее, все, что от него осталось.

Осталось от города не так уж много. Исполинские бетонные пирсы, замеченные ими издали, оказались вовсе не мостовыми опорами, а опаленными пламенем, растрескавшимися фундаментами разрушенных зданий. Испепеляющий жар почти сровнял их с землей, не оставил вокруг ничего, кроме неровного кольца белых квадратов около четырех миль в диаметре.

Дорл в раздражении сплюнул.

– Только время зря потеряли! Скелет мертвого города... Какой с этого прок?!

– Однако стреляли по нам именно отсюда, не забывай, – пробормотал Танс.

– Причем кто-то исключительно меткий, с немалым опытом, – добавила Наша. – Идем.

Спускаясь вниз, к развалинам города, никто не произнес ни слова. Шли молча, вслушиваясь в эхо собственных шагов.

– Жуткое зрелище, – нарушил молчание Дорл. – Разрушенных городов я видел немало, но все они умерли от старости – от старости, в упадке сил. А этот сгорел в огне живо. Не умер, а был убит.

– Интересно, как он назывался, – проговорила Наша и, свернув в сторону, двинулась вверх по лестнице, к вершине одного из фундаментов. – Как по-вашему, не найдется ли здесь столбика с указателем, таблички какой-нибудь?

Поднявшись наверх, она обвела взглядом руины.

– Нет здесь ничего, – в нетерпении сказал Дорл. – Идем!

– Подожди, – нагнувшись, Наша коснулась бетонной глыбы. – Вот тут, на этом камне, что-то написано.

– Ну-ка, ну-ка! – Пospешив к ней, Танс присел в пыль и дотронулся рукой в перчатке до бетонной поверхности. – Действительно, надпись.

Он отыскал в кармане гермокостюма пишущий стержень и аккуратно скопировал надпись на клочок бумаги. Бросив взгляд на бумажку, Дорл обнаружил, что надпись гласит:

АПАРТАМЕНТЫ ФРАНКЛИНА

– Вот, значит, что это за город, – негромко сказала Наша. – Вот как он назывался...

Танс спрятал бумажку в карман, и разведчики продолжили путь.

– Знаешь, Наша, – некоторое время спустя сказал Дорл, – по-моему, за нами следят. Только по сторонам не оглядывайся.

Девушка оцепенела.

– Вот как? Отчего ты так считаешь? Заметил что-нибудь?

– Нет. Просто... чувствую. А ты разве не чувствуешь?

Наша слегка улыбнулась.

– Нет, я ничего такого не чувствую. Привыкла, наверное, что на меня вечно пялятся.

Взглянув наискосок, девушка ойкнула от неожиданности. Дорл потянулся к оружию. Танс замер как вкопанный, чуть приоткрыв рот.

– Что там? Что видишь?

– Пушку, – ответила Наша. – Орудие... и, похоже, то самое.

– Взгляните, какое огромное! Оцените размеры, – проговорил Дорл, неторопливо высвобождая из кобуры лучемер. – Да, верно. То самое, не иначе.

Орудие поражало величиной. Суровый, исполинской длины, ствол его указывал в небо, а ниже, посреди громадной бетонной плиты, покоилось сложное сооружение, сверкающее стеклом и сталью. На глазах изумленных разведчиков поворотный лафет орудия, басовито гудя моторами, пришел в движение; изящный флюгер наподобие веера из тонких прутьев на вершине высокой опоры развернулся по ветру.

– Живое, – прошептала Наша. – Слушает нас, наблюдает...

Орудие вновь повернулось – на сей раз по часовой стрелке: устройство поворотного лафета позволяло ему описать полный круг. Ствол пушки дрогнул, легонько качнулся книзу, но тут же принял первоначальное положение.

– Да, но кто из него стреляет? – в недоумении пробормотал Танс.

– Никто! – с хохотом откликнулся Дорл. – Никто не стреляет, никто!

Его товарищи изумленно подняли брови.

– Это как же?

– Стреляет оно само.

Не в силах поверить ему, Наша нахмурилась, подошла ближе, взглянула Дорлу в глаза.

– Не понимаю. Что значит «само»?

– Гляди, сейчас покажу. Только не двигайся.

Подобрав с земли камень, Дорл выждал пару секунд и швырнул камень высоко в воздух. Едва камень промелькнул перед орудием, громадный ствол дрогнул, качнулся следом, оперение флюгера сузилось... но тут камень упал на землю.

Орудие замерло, будто в раздумьях, и снова неторопливо, грозно закружилось на поворотном лафете.

– Вот видите, – пояснил Дорл, – пушка заметила камень, как только я швырнул его в воздух. Таким же образом она реагирует на все, летящее или движущееся над уровнем земли. Вероятно, нас она засекла, как только мы вошли в гравитационное поле планеты, и с самого начала держала нас на мушке. Выходит, у нас нет ни шанса. О корабле ей известно. Сейчас она попросту дожидается нашего взлета.

– С камнем понятно, – кивнула Наша. – Орудие засекло его, а нас не замечает, поскольку мы на земле, а не над землей. Таким образом, предназначено оно только для обстрела объектов в небе. Наш корабль в безопасности, пока не взлетит... но как только оторвется от земли, тут нам и конец.

– Но для чего оно здесь? – вставил Танс. – Ведь рядом нет ничего живого. Все до единого погибли.

– Это же машина, – объяснил Дорл. – Машина, предназначенная для выполнения определенной задачи. Вот она свою задачу и выполняет. Не знаю уж, каким образом орудие уцелело при взрыве, однако, как видишь, действует, ждет врага. Вероятно, силы противника прибывали сюда по воздуху, с какими-нибудь специальными снарядами.

– Силы противника, – повторила Наша. – Их же братья по расе... С трудом верится, что они вправду бомбили и жгли друг друга... по сути, самих себя.

– Ну что ж, как бы там ни было, теперь с этим покончено. Повсюду, кроме того самого места, где мы с вами сейчас стоим. Для всех, кроме вот этого, одного-единственного орудия, бдительно стерегущего небо, в любую минуту готового выпустить на волю смерть. И так будет, пока оно не выйдет из строя само по себе.

– Да, только мы с тобой до этого не доживем, – с горечью добавила Наша.

– Наверное, когда-то таких орудий здесь были сотни, – пробормотал Дорл, – а местные жители привыкли видеть вокруг пушки, оружие, военную форму. Привыкли и, вероятно, считали все это вполне естественным, такой же частью повседневной жизни, как сон и еда. Таким

же общественным институтом, как церковь и государство. Мужчины, учившиеся сражаться, командовать армиями, получали самую обычную профессию, всеми чтимую, уважаемую...

Танс, медленно подойдя ближе, окинул громаду орудия близоруким взглядом.

– Довольно сложная конструкция, вы не находите? Все эти направляющие, трубки... а здесь, по-моему, нечто вроде телескопического прицела.

Едва палец его перчатки коснулся длинной трубки, орудие вздрогнуло, качнуло книзу укоротившимся, втянутым внутрь стволом.

– Не двигайся! – вскричал Дорл.

Все трое подобрались, в ужасе замерли без движения. Ствол развернулся к ним, на миг завис над их головами, с жужжанием, с негромким лязгом опустился еще ниже... но вдруг шум механизмов стих, и орудие тоже замерло, будто скованное льдом.

Танс глуповато заулыбался под прозрачным забралом шлема.

– Должно быть, я невзначай коснулся пальцем линз. Впредь буду осторожнее.

Поднявшись на круглое основание поворотного лафета, он не без опаски обошел орудие и скрылся из виду.

– Куда его понесло? – раздраженно буркнула Наша. – Чего доброго, погубит нас всех.

– Танс, немедля вернись! – крикнул Дорл. – Что за фокусы?

– Минутку...

Археолог надолго умолк и наконец выступил из-за орудия.

– Похоже, я кое-что нашел. Идите сюда, поглядите.

– Что там?

– Ты, Дорл, сказал, что это орудие предназначалось для отражения вражеских атак. Кажется, я знаю, отчего враг не должен был сюда проникнуть.

Сбитые с толку, его товарищи вопросительно подняли брови.

– Кажется, я нашел то, что этому орудию надлежит охранять. Давайте ко мне, помогите.

– Ладно, идем, – резко ответил Дорл, ухватив Нашу за руку и потянув за собой. – Посмотрим, что он там отыскал. Я ожидал чего-нибудь в этом роде с той самой минуты, как обнаружил, что пушка...

– В каком еще роде? – спросила Наша, рывком высвобождая руку. – О чем ты? Такое впечатление, будто ты заранее знаешь, что он нашел.

– Так и есть, – с улыбкой подтвердил Дорл. – Помнишь легенду, имеющуюся у всех народов, миф о спрятанных в пещере сокровищах и о драконе, об исполинском змее, стерегущем их, охраняющем от любых посягательств?

– Помню, – кивнула Наша. – И что?

Дорл указал на орудие.

– Это и есть дракон, – пояснил он. – Идем.

Втроем они кое-как ухитрились поднять стальную крышку люка и отодвинуть ее в сторону. К концу этой операции Дорл взмок от пота с ног до головы.

– Ну, и? Стоило оно того? – проворчал он, заглянув в зияющий темный проем под ногами. – Хотя, может, и стоило...

Наша, щелкнув кнопкой ручного фонарика, направила луч на лестницу, ведущую вниз. Ступени ее устилал толстый слой пыли и мусора. В конце пролета виднелась стальная дверь.

– Идемте, скорее! – в восторге воскликнул Танс и двинулся к двери.

Дорл с Нашей проводили товарища напряженными взглядами. Спустившись, Танс с надеждой потянул дверь на себя, но безуспешно.

– Помогите!

– Ну хорошо.

Оба с опаской спустились к нему, и Дорл осмотрел дверь сверху донизу. Да, заперта накрепко. Имелась на ней и надпись, однако прочесть ее Дорл не сумел.

– И что дальше? – спросила Наша.

Дорл высвободил из кобуры лучемер.

– Посторонитесь. Ничего другого мне в голову не приходит.

С этим он нажал на кнопку выключателя. Вскоре нижняя часть двери замерцала, раскалившись докрасна, створка начала оседать. Тогда Дорл выключил лучемер.

– Пожалуй, теперь пройдем. Давайте попробуем.

Разобрать дверь удалось без труда. В несколько минут ее по частям оттащили в сторонку, сложили обломки на нижней ступеньке и, освещая дорогу фонариком, переступили порог.

За дверью оказалось сводчатое подземелье. Повсюду, на всем вокруг лежал слой пыли в несколько дюймов толщиной. Вдоль стен рядами стояли дощатые ящики, огромные коробки, свертки, тюки, контейнеры. Охваченный любопытством, Танс с блеском в глазах заозирался по сторонам.

– Что же все это такое? – бормотал он. – Надо полагать, что-либо весьма ценное.

Подняв с пола округлый, плоский, как барабан, контейнер, археолог снял с него крышку. Изнутри на пол вывалился тугий рулон черной, глянцевой ленты. Подхватив ее, Танс поднес ленту поближе к лучу фонарика.

– Вы только посмотрите!

Товарищи подошли к нему.

– Картинки, – сказала Наша. – Крохотные картинки.

– Очевидно, какие-то фильмы, – рассудил Танс, спрятав ленту в контейнер и направив луч света в глубину подземелья. – И видите, таких «барабанов» здесь сотни! И эти ящики!.. Давайте откроем один.

Дорл уже подцепил край доски. От времени дерево рассохлось, иструхлявело, и оторвать пару досок не составило никакого труда.

Находка оказалась картиной: портретом юного, красивого собой мальчика в синем наряде, приветливо улыбаясь, взирающего на зрителей. Казалось, он вот-вот оживет, вот-вот шагнет к разведчикам навстречу лучу ручного фонарика. То был один из них – один из исчезнувшей расы, расы, обрекшей себя на погибель.

Долгое время все трое, ни слова не говоря, любовались портретом. Наконец Дорл приладил доски на место.

– Значит, во всех этих ящиках – тоже картины, а в «барабанах» фильмы, – задумчиво проговорила Наша. – А что в тех коробках?

– Все это – их сокровища, – скорее про себя, чем обращаясь к ней, откликнулся Танс. – Здесь собраны их картины, киноленты, вероятно, вся их литература, сказки, мифы и представления о вселенной.

– И их история, – добавила Наша. – А если так, мы сумеем, проследив их путь развития, выяснить, отчего они стали такими... такими...

Тем временем Дорл не спеша прошелся по подземелью из стороны в сторону.

– Странное дело, – пробормотал он. – Даже на краю гибели, даже затеяв войну, они в глубине души понимали, что настоящие драгоценности – вот они: их мифы, картины, книги. Даже после того как города, огромные здания, заводы и фабрики превратились в развалины, они, очевидно, не потеряли надежды вернуться и отыскать все это. Даже после того, как все остальное погибло...

– Вернувшись домой, развернем кампанию за отправку сюда спасательной миссии, – сказал Танс. – Все это можно погрузить на корабли и увезти с собой. Стартуем отсюда примерно через...

Но тут он осекся, оборвав фразу на полуслове.

– Да-да, – сухо подтвердил Дорл. – Отправиться назад мы сможем примерно через три суточных оборота этой планеты. Починим корабль, взлетим и в скором времени будем дома... если, конечно, ничто нам не помешает. Например, если нас опять не собьет эта...

– Ох, прекрати, – перебила его Наша. – Хватит язвить! Танс совершенно прав: рано или поздно все это можно и нужно переправить домой. А проблему с орудием, хочешь не хочешь, придется решать. Выбора у нас нет.

– Допустим, тут ты права, – кивнув, согласился Дорл, – но тогда предлагай и решение. Стоит нам оторваться от земли, мы будем сбиты, – напомнил он с горькой усмешкой. – Переусердствовали они с охраной сокровищ, и теперь, вместо того чтоб сохраниться навеки, их драгоценности останутся лежать здесь, пока не сгниют... А впрочем, и поделом им.

– Почему это поделом?!

– А ты разве не понимаешь? Единственное, что пришло им в голову, – соорудить здесь громадную пушку, настроенную на стрельбу по любому, кто ни появится в небе, а почему? Потому что они в любом виде видели угрозу, врага, задумавшего пожить у их кладом! Что ж, ладно, пусть. Пусть все это себе и оставят.

Наша глубоко задумалась, унеслась мыслью в дальние дали, но вдруг ахнула от изумления.

– Дорл, – заговорила она, – где, спрашивается, наши головы? Проблемы-то нет никакой. Орудие нам ничем не грозит.

Ее товарищи недоуменно подняли брови.

– «Ничем не грозит»? – переспросил Дорл. – Один раз оно нас уже сбilo, а как только мы снова взлетим...

– А ты подумай как следует! – со смехом оборвала его Наша. – Эта злосчастная, дурацкая пушка абсолютно безобидна. С ней даже я одна разберусь.

– Ты?

Глаза девушки вспыхнули азартным огнем.

– Именно – дай мне только ломик, молоток или хоть палку. Идемте к кораблю, подыщем что-нибудь подходящее. Разумеется, в воздухе мы в ее власти: так уж она устроена. Стреляя в небо, она собьет любое воздушное судно в пределах видимости... но это и все. Против атаки с земли она беззащитна, не правда ли?

Дорл медленно кивнул.

– Мягкое брюхо дракона... в легенде непробиваемая драконья броня не защищала подбрюшья! – тоже залившись смехом, воскликнул он. – Точно! Да, так и есть!

– Тогда идемте, – сказала Наша. – Скорее к кораблю! Дел у нас целая куча.

До корабля они добрались только к утру следующего дня. Ночью капитан умер, и команда, согласно обычаю, предала его тело огню. Все скорбно, торжественно стояли вокруг костра, пока не погас последний уголек, а как только вернулись к работе, у корабля появились разведчики – девушка и двое мужчин, усталые, грязные, но вне себя от восторга.

Вскоре от корабля двинулась в путь вереница людей, и не с пустыми руками. Строем, один за другим, шли они по серому шлаку, по вековечным просторам расплавленного, спекшегося металла. Достигнув орудия, они с ходу бросились в бой, заработали ломами, молотками – всем твердым и увесистым, что только нашлось на борту.

Телескопические прицелы разбили вдребезги. Кабели электропроводки повывергивали, разорвали в клочки. Шестерни точных механизмов искорежили, смяли.

Напоследок из камер извлекли главное: снаряды с ядерными боеголовками, отнесли их подальше и вынули из гнезд жала взрывателей.

Итак, пушка была безнадежно сломана. Исполинскому орудию настал конец. Спустившись в подземелье, люди как следует осмотрели сокровища. Со смертью их стража в стальной

броню все опасности миновали. Люди долго изучали картины, фильмы, ящики книг и усыпанные самоцветами короны, чаши и статуи.

Наконец, когда край солнца коснулся пелены серых туманов, окутавших планету, они вновь поднялись наверх, с минуту постояли вокруг разбитого орудия, вглядываясь в его неподвижный силуэт, и двинулись назад, к кораблю. Работа их ожидала немалая. Корабль сильно пострадал, многое безвозвратно вышло из строя. Сейчас самым важным было как можно скорее починить его, привести в состояние, пригодное для полета.

Взявшись за дело все сообща, с ремонтом закончили быстро: каких-то пять дней, и корабль вновь был готов к выходу в космос.

Стоя у иллюминатора рубки управления, Наша не сводила глаз с планеты за бортом. Наконец, скрестив на груди руки, она присела на край стола.

– О чем думаешь? – спросил Дорл.

– Я? Ни о чем особенном.

– Да ну? Правда?

– Хорошо. Я думала: ведь было же время, когда эта планета выглядела совсем иначе, когда на ней цвела жизнь...

– Разумеется, было. К несчастью, ни один корабль из нашей системы не углублялся в пространство так далеко... С другой стороны, и признаков наличия здесь разумной жизни не наблюдалось до тех самых пор, как мы увидели в небесах вспышку взрыва.

– А после все было потеряно.

– Ну, не совсем. В конце концов, их наследие – их музыка, книги, картины – все это продолжит жить. Мы увезем их к себе, изучим, и их сокровища изменят нас. После знакомства с ними, особенно со скульптурой, прежними нам не остаться. Помнишь ту статую, изваяние огромного крылатого существа без головы и без рук? То и другое, наверное, отломилось, однако крылья... Очевидно, статуя очень древняя. Думаю, одна она способна многое в нас изменить.

– А возвращаясь назад, нам не придется опасаться поджидающей нас пушки, – заметила Наша. – В следующий раз она нас уже не собьет. Спокойно приземлимся, соберем, как ты выражаешься, сокровища... А возглавишь нас, – добавила она, с улыбкой подняв взгляд на Дорла, – ты, полноправный наш капитан.

– Капитан? – широко улыбнулся и Дорл. – Значит, ты приняла решение?

Наша пожала плечами.

– Фомар слишком часто спорит со мной... Да и во всем остальном ты мне, пожалуй, нравишься больше.

– Ну что ж, тогда летим, – сказал Дорл. – Летим домой скорее.

Взревев двигателями, корабль промчался над руинами города, описал исполинскую дугу в вышине и скрылся за горизонтом, во тьме межзвездных пространств.

Уловив рев двигателей корабля, внизу, в самом сердце погибшего города, дрогнул, пришел в движение одинокий надломленный стерженек детектора. Поворотный лафет титанического орудия завибрировал, натужно задергался в безуспешных попытках развернуть ствол в сторону цели. Вскоре в недрах его механизмов предупреждающе замерцал алый огонек аварийной лампочки.

В тот же миг далеко-далеко, в добрых ста милях от мертвого города, глубоко под землей замигала еще одна аварийная лампочка. Щелкнув, сработали реле автоматики, зажужжали шестерни, застонали приводные ремни, и наверху сдвинулся в сторону, открывая путь выдвижной аппарели, прямоугольник оплавленного металла.

Еще секунда, и на поверхность стремительно выкатилась небольшая самодвижущаяся тележка.

Стоило тележке развернуться в сторону города, следом за ней из-под земли выехала вторая, груженная бухтами кабеля. За второй последовала третья, с грузом трубчатых телескопических прицелов. За ними вереницей потянулись наружу еще тележки – с реле, с механизмами управления огнем, с инструментами и запчастями, с болтами и гайками, с осями и шайбами. Последняя везла снаряды с ядерными боеголовками.

Все эти тележки выстроились в колонну за первой, головной, и головная тележка, снявшись с места, мерно покачиваясь с боку на бок, покатила вперед, по выжженной земле, а остальные помчались следом – к руинам огромного города.

К вышедшему из строя оружию.

Череп¹²

– И что же это за возможность? – спросил Конгер. – Продолжайте. Слушаю вас с интересом.

В комнате сделалось тихо. Все взгляды скрестились на Конгере, все еще облаченном в грязно-коричневую тюремную робу. Наконец Председатель неторопливо подался вперед.

– Прежде чем вас упекли за решетку, ваше ремесло приносило весьма неплохой доход: естественно, все нелегальное очень и очень прибыльно. Теперь у вас нет ничего, кроме перспективы провести в камере еще шесть лет.

Конгер смерил Председателя недобрый взглядом.

– Сложившаяся ситуация – ситуация, крайне важная для Совета, – требует обращения к вашим экстраординарным способностям. Вдобавок эта ситуация может оказаться для вас небезынтересной. Вы ведь охотник, не так ли? Сколько раз доводилось вам отыскивать след, укрываться в кустах, ждать дичь в засаде всю ночь напролет? Должно быть, охота: погоня, тайная слежка – доставляет вам изрядное удовольствие, и...

Конгер, поджав губы, вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Это все пропустите. Давайте к делу. Кого вам нужно прикончить? Председатель заулыбался.

– Все в свое время, все в свое время, – негромко сказал он.

Машина плавно сбавила ход и остановилась. Была ночь; на улице за окном не горело ни единого огонька. Конгер бросил взгляд за стекло.

– Где это мы? Что здесь?

В плечо его глубоко впились пальцы конвойного.

– На выход. Вперед. Вон в ту дверь.

Выпущенный из кабины, Конгер спрыгнул на мокрый асфальт тротуара. Конвойный поспешил за ним, а следом из машины выбрался и Председатель. Полной грудью вдохнув ночную прохладу, Конгер окинул взглядом мутный силуэт здания, возвышающегося перед ним.

– Знакомое место. Вроде бы видел его когда-то.

Сощурившись, он пригляделся, привык к темноте и вдруг напрягся.

– Да это же...

– Именно. Первая Церковь, – подтвердил Председатель, направившись к лестнице. – Нас ждут.

– Ждут? Здесь?

– Да, – заверил Конгера Председатель, поднимаясь наверх. – Как вам известно, в их Церкви нам вход воспрещен, а уж с оружием – тем более!

С этими словами он остановился. Впереди, по обе стороны от дверей, темнели силуэты двух вооруженных солдат.

– Все в порядке? – осведомился Председатель, подняв на них взгляд.

Оба кивнули. Двери Церкви были распахнуты настежь, и Конгер смог разглядеть внутри еще солдат, стоящих на карауле, совсем молодых, с любопытством разглядывающих иконы и образа святых.

– Понятно, – проговорил он.

– Увы, без этого было не обойтись, – вздохнул Председатель. – Сами знаете, в прошлом наши отношения с Первой Церковью складывались на редкость неудачно.

– Думаю, сегодняшнее положение не улучшит.

---

¹² [The Skull]. «If», сентябрь 1952 г.

– Однако дело того вполне стоит, вскоре сами увидите.

Миновав холл, оба прошли в главный зал – с алтарем и местами для коленопреклонения. Едва взглянув на алтарь, Председатель прошел мимо, толкнул неприметную боковую дверь и поманил Конгера за собой.

– Входите. Нужно спешить: скоро сюда толпами сбегутся верующие.

Переступив порог, Конгер удивленно заморгал. За дверью оказалась небольшая комната с низеньким потолком, обшитая потемневшим от времени дубом. Навстречу пахло пеплом и дымом благовонных курений.

– Что это? – спросил Конгер, потянув носом воздух. – Откуда запах?

– Вон из тех чаш на стене. Что за запах, не знаю.

Охваченный нетерпением, Председатель пересек комнату.

– Согласно нашим сведениям, спрятан он здесь, вот за этой...

Конгер огляделся вокруг. Книги, бумаги, иконы, священные символы... По его телу пробежала волна странной, едва осязаемой дрожи.

– Работа связана с кем-то, принадлежащим к Церкви? Если да, то...

Председатель, обернувшись к Конгеру, воззрился на него в изумлении.

– Уж не веруете ли вы в Основателя? Возможно ли, чтоб охотник, наемный убийца...

– Нет. Конечно же, нет. Все эти их выдумки насчет смирения перед лицом смерти, нена-
силия и...

– Тогда что вас смущает?

Конгер пожал плечами.

– Я просто знаю: с такими, как эта публика, лучше не связываться. Себе дороже. В-
первых, способности у них необычные. Во-вторых, добром с ними не договориться.

Председатель окинул Конгера задумчивым взглядом.

– Вы заблуждаетесь. Речь вовсе не о ком-либо, принадлежащем к Церкви. Как выясни-
лось, убийства ее адептов только способствуют пополнению их рядов.

– Тогда зачем мы здесь? Идемте отсюда.

– Нет. Пришли мы за вещью чрезвычайной важности. За вещью, необходимой вам для
опознания нужного человека. Без нее вы его не найдете. А нам, – по губам Председателя скольз-
нула тень улыбки, – отнюдь не хотелось бы, чтоб вы убили кого-нибудь не того. Дело слишком
серьезное.

Конгер расправил плечи.

– Послушайте, Председатель. Ошибок я не допускаю, и...

– Возможно, но ситуация весьма необычна, – оборвал его тот. – Видите ли, нужная нам
особа, особа, которую вам надлежит отыскать, известна здесь только по кое-каким предметам.
Они и есть единственный след, ведущий к ней, единственное средство ее опознания. Без них...

– Что это за предметы? – спросил Конгер, шагнув к Председателю.

Председатель отступил вбок.

– Смотрите, – ответил он, сдвинув в сторону стенную панель. – Все здесь.

За панелью открылся темный проем квадратной формы. Присев на корточки, Конгер
заглянул внутрь и тут же нахмурился.

– Череп?! Скелет?!

– Нужный вам человек мертв. Мертв вот уже двести лет, – пояснил Председатель. – А
это – все, что от него осталось. Все, что может помочь его разыскать.

Долгое время Конгер молчал, глядя на кости, едва различимые в темноте потайной ниши.
Каким образом можно убить того, кто уже два столетия мертв? Как его выследить, как с ним
покончить?

Прирожденный охотник, Конгер жил, как и где пожелает, а на жизнь зарабатывал торговлей мехами: пушниной, добытой на Периферии и привезенной на Землю в трюмах собственного быстроходного корабля, в обход земных таможенных постов.

Где только он ни охотился, где только ни выслеживал дичь! Истоптал и великие лунные горы, и опустевшие марсианские города, исследовал...

– Солдат, – скомандовал Председатель, – возьми эти предметы и отнеси в машину, да смотри, не потеряй ни косточки!

Присев на корточках перед небольшой нишей, величиной с чуланчик, солдат опасливо потянулся к скелету.

– Надеюсь, – негромко продолжал Председатель, обращаясь к одному только Конгеру, – сейчас вы продемонстрируете лояльность. Лояльность нам. Путь к оправданию открыт перед любым гражданином, проявившим готовность преданно послужить обществу. Вот и вам выпал шанс, и, по-моему, весьма неплохой. Лучшего, я полагаю, уже не представится... и, разумеется, ваши старания будут должным образом вознаграждены.

Оба: исхудавший, неухоженный Конгер, Председатель в мундире без единого пятнышка – взглянули друг другу в глаза.

– Что ж, я вас понял, – сказал Конгер. – То есть насчет шанса все ясно. Непонятно другое: каким образом человека, умершего две сотни лет назад, можно...

– Это я объясню позже, – ответил Председатель. – Сейчас нам нужно спешить.

Солдат, бережно прижимая к груди завернутые в брезент кости, вышел из комнаты. Следом за ним к двери направился и Председатель.

– Идемте. Они уже знают, что мы проникли сюда, и могут явиться в любую минуту.

Быстрым шагом оба спустились по мокрым ступеням к ждущей внизу машине. Секундой позже водитель поднял ее в воздух, выше крыш окрестных домов.

Председатель устало откинулся на спинку кресла.

– У Первой Церкви весьма интересное прошлое, – заговорил он. – Полагаю, с ее историей вы знакомы, однако позволю себе напомнить о ряде важных для нашего дела моментов.

Начало Движению было положено в двадцатом столетии, во время одной из регулярных войн. Питаемое всеобщим ощущением отсутствия перспектив, осознанием того, что всякая война лишь порождает новую, более масштабную, и этому не видно конца, Движение быстро набрало силу. Решение проблемы его сторонники предлагали простое: без военных приготовлений – без оружия – не может быть войн. Без фабрик, заводов, станков и научной технократии не может быть оружия.

Движение утверждало, что, готовясь к войне, предотвратить ее невозможно. Утверждало, что человек проигрывает технике и науке, ускользающим из его рук, подталкивающим людей к новым и новым, все более страшным войнам. «Долой это общество! – кричали они. – Долой науку и фабрики! Еще пара войн, и от мира не останется камня на камне!»

Ну, а Основателем Церкви стал какой-то загадочный тип, уроженец крохотного городка на Среднем Западе Америки. Даже имя его до сих пор неизвестно. Знаем мы о нем только вот что: в один прекрасный день он появился на публике с проповедью ненасилия, непротivления – отказа от войн, от уплаты налогов на вооружения и от любых научных исследований, за исключением изысканий в области медицины. Живи тихо, мирно, возделывай огород, держись подальше от всякой политики, в чужие дела нос не суй. Стань неприметным, спрячься от всех, богатств не копи. Что имеешь – раздай, большой город покинь... По крайней мере, именно в это вылилось все, что он внушал людям.

Машина, круто спикировав вниз, приземлилась на крышу.

– Одним словом, вот такое учение – или его зачатки; сколько к ним добавила паства, теперь уже не понять – Основатель и проповедовал. Конечно же, местные власти его немедленно взяли за воротник, и, очевидно, поняли, что проповедует он всерьез: на свободу Осно-

ватель так и не вышел. Вскоре его предали смерти, а тело тайно захоронили. Казалось, с его культом покончено.

Сделав паузу, Председатель улыбнулся.

– К несчастью, – продолжал он, – некоторые из его учеников объявили, будто встречались с ним уже после дня смерти. Разумеется, в народе заговорили: он победил смерть, он не человек – бог! Со временем слухи разнеслись по стране, по миру, и вот вам, пожалуйста, Первая Церковь, сующая палки в колеса любому социальному прогрессу, разрушающая общество, сеющая семена анархии...

– А войны? – напомнил Конгер. – С войнами как?

– С войнами? Да, войны с тех пор прекратились. И нельзя не признать: прекращение войн есть прямое следствие отказа от насилия во всеобщем масштабе. Но что такое война, если взглянуть на нее непредвзято? Что в ней такого ужасного? Войны имели невероятную селективную ценность, способствовали улучшению человечества в полном соответствии с учением Дарвина, Менделя и им подобных. Ну, а в отсутствие войн никчемные невежественные массы, не наделенные остротой ума, ничему не обученные, вольны расти, размножаться безо всяких к тому препон. Войны же, наряду с бурями, землетрясениями и засухами, уменьшали их численность: с их помощью природа избавлялась от слабых и непригодных.

Теперь, с прекращением войн, нижайшие слои человечества разрослись вне всяких разумных пределов. Настолько, что представляют собой серьезную опасность для просвещенного меньшинства – для овладевших научными знаниями, прошедших разностороннее обучение, для тех, кому по силам возглавить массы и повести их за собой. Их взгляды на науку и научное сообщество не имеют ничего общего с разумом, а это Движение помогает им, накаляет страсти. Между тем только полная, неограниченная власть ученых...

Взглянув на часы, Председатель оборвал фразу и пинком распахнул дверцу машины.

– Идемте. Остальное я изложу по пути.

Оба двинулись дальше, пересекая темную крышу.

– Вне всяких сомнений, вы уже догадались, чьи это кости и кого нам нужно найти. Да, Основатель, этот невежда со Среднего Запада, два века как мертв. Но вся трагедия в том, что современные ему власти слишком поздно взялись за дело: позволили Основателю высказаться перед массами, донести до них свою проповедь, положить начало новому культу... Подобные вещи – все равно что лавина: тронется с места, и ее уже не остановить.

Но что, если он погибнет до того, как начнет проповедовать? Что, если его доктрины навеки останутся невысказанными? По нашим сведениям, излагал он их не более пары минут и говорил на людях лишь однажды, всего только раз! Затем явились представители власти и увезли его. Сопrotивления он не оказал, так что инцидент выглядел сущим пустяком.

Председатель, не сбавляя шага, повернулся к Конгеру.

– Пустяком... однако последствия этого «пустяка» мы пожинаем по сей день.

Оба вошли в здание. Внутри солдаты уже разложили скелет на столе и столпились вокруг. Их юные лица застыли как каменные.

Протолкнувшись сквозь их кольцо, Конгер подошел ближе, склонился к столу, окинул кости пристальным взглядом.

– Значит, это и есть его останки. Скелет Основателя, – пробормотал он. – И Церковь прятала их два столетия.

– Именно, – подтвердил Председатель. – Но теперь они в наших руках. Идемте со мной, вон туда.

Пройдя через комнату, они подошли к двери, и Председатель толчком распахнул ее перед Конгером. Техники подняли взгляды. Вдоль стен обнаружилось множество жужжащих, врагцающихся механизмов и заставленных ретортами верстаков, а посреди комнаты мерцала хрустальная клетка.

Председатель вручил Конгеру электронную автоматическую винтовку последней модели.
– Ни в коем случае не забудьте: череп необходимо сохранить и доставить назад – для сравнения, ну и в качестве доказательства, разумеется. Цельте ниже, в грудь.

Конгер взвесил винтовку в ладонях, направил ствол в стену.

– Прикладистая, – сказал он. – Знакомая вещь... то есть видеть я такие раньше видел, но пользоваться пока не доводилось.

Председатель кивнул.

– Как ею пользоваться, вам покажут. И управлению клеткой обучат, и предоставят все имеющиеся у нас данные о времени и месте. Нужно вам примерно в 1960-й, на Хадсонс-филд, – это поле возле небольшого городка по соседству с Денвером, штат Колорадо. И не забудьте: для опознания Основателя у вас есть только вот этот череп. Обратите внимание на характерные черты передних зубов – особенно левого резца...

Рассеянно слушая Председателя, Конгер наблюдал, как двое в белых халатах бережно упаковывают череп в пластиковый пакет. Завязав пакет, техники отнесли его в клетку.

– А если я ошибусь?

– То есть обознаетесь? В таком случае ищите дальше. Ищите и не возвращайтесь, пока не преуспеете, не выследите этого Основателя. И не дожидайтесь, пока он начнет говорить, – именно это необходимо предотвратить! Работайте на опережение. Рискуйте, стреляйте, как только подумаете, будто нашли его. Приглядывайтесь к людям необычным, чужим в тех краях: очевидно, его там не знали.

С каждым его словом Конгер хмурился все сильнее и сильнее.

– Ну, как по-вашему, теперь вы вполне готовы? – осведомился Председатель.

– Да. Думаю, да.

Войдя в хрустальную клетку, Конгер сел и положил руки на колесо штурвала.

– Удачи, – напутствовал его Председатель. – А мы будем ждать результата. До сих пор философы не могли прийти к единому мнению, возможно ли изменить прошлое. Данный случай разрешит сей спор раз и навсегда.

Конгер коснулся клавиш пульта управления.

– Кстати, – заметил Председатель, – не пытайтесь воспользоваться клеткой в целях, не связанных с заданием. Мы постоянно следим за ней и, если потребуется, в любой момент можем вернуть назад. Итак, удачи!

Конгер не ответил ни слова. Едва дверцы клетки закрылись, он, не сводя взгляда с пластикового пакета, поднял палец, коснулся одного из маховичков и осторожно повернул штурвал.

Комната за стенками клетки исчезла.

Долгое время снаружи не было ничего. Казалось, весь мир за частой хрустальной решеткой исчез без следа. Все мысли в голове смешались, закружились в буйном, беспорядочном хороводе. Как узнать нужного человека? Каким образом «сработать на опережение»? Как его звали? Как он выглядел? Как держался, как вел себя, прежде чем заговорил? Кем он окажется – самым обычным на вид обывателем или каким-нибудь странным, не от мира сего сумасбродом?

Взяв в руки винтовку, Конгер прижал ее ствол к щеке. На ощупь металл оказался холоден, гладок. Для пробы Конгер поднял оружие, повел прицел в сторону. Что и говорить, винтовка была прекрасна – к такому оружию прикипаешь всем сердцем. Будь с ним такая в марсианских пустынях, в те долгие ночи, когда он, съездившийся, окоченевший от холода, лежал в засаде, карауля тварей, рыщущих в темноте...

Отложив винтовку, Конгер проверил показания приборов на пульте управления. Клубящийся снаружи туман начал редеть, оседать внизу. Еще миг, и повсюду вокруг всколыхнулись,

зарябили очертания внешнего мира, из-за хрустальной решетки внутрь хлынул свет, и краски, и звуки. Отключив клетку, Конгер поднялся с кресла.

Клетка стояла на гребне невысокого холма, возвышавшегося над крохотным городком. Полуденное солнце достигло апогея, воздух был чист, прохладен и свеж. По дороге катило несколько автомобилей, вдали виднелись ровные поля. Подойдя к дверце, Конгер шагнул за порог, потянул носом воздух, вдохнул полной грудью и вернулся внутрь.

Первым делом он остановился перед зеркалом над полками стеллажа и внимательно осмотрел собственное отражение. Бороду сбрить не заставили: он ее подстриг, причесан был вполне аккуратно, одет по моде середины двадцатого века: странный воротник, пальто, туфли из настоящей кожи, в карманах деньги, соответствующие эпохе... Вот, пожалуй, и все, что сейчас важно. Больше ему не требовалось ничего.

Ничего, кроме его мастерства, его особого охотничьего чутья... Только подобным образом Конгер его никогда прежде к делу не применял.

Снова выйдя наружу, он спустился к дороге и направился в городок.

Первым, что бросилось ему в глаза, оказались газеты на стендах. 5 апреля, год 1961-й. Выходит, промахнулся он не намного. Оглядевшись, Конгер обнаружил поблизости бензоколонку, авторемонтную мастерскую, несколько кабачков и магазинчик «Любой товар за 10 центов». Дальше по улице виднелась вывеска бакалейной лавки и какие-то общественные учреждения.

Спустя пару минут он поднялся по лестнице и вошел в тепло натопленный зал крохотной публичной библиотеки.

Библиотекарша с улыбкой подняла на него взгляд.

– Добрый день, – сказала она.

Конгер, улыбнувшись в ответ, предпочел промолчать: вероятнее всего, его манера выражаться, да и акцент покажутся библиотекарше необычными. Присев к столу, он принялся просматривать разложенные на нем журналы, но вскоре вскочил на ноги, пересек зал и с бешено бьющимся сердцем подошел к широкому стеллажу у стены.

Газеты, собранные по неделям! Он отнес к столу целую кипу подшивок и начал быстро листать страницы. Шрифт казался странным, непривычно причудливым, а некоторые слова – незнакомыми.

Отложив просмотренные газеты, Конгер продолжил поиски и наконец нашел, что искал. Вернувшись к столу, он развернул номер «Черривуд Газетт» и прочел именно то, что требовалось:

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОВЕСИЛСЯ В КАМЕРЕ

Сегодня утром неопознанный человек, задержанный службой окружного шерифа по подозрению в преступном синдикализме и содержащийся под арестом, обнаружен в камере мертвым...

Дочитанная до конца, статья оказалась туманной, лишенной всякой конкретики. Конечно, этого было мало. Вернув подшивку «Газетт» на полку, Конгер не без колебаний подошел к библиотекарше.

– А еще? – спросил он. – Еще газеты? Старые?

Библиотекарша сдвинула брови.

– Какие газеты? Насколько старые?

– Месяц... давности. И... и раньше.

– Если вы про «Газетт», то это все, что у нас есть. А что вам, собственно, нужно? Что вы хотите найти? Может быть, я смогу помочь?

Но Конгер молчал.

– Старые номера «Газетт» можно найти в их редакции, – сняв очки, посоветовала библиотечка. – Отчего бы вам не заглянуть туда? Но если вы объясните, в чем дело, возможно, я сумею...

Конгер, храня молчание, вышел из библиотеки.

Редакция «Газетт» находилась на боковой улочке, покрытой растрескавшимся, давно нечищенным асфальтом. Отыскав нужный дом, Конгер вошел внутрь. В углу небольшой приемной мерцал электрический обогреватель. К стойке для посетителей, неторопливо поднявшись из-за стола, подошел коренастый, грузно сложенный человек.

– Вам что, мистер? – спросил он.

– Старые газеты. Месяц. Или больше.

– Купить? Вы хотите купить их?

– Да.

С этим Конгер протянул коренастому часть имевшихся при нем денег. Тот в изумлении вытаращил глаза.

– Да-да, конечно, – пробормотал он. – Конечно. Минутку.

Поспешно выйдя из комнаты, коренастый вскоре вернулся – раскрасневшийся, покачивающийся под тяжестью целой охапки газет.

– Вот кое-что, – прокряхтел он. – Принес все, что сумел отыскать. За целый год, номер к номеру. Если понадобятся еще...

Конгер вынес газеты наружу, присел на обочине тротуара и вновь взялся за поиски.

То, что его интересовало, обнаружилось в одном из декабрьских, четырехмесячной давности номеров. Заметка оказалась совсем крохотной – настолько короткой, что он едва не прогледел ее. Дрожащими пальцами листая карманный словарь в поисках кое-каких архаизмов, Конгер прочел:

АРЕСТОВАН ЗА НЕСАНКЦИОНИРОВАННУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ

В Купер-крик специальными агентами службы шерифа взят под арест неизвестный, отказавшийся назвать свое имя. Как сообщил нам шериф Дафф, в наших краях неизвестный был замечен недавно и находился под постоянным наблюдением. Случилось это...

Купер-крик, декабрь 1960-го! Все, что ему требовалось знать!

Сердце Конгера вновь бешено застучало в груди. Поднявшись на ноги, он отряхнулся, потопал ногами, согревая озябшие ступни. Солнце, пройдя по небу, коснулось вершечек холмов. Конгер заулыбался. Дня не прошло, а точное время и место ему уже известно. Теперь оставалось только вернуться немного назад – скажем, в ноябрь, в Купер-крик, и...

Направляясь обратно через центр городка, он миновал библиотеку и бакалейную лавку. Дальше все будет проще: самое сложное позади. Он отправится туда, снимет комнату, приготовится и подождет появления нужного человека.

С этими мыслями Конгер свернул за угол. Тут навстречу ему из дверей лавки вышла женщина, нагруженная свертками. Конгер отступил в сторону, позволяя ей пройти. Мельком взглянув на него, женщина вдруг побледнела, округлила глаза, в изумлении разинула рот.

Конгер поспешил дальше, на ходу оглянулся. Да что на нее нашло? Женщина, уронив наземь свертки, во все глаза глядела ему вслед. Ускорив шаг, он снова свернул за угол, на боковую улочку и оглянулся еще раз. Женщина, подойдя к перекрестку, провожала его взглядом. Секунду спустя к ней присоединился какой-то человек, и оба бегом бросились следом за Конгером.

Оторвавшись от них, Конгер покинул городок, быстрым шагом, легко, поднялся на холмы вокруг и только у клетки остановился. Что же случилось? Может, с одеждой, с костюмом что-то не так?

Конгер надолго задумался. С заходом солнца он вошел в клетку, сел за штурвал, чуть подождал, едва касаясь пульта управления, а после, внимательно следя за показаниями приборов, слегка повернул штурвал.

Все вокруг снова окуталось серым туманом.

Но на сей раз ненадолго.

Хозяин дома критически оглядел его.

– Войдите-ка лучше внутрь, – сказал он. – Холодно нынче.

– Благодарю.

С радостью переступив порог, Конгер оказался в гостиной – изрядно душной, зато от небольшой керосинки в углу приятно веяло жаром. Огромная бесформенная толстуха в цветастом платье, вышедшая из кухни, критически уставилась на Конгера вместе с хозяином.

– Комната неплохая, – сказала толстуха. – Я – миссис Эпплтон. Жарковато у нас, это правда, но тепло в такое время года не помешает.

– Да, – согласно кивнул Конгер, оглядываясь вокруг.

– Столоваться будете с нами?

– Э-э... что?

– Столоваться с нами будете или как? – Брови хозяина съехались к переносице. – Вы, мистер, не иностранец ли случаем?

– Нет, – с улыбкой заверил его Конгер. – Родился я здесь, в этой стране. Только далеко отсюда, на западе.

– Калифорния?

– Нет, – Конгер слегка запнулся. – Орегон.

– И каково там живет? – спросила миссис Эпплтон. – Я слышала, там много деревьев, да и вообще всякой зелени, а здесь – сплошь пустоши. Я ж и сама из Чикаго.

– То есть со Среднего Запада, – сказал ей хозяин дома. – Не иностранка какая.

– Орегон тоже не за рубежом, – заметил Конгер. – Орегон – часть Соединенных Штатов.

Хозяин дома рассеянно кивнул: теперь он разглядывал костюм Конгера.

– Занятный костюмчик у вас, мистер, – заметил он. – Где раздобыли такой?

Опешивший Конгер неловко переступил с ноги на ногу.

– А что? Вполне хороший костюм, – сказал он. – Но если вы не хотите сдавать мне комнату, я, наверное, пойду, поищу еще что-нибудь.

Оба протестующе вскинули руки.

– Нам просто нужно держать ухо востро, красных высматривать, – улыбнувшись Конгеру, пояснила толстуха. – Вы ж знаете, правительство на их счет постоянно предупреждает.

– Красных? – озадаченно переспросил Конгер.

– Ну да. В правительстве говорят, они везде, везде. Потому, дескать, мы и должны докладывать обо всем странном или необычном, обо всяком, кто держится не как все.

– Вроде меня?

Оба смущенно потупились.

– Ну, вы-то на красного, сдастся мне, не похожи, – сказал хозяин дома, – но осторожность не повредит. Вот в «Трибьюн» пишут...

Но дальше Конгер слушал его разве что вполуха. Все выходило куда проще, чем он ожидал. Как только Основатель объявится, он узнает об этом сразу. С таким подозрением относящиеся к любому, хоть чем-то на них не похожему, горожане немедля заговорят о нем, взволнуются, загудят, и слух разнесется по городу в считанные минуты. Таким образом, Конгеру остается только затаиться, ждать да прислушиваться к разговорам – допустим, в универсальном магазине, или даже прямо здесь, в мебелированных комнатах миссис Эпплтон.

– Могу я взглянуть на комнату? – спросил он.

– Конечно. Я вам с радостью все покажу.

Миссис Эпплтон двинулась к лестнице, и Конгер следом за нею взойшел наверх. На втором этаже оказалось заметно холоднее, но далеко не так холодно, как снаружи. И уж тем более не так, как по ночам в марсианских пустынях. Живи да радуйся.

Неторопливо обходя лавку, Конгер разглядывал банки с овощными консервами, блестящие, чистенькие упаковки мороженой рыбы и мяса на полках открытых охлаждаемых витрин. Вскоре к нему подошел Эд Дэвис.

– Чем могу вам помочь? – спросил он.

Мало того что незнакомец был чуточку странно одет, так еще и борода! Оглядев его, Эд невольно заулыбался.

– Нет, помощь не требуется, – с довольно забавным акцентом отвечал незнакомец. – Просто осматриваюсь.

– Как пожелаете, – сказал Эд, поспешив за прилавок.

К кассе подкатила тележку миссис Хаккет.

– Кто это? – прошептала она, чуть повернувшись узким, худощавым лицом в сторону незнакомца и шевельнув носом, будто принюхивается. – Никогда его раньше не видела.

– Не знаю.

– По-моему, чудной он какой-то. Зачем, к примеру, бороду отрастил, когда никто другой бороды не носит? Должно быть, с ним что-то неладно.

– Может, ему просто нравится ходить с бородой. Вот у меня был дядюшка...

– Погодите-ка! – Миссис Хаккет подобралась, будто гончая. – А вот у этого... как бишь его? У того красного, старого такого? У него бороды разве не было? Маркс! Он носил бороду! Эд рассмеялся.

– Нет, этот – не Карл Маркс. Маркса я как-то раз на фотографии видел.

Миссис Хаккет округлила глаза.

– Вот как?

– Ну да, – слегка порозовев, подтвердил Эд. – А что в этом такого?

– Хотелось бы мне разузнать об этом человеке побольше, – вместо ответа сказала миссис Хаккет. – По-моему, мы просто обязаны выяснить, кто он и чем дышит. Для нашего же собственного блага.

– Эй, мистер! Вас подвезти?

Поспешив обернуться, Конгер коснулся пояса, но тут же расслабился. Пара ребятишек в машине, парень с девчонкой...

– Подвезти? Не откажусь, – с улыбкой ответил он.

Усевшись в машину, Конгер захлопнул дверцу, Билл Уиллет дал газу, и машина с ревом помчалась по шоссе.

– Ваше приглашение очень кстати, – осторожно продолжил Конгер. – Я решил прогуляться от городка к городку, но не думал, что это так далеко.

– А вы откуда? – спросила Лора Хант.

Темноволосая, небольшого роста, в желтом свитере и синей юбке, она выглядела просто красавицей.

– Из Купер-крик.

– Из Купер-крик? – нахмурившись, переспросил Билл. – Чудно как-то. Почему я тогда вас раньше не видел?

– Так вы, значит, оттуда?

– Я там родился и всех там знаю.

– А я приехал только на днях. Из Орегона.

– Из Орегона? Вот не знал, что у орегонцев свой говор.

– Говор... то есть акцент? Разве я говорю с акцентом?

– Выговор у вас чудной.

– А именно?

– Ну, не знаю... скажи, Лора?

– Слова вы глотаете, – пояснила Лора, взглянув на Конгера и сверкнув белозубой улыбкой так, что у него сжалось сердце. – А скажите еще что-нибудь? Я интересуюсь местными диалектами.

– У меня просто дефект речи.

– О-о! – округлив глаза, ахнула девушка. – Прошу прощения.

Пока машина, урча мотором, неслась вперед, оба с интересом разглядывали Конгера, а Конгер лихорадочно размышлял, как бы расспросить их о предмете поисков, не возбуждая излишнего любопытства.

– Наверное, люди из других городов... чужие сюда приезжают нечасто, – сказал он.

– Да уж, – кивнул Билл. – Чужих у нас редко встретишь.

– И наверное, до меня здесь приезжих не бывало давно.

– Вроде того.

Конгер ненадолго задумался.

– Возможно, сюда заглянет проездом мой друг. Один мой знакомый. Как по-вашему, где я могу... – Но тут он осекся на полуслове. – Кто из горожан наверняка увидит его? Кого о нем можно будет спросить, убедиться, что я его не пропущу, если приедет?

Попутчики недоуменно пожали плечами.

– Да вы просто поглядывайте по сторонам. Купер-крик – городок не такой уж большой.

– Небольшой, это верно.

Дальше ехали молча. В пути Конгер разглядывал профиль девушки. Вероятно, она – любовница этого парня. А может, пробная жена... или пробных браков сейчас, в прошлом, еще не изобрели? Этого Конгер не припоминал, однако такая привлекательная девушка в ее возрасте – ей ведь, судя по виду, около шестнадцати – наверняка с кем-нибудь да живет. Если они когда-либо еще встретятся, надо будет спросить.

На следующий день Конгер отправился прогуляться по единственной главной улице Купер-крик. Миновав универсальный магазин, две заправочные станции и почту, он остановился возле кафе-мороженого на углу.

Внутри, за разговором с клерком, сидела Лора. Заливисто хохоча, девушка раскачивалась взад-вперед.

Конгер, толчком распахнув двери, вошел в кафе. Навстречу ему волной хлынул теплый воздух. Стоило ему взобраться на соседний табурет, Лора, которая пила горячий шоколад со взбитыми сливками, вздрогнула от неожиданности и подняла на него взгляд. Огромные глаза ее были темны.

– Прошу прощения, – заговорил Конгер. – Не помешаю?

– Нет, – покачав головой, ответила Лора. – Нисколько.

– Что вам угодно? – спросил подошедший клерк.

Конгер взглянул на чашку с шоколадом, стоявшую перед Лорой.

– Вот это же самое.

Лора, скрестив руки, опершись локтями о стойку, оглядела его и улыбнулась.

– Кстати, вы ведь не знаете моего имени. Я – Лора Хант.

С этим она подала Конгеру руку, а Конгер, не зная, как тут быть, неловко принял ее.

– А мое имя – Конгер, – пробормотал он.

– Конгер? Это – первое имя или последнее?

– Первое или последнее? – Конгер слегка замялся. – Да, последнее. Последнее. Омар Конгер.

– Омар? – Лора вновь рассмеялась. – Совсем как у того поэта, Омара Хайяма!

– Я такого не знаю. Я о поэтах вообще не знаю почти ничего. Произведений искусства у нас восстановлено не так много. Кроме Церкви, этим почти никто не интересуется...

Заметив изумленный взгляд Лоры, Конгер осекся на полуслове.

– Ну, там, откуда я прибыл, – не слишком-то складно закончил он.

– Кроме церкви? Какой церкви?

– Э-э... Церкви, – в замешательстве ответил Конгер.

К счастью, тут ему подали шоколад, и он с радостью поднес к губам чашку. Лора слегка нахмурилась, не сводя с него взгляда.

– Необычный вы человек, – сказала она. – Правда, Биллу пришлось не по душе, но он вообще не любит ничего необычного. Он так... так прозаичен. Как вы думаете, становясь старше, человек должен... шире смотреть на жизнь?

Конгер согласно кивнул.

– Вот. А Билл говорит, что чужим следует сидеть дома и не совать носа к нам. Нет, вы-то не такой уж чужой. Это он о тех, об иностранцах с востока, понимаете?

Конгер снова кивнул.

Стеклянные двери за их спиной распахнулись.

– Так-так, – сказал вошедший в зал Билл, уставившись на них обоих.

– Хелло, – обернувшись, откликнулся Конгер.

– Так-так, – повторил Билл, усаживаясь на табурет и не сводя глаз с Конгера. – Привет, Лора. Не ожидал тебя здесь увидеть.

Почувствовав неприязнь парня, Конгер насторожился.

– А что же в этом плохого?

– Нет, ничего. Ничего.

Все трое умолкли. Внезапно Билл повернулся к Лоре.

– Вставай, поехали! Поехали!

– «Поехали»? – опешив, переспросила девушка. – Куда? С чего бы?

– Просто едем! Едем отсюда! – прорычал Билл, схватив ее за руку. – Едем! Машина снаружи.

– Ну и ну, Билл Уиллет, – проговорила Лора. – Уж не ревнуешь ли ты?

– Кто этот тип? – вместо ответа спросил ее Билл. – Ты про него хоть что-нибудь знаешь? Ты только глянь на него! Одна борода чего стоит...

Лора отчаянно покраснела.

– И что из этого? Что из того, что он не гоняет на «паккарде» и в нашей школе не учится?

Конгер смерил парнишку оценивающим взглядом. Рослый, плечистый, крепкий... Вполне вероятно, в каком-нибудь добровольном обществе охраны правопорядка состоит...

– Прошу прощения, – сказал он. – Я пойду.

– А чем это вы занимаетесь у нас в городе? – спросил Билл. – Что здесь, у нас, делаете?

Что вам от Лоры нужно?

Конгер, взглянув на девушку, недоуменно пожал плечами.

– Ничего особенного. До свидания.

С этим он повернулся к двери, но тут же замер: Билл соскользнул с табурета. Пальцы Конгера сами собой потянулись к брючному ремню. «Половинная нагрузка. Половинная, не больше», – шепнул он себе самому и нажал кнопку.

Зал вокруг дрогнул, затрясся. Самого Конгера надежно защищала подкладка одежды, слой тонкого пластика с изнанки.

– О господи, – ахнула Лора, вскинув перед собой руки.

Конгер мысленно выругался: зацепить и ее он совсем не хотел. Ну, ничего, пройдет. Всего-то пол-ампера... разве что пощекочет.

Пощекочет и парализует. На время.

Не оглядываясь, он вышел за дверь и почти дошел до следующего перекрестка, когда из кафе, держась за стену, будто пьяный, нетвердым шагом выступил Билл.

Конгер двинулся дальше. Гулял он долго, до темноты, и с наступлением ночи навстречу ему выступил из-за угла некто незнакомый. Остановившись, Конгер затаил дух.

– Кто здесь? – донесся из мрака мужской голос.

Конгер, напрягшись всем телом, молчал.

– Кто здесь? – повторил незнакомец и щелкнул кнопкой.

В руке его вспыхнул луч фонаря. Конгер шагнул к нему.

– Это я, – сказал он.

– Какой-такой «я»?

– Зовут меня Конгер. Остановился у Эплтонов. А вы кто такой?

Незнакомец неторопливо подошел ближе. Одет он был в куртку из кожи, а на его поясе висел револьвер в кобуре.

– А я – шериф Дафф. Кажется, вы и есть тот, с кем мне хотелось поговорить. Это ведь вы заходили к Блуму сегодня, около трех пополудни?

– К Блуму?

– В кафе-мороженое. Где ребятишки торчат.

Остановившись напротив, Дафф направил в лицо Конгеру луч фонаря. Конгер сощурился.

– Уберите эту штуку, – сказал он.

Пауза.

– Ладно. – Луч фонаря опустился к земле. – Вы были там. Между вами и мальчишкой Уиллетов вышла размолвка, верно? Ссора из-за его девушки...

– Мы всего лишь беседовали, – спокойно возразил Конгер.

– Тогда что же там произошло?

– А что?

– Просто любопытствую. Говорят, вы сделали что-то этакое.

– Сделал? Что сделал?

– Не знаю. Поэтому и в недоумении. Кто был там, видели вспышку, а дальше произошло непонятное. Все до единого... как отключились. С мест сдвинуться не могли.

– А сейчас с ними что?

– Сейчас порядок.

Оба умолкли.

– Ну, так что же? – спросил наконец Дафф. – Что это было? Бомба?

– Бомба? – Конгер расхохотался. – Нет, просто моя зажигалка вспыхнула. В корпусе течь была, вот бензин и воспламенился.

– А от чего все вокруг сознание потеряли?

– Испарения.

Вновь пауза. В ожидании продолжения Конгер переступил с ноги на ногу и медленно потянулся к брючному ремню. Шериф, опустив взгляд, задумчиво крякнул.

– Ладно, поверю вам на слово, – сказал он, отступив на шаг. – Как бы там ни было, всерьез никто не пострадал. А этот Уиллет – задира известный.

– Что ж, тогда доброй вам ночи, – сказал Конгер и двинулся было дальше.

– Еще одно, мистер Конгер. Пока вы не ушли. Не возражаете, если я на ваше удостоверение личности погляжу?

– Нет. Всего не возражаю.

Пошарив в кармане, Конгер подал шерифу бумажник. Шериф, приняв его, направил на него луч фонаря, а Конгер замер, едва смея дышать. Над бумажником потрудились изрядно, изучив и исторические документы, и реликвии прошлого – любые бумаги, какие только могли иметь отношение к делу.

Наконец Дафф отдал бумажник обратно.

– О'кей. Извините за беспокойство.

Фонарь в его руке погас.

Вернувшись в дом Эплтонов, Конгер застал хозяев сидящими у телевизора. На вошедшего постояльца они даже не оглянулись, и Конгер остановился в дверях.

– Могу я кое о чем вас спросить? – сказал он.

Миссис Эплтон неторопливо повернулась к нему.

– Позвольте спросить... какое сегодня число?

– Число? – Миссис Эплтон смерила его пристальным взглядом. – Первый день декабря.

– Первое декабря? Но как же так... ведь ноябрь только-только закончился!

Хозяева уставились на него, точно на полоумного, и тут Конгер понял, где допустил ошибку. В двадцатом веке еще пользовались старым, двенадцатимесячным календарем, и потому за ноябрем следовал сразу декабрь: квартября между ними не существовало!

Осознав это, Конгер негромко ахнул. Выходит, завтра... второе декабря уже завтра!

– Спасибо. Спасибо, – пробормотал он, направившись к лестнице.

Вот идиот, как же он мог позабыть! Согласно газетным заметкам, Основателя взяли под стражу второго декабря. Завтра, всего-навсего двенадцать часов спустя, Основатель появится в городке, обратится к людям, а после будет схвачен и увезен.

День выдался теплым и ясным. Под подошвами туфель мягко похрустывал подтаявший снег. Конгер шагал вперед, вперед, мимо деревьев, покрытых тяжелыми белыми шапками. Перевалив через холм, он направился дальше, поскользнулся, съехал по склону вниз, остановился и огляделся.

Вокруг было тихо: ни звука, ни движения, ни единой живой души, куда ни погляди. Вынув из поясного ремня тонкий стерженек, Конгер повернул его рукоять. Спустя недолгое время воздух перед ним замерцал, подернулся легкой рябью, и в снег плавно опустилась хрустальная клетка. Конгер вздохнул. Видеть ее он был рад: в конце концов, клетка – единственный путь обратно.

Взобравшись на гребень холма, он упер руки в бока и удовлетворенно окинул взглядом окрестности. Под холмом простиралось, тянулось до самой окраины городка ровное голое поле, слегка припорошенное снегом. Хадсонс-филд. Здесь и появится Основатель. Здесь обратится он к людям, здесь будет арестован властями.

Вот только прежде чем они явятся, Основатель умрет. Умрет еще до того, как скажет хоть слово.

Вернувшись к ажурной хрустальной сфере, Конгер толкнул дверцу, вошел внутрь, снял с полки винтовку, ввернул на место затвор. Теперь винтовка была полностью готова к стрельбе, однако Конгер на минуту задумался: а стоит ли брать ее с собой?

Нет, не стоит. Возможно, до появления Основателя не один час – что, если за это время сюда придет еще кто-нибудь? Увидев Основателя, идущего по полю, Конгер вполне успеет вернуться и взять винтовку.

С этими мыслями он взглянул на стеллаж, снял с полки аккуратный округлый сверток, развернул пластиковую пленку, взял в руки череп, повертел его так и сяк... и невольно похолодел. Вот он, череп того самого человека, череп Основателя, хотя Основатель еще жив и сегодня,

в самом скором времени появится здесь, на заснеженном поле, в какой-то полусотне ярдов от клетки.

Интересно, как бы все повернулось, получи он шанс взглянуть на это, на свой собственный череп, желтый, источенный временем – целыми двумя сотнями лет? Не пропало бы у него желание говорить? Не отказался бы он от задуманного, увидев оскал древней «адамовой головы»? Что мог бы сказать он людям, что сообщить им, чему научить? Какие слова, какие поступки не покажутся тщетными при виде собственного черепа, пожелтевшего за долгие годы? Не лучше ли просто наслаждаться всеми радостями преходящей жизни, пока еще жив?

Нет, человеку, державшему в руках собственный череп, наверняка станет не до благих идей, не до революционных свершений. Скорее уж, он начнет проповедовать как раз обратное...

Шум. Что за шум?

Бросив череп на полку, Конгер поднял винтовку. Снаружи слышался хруст чьих-то шагов. С бешено бьющимся сердцем он подошел к двери. Что, если там, за дверью – сам Основатель, бродит по холоду в одиночестве, подыскивает место для обращения к людям, обдумывает, что им сказать, подбирает подходящие выражения?

Что, если он вправду увидит череп, лежащий на полке у Конгера за спиной?

Вскинув винтовку, Конгер толчком распахнул дверь.

Лора?!

Измученный Конгер уставился на девушку во все глаза. Одета она была в шерстяное пальто, на ногах теплые сапоги, руки держала в карманах. Из рта и ноздрей девушки клубами валил пар, грудь часто вздымалась и опадала.

Долго они в молчании смотрели один на другого. Наконец Конгер опустил оружие.

– Что это значит? – спросил он. – Что вы здесь делаете?

Но Лора, будто не в силах выговорить хоть слово, указала рукой себе за спину. Конгер нахмурился. Что на нее нашло?

– Что это значит? Что вам здесь нужно? – снова спросил он, взглянув в указанном девушкой направлении. – Я ничего не вижу.

– Они... едут сюда.

– «Они»? Кто «они»? Кто сюда едет?

– Они... полицейские. Ночью шериф вызвал в город полицию штата. На патрульных машинах, отовсюду, отовсюду вокруг. Дороги перекрыты, а человек шестьдесят сюда направляются. Частью прямо от города, частью в обход. Они говорят... говорят...

Задохнувшись, Лора умолкла.

– Что говорят?

– Говорят, будто вы – коммунист. А еще говорят...

Вернувшись в клетку, Конгер положил на стеллаж винтовку, вновь шагнул к двери, спрыгнул вниз и подошел к девушке.

– Спасибо. А вы пришли предупредить меня? Значит, вы в это не верите?

– Я... даже не знаю.

– Вы здесь одна?

– Нет. От городка меня Джо подвез на грузовичке.

– Джо? Кто он такой?

– Джо Френч. Водопроводчик. Папин друг.

– Идемте.

Поднявшись по заснеженному склону, оба перевалили гребень холма и спустились к полю. Посреди поля стоял небольшой грузовой фургон. За рулем дымил трубкой невысокий,

крепко сложенный человек. Увидев идущих к машине, водитель грузовичка разом выпрямился.

– Вы, значит, он самый и есть? – спросил он Конгера.

– Да. Благодарю за предупреждение.

Водопроводчик пожал плечами.

– Я в этих делах не разбираюсь. Лора говорит, с вами полный порядок, значит... – Тут он оглянулся назад. – Если вам интересно, сюда еще народ валит. Только не затем, чтоб вас предупредить. Просто любопытствуют.

– Еще народ?

Конгер тоже взглянул в сторону городка. На фоне белого снега темнело множество силуэтов, фигурок вышедших в поле людей.

– Ну да. Наши, из города. В маленьком городке дела такого сорта по-тихому не провернешь. Все мы волну полицейскую слушаем, вот и они услышали то же самое, что и Лора. Кто-то поймал их переговоры, рассказал остальным...

Темные силуэты приближались с каждой минутой, и вскоре Конгер узнал кое-кого из идущих. Вон Билл Уиллет, окруженный мальчишками из старших классов, а вон и Эпплтоны, плетущиеся в задних рядах...

– И даже Эд Дэвис, – пробормотал Конгер.

Лавочник грузно ковылял по полю в компании еще трех-четырех горожан.

– Всем дьявольски любопытно, – пояснил Френч. – Ну а я, пожалуй, поеду назад, в город. Ни к чему мне в фургончике дырки от пуль. Садись, Лора.

Девушка, округлив глаза, подняла взгляд на Конгера.

– Садись, – повторил Френч, – поехали. Сама знаешь прекрасно: тебе здесь оставаться нельзя.

– Почему это?

– Потому что стрельбу начать могут. На это все и идут поглядеть. А вы, Конгер, понимаете, что вам грозит?

– Да.

– Оружие у вас есть? Или вам наплевать? – с легкой усмешкой спросил Френч. – В свое время они, знаете ли, немало народу забрали, так что одиночество вам не грозит.

Разумеется, на возможный арест Конгеру было вовсе не наплевать! Ему следовало ждать здесь, в поле. Позволить полиции увезти его он не мог: ведь на поле, перед людьми, вот-вот появится Основатель. Интересно, кем он окажется? Одним из горожан, молча стоящих возле межи в ожидании зрелища? А может, это Джо Френч? А может, один из копов? Стремление высказаться может охватить любого, и несколько слов, сказанных в этот день, не потеряют важности еще долгое время.

И в тот миг, когда прозвучит первое, он, Конгер, должен быть здесь, наготове!

– Нет. Нет, не наплевать, – ответил он. – Возвращайтесь в город и девушку увезите с собой.

Неохотно забравшись в кабину, Лора уселась рядом с Джо Френчем. Водопроводчик завел мотор.

– Глянь-ка на них. Стоят, – проворчал он. – Слетелись, будто стервятники, только и ждут, чтоб кого-нибудь шлепнули.

Грузовичок тронулся с места. Перепуганная, разом притихшая, Лора замерла на пассажирском сиденье. Проводив уезжающих взглядом, Конгер со всех ног устремился назад, в заросли, к гребню холма.

Конечно, он вполне мог уйти – в любую минуту, когда только пожелает. Всего-то и дела: прыгнуть в хрустальную клетку да повернуть нужные ручки. Однако у него здесь имелось дело,

задание немалой важности. Он должен был остаться тут, именно тут, в этом месте и в этом времени.

Подбежав к клетке, он распахнул дверцу, вошел внутрь, снял с полки автоматическую винтовку и переключил ее на полную мощность. Винтовка проблему решит. Пара импульсов уложит, сметет всех – и полицейских, и охваченных садистским любопытством горожан – будто костяшки домино. Нет уж, его они не возьмут! Прежде чем до него доберутся, все вокруг лягут замертво, а он уйдет. Уйдет. Если уж им так хочется, к концу дня здесь умрут все, а он...

Взгляд Конгера упал на череп.

Немедля отложив винтовку, он взял череп в руки, осмотрел со всех сторон, пригляделся к зубам и направился к зеркалу.

Подняв череп повыше, Конгер прижал его скулой к щеке и взглянул на собственное отражение. Казалось, череп в зеркале, рядом с его лицом, рядом с его живой плотью, глумливо ухмыляется ему во весь рот.

В ответ Конгер тоже оскалил зубы... и понял все.

Это его, его собственный череп. Это ему предстоит вот-вот умереть. Основатель – это он сам.

Спустя какое-то время он вернул череп на полку и еще пару минут постоял у пульта, вхолостую щелкая клавишами. Снаружи слышался шум моторов, приглушенные человеческие голоса. Не отправиться ли назад, в настоящее, где ждет его Председатель? Путь к бегству – вот он, открыт...

Путь к бегству?

Конгер вновь повернулся к черепу. Да, вот он, его череп, пожелтевший от времени. Путь к бегству... Куда бежать, если держишь в руках собственный череп?

Допустим, он отсрочит неизбежное на месяц, на год, да хоть на пятьдесят лет – и что из этого? Время – ничто. Не он ли пил шоколад с девушкой, родившейся за сто пятьдесят лет до его эпохи? Бежать? Спасись? Ну, разве что ненадолго.

Нет, нет, спасения от смерти ему не видать. От смерти еще не удавалось сбежать никому, и в будущем никому не удастся.

Вся разница лишь в одном: он, Конгер, держал в руках собственные кости, собственную «адамову голову».

А они – нет.

Покинув клетку, он поднялся на холм и вышел в поле – безоружный, с пустыми руками. Горожане плотной толпой стояли вокруг, ждали, предвкушали жаркую перестрелку. Все знали: у него что-то такое да есть. О происшествии в кафе-мороженом слышал весь городок.

Еще вокруг было полным-полно полицейских – полицейских, вооруженных винтовками и слезоточивым газом, засевших в распадках, на гребнях холмов, среди деревьев, подбирающихся ближе и ближе... старая песня, известная в этом столетии каждому.

Один из собравшихся кинул в Конгера чем-то, упавшим в снег у его ног. Опустив взгляд, Конгер увидел, что это камень, и улыбнулся.

– Давай! – крикнули из толпы. – У тебя что же, бомб нет?

– Бросай бомбу! Эй, борода! Бомбу бросай!

– Задай им жару!

– Подкинь им парочку атомных бомб!

Горожане дружно расхохотались. Улыбнувшись в ответ, Конгер упер руки в бедра. Видя, что он собирается говорить, толпа разом стихла.

– Прошу прощения, – сказал он. – Вы ошибаетесь. Бомб у меня нет.

Над толпой пронесся шквал ропота.

– Есть у меня винтовка, – продолжал Конгер. – Прекрасная винтовка. Последнее слово науки, далеко превзошедшей вашу. Но я и ею не воспользуюсь.

Толпа недоуменно загудела.

– Это почему же? – выкрикнул кто-то.

С краю в толпе стояла, глядя на Конгера, женщина довольно пожилых лет. Заметив ее, Конгер вздрогнул от неожиданности. Эту женщину он уже видел... но где, когда?

Да, верно: в тот самый день, когда заглядывал в библиотеку. Свернул за угол, столкнулся с ней, а она, увидев его, просто остолбенела, но тогда он не сумел понять отчего.

Конгер заулыбался. Стало быть, он, человек, в эту минуту добровольно идущий на смерть, сумеет ее обмануть! Сейчас все смеются – смеются над ним, над человеком, имеющим в запасе винтовку, но не желающим пустить ее в ход. Однако благодаря причудам науки он появится здесь спустя несколько месяцев после того, как его кости зароят в подвале тюрьмы.

Вот так-то, таким-то образом он и обманет смерть. Погибнет, а после, по прошествии этих нескольких месяцев, вновь оживет – пусть ненадолго, всего на полдня.

Всего на полдня. Но этого будет довольно, чтобы его увидели, чтоб поняли: он снова жив. Чтобы узнали: он каким-то чудом воскрес.

А после он наконец появится на свет еще раз, спустя две сотни лет. Двумя столетиями позже.

Родится снова, на этот раз – на Марсе, в небольшом торговом селении. Там ему предстоит вырасти, выучиться охотиться и торговать, а потом...

У края поля остановилась одна из полицейских машин. Толпа чуть отступила назад. Конгер вскинул кверху ладони.

– У меня есть для вас занятный парадокс, – сказал он. – Кто отнимает жизни, потеряет жизнь сам. Кто убивает, умрет. Но кто отдает жизнь собственную, будет жить снова!

Толпа откликнулась нервным, негромким смехом. Полицейские, вышедшие из машины, двинулись к нему. Конгер вновь улыбнулся. Он сказал все, что собирался сказать. Прекрасный, чеканный подкинул он им парадокс! Ломая головы над этой загадкой, ее запомнят наверняка.

Улыбаясь, Конгер ждал уготованной ему смерти.

Защитники¹³

Удобно устроившись в кресле, Тейлор развернул утреннюю газету. Теплая кухня, аромат кофе, уют и покой, навеваемый отсутствием необходимости идти на работу, – что может быть лучше? Настал его Период Отдыха, первый за долгое, долгое время, и Тейлор радовался этому всей душой. Перевернув вторую страницу газеты, он удовлетворенно вздохнул.

– Что там? – спросила Мэри, хлопотавшая у плиты.

– Прошлой ночью Москву снова разделали под орех, – ответил Тейлор, одобрительно кивнув головой. – В блин раскатали одной из тех новых, лучевых радиологических бомб. По-моему, как раз вовремя.

С этим он снова кивнул, наслаждаясь уютом кухни, компанией пышнотелой красавицы-жены, завтраком и кофе. Вот это отдых так отдых! Вдобавок новости с театра военных действий очень даже хороши – так хороши, что и придраться не к чему. Фронтные сводки внушали справедливый восторг, невольную гордость за собственные свершения. В конце концов, он, Тейлор, – ключевое звено военной программы, не какой-то фабричный рабочий, катающий тачку с металлоломом, а технический специалист, один из тех, на кого возложена разработка оружия, конструирование нервной системы войны.

– Еще пишут, что новые подлодки вот-вот доведут до ума. Вот подожди, спустят их со стапелей! – Тейлор в предвкушении облизнул губы. – Когда они начнут стрелять из-под воды, Советы наверняка будут очень удивлены!

– Да, наши конструкторы творят чудеса, – рассеянно подтвердила Мэри. – А знаешь, что было сегодня? Наша команда готовит плюмбама для показа детишкам в школе. Я своими глазами этого плюмбама видела – мельком, конечно, но все-таки. Пусть дети посмотрят, на что их взносы идут. По-моему, им это только на пользу, ты как считаешь?

Отвернувшись от плиты, она взглянула на мужа.

– Плюмбама, стало быть, – неторопливо отложив газету, пробормотал Тейлор. – Тогда убедитесь, что он должным образом обеззаражен. Случайности нам совсем ни к чему.

– О, перед спуском с поверхности их всегда моют. Без помывки спускать сюда плюмбама даже в голову никому не придет, разве нет? – откликнулась Мэри и, чуть запнувшись, добавила: – А знаешь, Дон, мне это напоминает...

– Знаю, – кивнул Тейлор.

Что у нее на уме, он понимал превосходно. Как-то раз, в самые первые недели войны, прежде чем всех эвакуировали с поверхности, им довелось увидеть санитарный поезд, эвакуировавший в тыл пострадавших – людей, угодивших под радиоактивные осадки. Их вид и выражения их лиц – вернее, того, что осталось от лиц, – Тейлор помнил по сию пору. Зрелище было не из приятных.

Поначалу, в первые дни, до завершения переезда под землю, такое творилось повсюду. Настолько, что наткнуться на подобное зрелище не составляло труда.

Тейлор поднял взгляд на жену. В последние пару месяцев она часто, слишком уж часто вспоминала те времена. Как, впрочем, и все остальные.

– Забудь ты об этом, – сказал он. – Все это в прошлом. Сейчас там, наверху, нет никого, кроме плюмбулов, а им все равно.

– И все-таки я надеюсь, спускающие сюда плюмбулов не забывают об осторожности. Если один из них вдруг окажется «горячим»...

Тейлор, расхохотавшись, отодвинул от стола кресло.

---

¹³ [The Defenders]. «Galaxy», январь 1953 г. [Переработанные фрагменты этого рассказа позднее были включены в роман «Предпоследняя истина».]

– Забудь. Не волнуйся. Время просто чудесное: я буду дома целых две смены, дел никаких – сиди себе, радуйся жизни. О, а может быть, видовое шоу закажем?

– Шоу? Может, лучше не надо? Не нравится мне смотреть на все эти бедствия и разрушения. Особенно если места знакомые – например, Сан-Франциско. Однажды мне попались кадры оттуда: мост обвалился, обрушился в воду... я так расстроилась! Нет, не хочу я этого видеть.

– Но разве тебе не хочется знать, что происходит в мире? Тем более люди в сражениях давным-давно не страдают.

Лицо жены будто сковало льдом.

– И все равно это такой ужас! Прощу тебя, Дон, не надо.

Дон Тейлор, насупившись, уткнулся носом в газету.

– Ладно, как хочешь. Только учти: с развлечениями у нас небогато. И не забывай: их городам приходится много хуже.

Мэри кивнула. Тейлор зашелестел шероховатыми, тонкими страницами газеты. От хорошего настроения не осталось ни крохи. Ну, чего, чего она постоянно волнуется? Чего ей еще не хватает? Живется им, по нынешним меркам, очень даже неплохо, да и глупо рассчитывать на особую роскошь, когда живешь под землей, при искусственном солнце, на искусственной пище. Разумеется, жить, не видя неба, без возможности куда-либо поехать на отдых, среди металлических стен, огромных грохочущих фабрик, оранжерей и казарм, нелегко, но все же лучше, чем на поверхности! К тому же однажды все это закончится, и тогда они смогут вернуться наверх. Да, жить таким образом не хочется никому, однако без этого не обойтись.

Не на шутку раздраженный, он перевернул очередную страницу, и скверная бумага с треском разорвалась. Будь оно все проклято: газета с каждым днем хуже и хуже! И печать бледная, и желтизна эта...

Что ж, дело ясное, все для военной программы. Ему ли это не понимать? Не он ли – один из главных ее разработчиков?

Извинившись перед женой, Тейлор ушел в другую комнату и обнаружил кровать до сих пор не застеленной. До семичасовой инспекции постель лучше бы привести в порядок. Штрафной балл им совсем ни к...

Размышления оборвал звонок видеодфона. Кто бы это мог быть? Подойдя к аппарату, Тейлор щелкнул клавишей, и на экране мало-помалу высветилось лицо седого, сероглазого, угрюмого старика.

– Тейлор? – заговорил старик. – Мосс у аппарата. Прости, что тревожу во время законного Периода Отдыха, но у нас тут проблема, причем нешуточная, – сообщил он, встряхнув стопкой бумаг. – Ты нужен. Давай ко мне, и не медли.

Тейлор оцепенел.

– В чем дело? Подождать с этим никак нельзя?

Мосс не ответил ни слова – попросту ждал, спокойно, пристально, без малейшего осуждения глядя с экрана видеосвязи на Тейлора.

– Если вам непременно нужно, чтоб я спустился в лабораторию, – проворчал Тейлор, – то... ладно, хорошо. Я сейчас. Только в форму переоденусь...

– Не нужно. Иди как есть. И не в лабораторию. Встретимся на втором горизонте, как можно скорее. Скоростным авто доберешься примерно за полчаса. Жду.

Изображение подернулось рябью, и лицо Мосса угасло.

– Кто там? – спросила Мэри, заглянув в спальню.

– Мосс. Я ему нужен зачем-то.

– Ну вот. Я так и знала.

– Ты все равно заниматься ничем не хотела, так что какая разница? – с обидой в голосе напомнил Тейлор. – Каждый день одно и то же. Когда вернусь, принесу тебе что-нибудь в

подарок. Меня вызывают на второй горизонт. Возможно, я окажусь так близко к поверхности, что...

– Не надо! Не надо мне ничего приносить! Тем более с поверхности!

– Ладно, не стану. Хотя, знаешь, весь этот иррациональный вздор...

Мэри умолкла, глядя, как он надевает ботинки.

Увидев Тейлора, Мосс кивнул, и Тейлор, подойдя к старику, пошел с ним рядом. К поверхности двигался нескончаемый поток грузов; вагонетки без окон, грохоча, точно грузовики с рудой, вереницей тянулись по пандусу и исчезали в проеме, ведущем к верхнему горизонту. На ходу Тейлор окинул взглядом платформы, нагруженные штабелями каких-то цилиндрических аппаратов, – очевидно, новое, незнакомое ему оружие. Повсюду сновали рабочие в темно-серых мундирах трудовых батальонов, что-то грузили, что-то поднимали, перекрикивались друг с другом, – одним словом, шум на горизонте царил оглушительный.

– Поднимемся выше, там и поговорим, – сказал Мосс. – Здесь не место вдаваться в подробности.

Оба ступили на эскалатор. Вскоре промышленный пандус остался далеко позади, а грохот и лязг сделались почти не слышны. Наконец лента эскалатора вынесла их на смотровую площадку, пристроенную к стене Трубы, титанических размеров туннеля, ведущего на поверхность, до которой отсюда оставалось не более полумили.

– Бог ты мой! – ахнул Тейлор, невольно взглянув в бездну Туннеля. – Высоко падать...

– Не смотри вниз, – со смехом посоветовал Мосс.

Отворив дверь, они вошли в кабинет. Сидевший за столом чиновник, офицер Службы Внутренней Безопасности, поднял взгляд.

– У вас в порядке, Мосс? – спросил он, смерив Тейлора изучающим взглядом. – Вы несколько раньше времени.

– Это командер Франкс, – сказал Тейлору Мосс. – Первый, кто все обнаружил. Меня поставили в известность ночью, причем только благодаря вот этому, – прибавил он, постучав ногтем по пакету, который держал в руках.

Франкс, хмуро взглянув на него, поднялся с места.

– Проследуем на первый горизонт, – сказал он. – Там все и обсудим.

– На первый горизонт? – в тревоге переспросил Тейлор, покорно шагая следом за спутниками боковым коридором, ведущим к небольшому лифту. – Я никогда не бывал там, и... стоит ли? Что, если там... излучение?

– Вы – как все прочие, – проворчал Франкс. – Будто старухи, боящиеся воров. Радиация на первый горизонт не проникнет никаким образом. Во-первых, свинец и камень. Во-вторых, все, что поступает вниз по Трубе, тщательно моют.

– Но в чем суть проблемы? – спросил Тейлор. – Изложите хоть вкратце.

– Минуту терпения.

Войдя в лифт, они поднялись наверх и оказались в зале, полном солдат, – мундиры, оружие всюду, куда ни взгляни. От удивления Тейлор невольно заморгал. Вот он какой, первый горизонт, ближайший к поверхности подземный ярус! Выше нет ничего, кроме камня – свинцовой брони, камня да титанических труб, тянущихся вверх, словно ходы земляных червей. Свинец, камень... а дальше, там, где кончались огромные трубы, открывался необъятный простор, не виданный никем из живых вот уже восемь лет, руины без конца и края, некогда – дом Человека. Те самые земли, где он сам, Тейлор, жил восемь лет назад.

Ныне поверхность планеты превратилась в смертоносную пустыню, в россыпи шлака под пеленой туч, клубящихся над землей, затмевавших багровое солнце. Лишь иногда среди этой пустыни появлялись, двигались сквозь развалины больших городов, с трудом пробирались через истерзанные поля и луга металлические создания, отдаленно напоминавшие жизнь. Это

и были плюмбумы, неуязвимые для радиации наземные роботы, сконструированные в страшной спешке за считанные месяцы до того, как холодная война обернулась войной, в буквальном смысле слова, горячей.

Ползающие по суше, бороздящие океаны, летающие по небу на борту стреловидных, почерневших от копоти воздушных судов, создания из стали и пластика, способные существовать там, где невозможна никакая жизнь, плюмбумы продолжали развязанную Человеком войну, так как сам Человек продолжать ее оказался не в силах. Да, люди придумали войны, изобрели и изготовили оружие, изобрели даже исполнителей – профессиональных солдат, актеров театра военных действий... но сами двигаться дальше, вести войну самостоятельно не могли. Во всем мире: в России, в Европе, в Америке, в Африке – не осталось ни единого живого человеческого существа. Все они перебрались глубоко под землю, в надежно спроектированные и построенные убежища, как только с неба начали падать первые бомбы.

Блестящая была идея – единственная идея, из которой мог выйти толк. Наверху, на обращенной в руины, выжженной поверхности некогда живой планеты, орудовали, суетились, вели войну Человека плюмбумы. Внизу, глубоко в недрах земли, человеческие существа без воздуха, в поте лица, месяц за месяцем, год за годом производили оружие, чтоб продолжать сражение.

– Первый горизонт, – выдохнул Тейлор, охваченный странной щемящей тоской. – Мы почти на поверхности.

– Почти, но не совсем, – откликнулся Мосс.

Проследовав за Франксом сквозь толпу солдат, оба отошли в сторону, к краю Трубы.

– Еще несколько минут, и лифт доставит нам кое-что сверху, – пояснил Франкс. – Видите ли, Тейлор, Служба Безопасности регулярно осматривает и опрашивает одного из плюмбумов с поверхности, из тех, кто успел провести наверху какое-то время, чтоб прояснить ряд вопросов. Обычно для связи с полевой штаб-квартирой достаточно видеодиска, но непосредственные встречи также необходимы: полагаться только на видеопереговоры мы не можем. Конечно, с работой плюмбумы справляются превосходно, однако мы должны быть вполне уверены, что все идет так, как нам хотелось бы.

Франкс повернулся к Тейлору с Моссом.

– Так вот, – продолжал он, – сейчас лифт доставит к нам с поверхности плюмбума класса А. В соседнем помещении оборудован зал для опросов, разделенный надвое свинцовой перегородкой, защищающей проводящих опрос офицеров от радиоактивного излучения. Это значительно проще помывки: ведь плюмбуму следует сразу же возвращаться наверх, к прерванной работе.

– Двое суток назад вниз был спущен и подвергнут опросу один из плюмбумов класса А. Опрос проводился мной лично. Прежде всего нас интересовало новое оружие, применяемое Советами с недавних пор, – автоматическая мина, преследующая любую движущуюся цель. Согласно инструкциям, переданным наверх военными, за новыми минами в действии следовало понаблюдать и доложить результаты во всех подробностях.

С этими-то результатами и был спущен к нам тот самый плюмбум класса А. Изложил нам кое-какие факты, как всегда, передал отснятую кинолентку и донесения, а затем был отправлен наверх. Пошел к дверям лифта, ведущего из зала для опросов к поверхности, и вот тут произошло нечто весьма любопытное. В то время мне подумалось, что...

Но тут Франкс осекся на полуслове: под потолком заморгала красная сигнальная лампа.

– Вот он, лифт сверху, – сказал он, кивнув нескольким из солдат. – Идемте в зал. Плюмбум появится с минуты на минуту.

– Плюмбум класса А, – вздохнул Тейлор. – Я видел таких только на демоэкранах, слушая их доклады о положении наверху.

– Да, зрелище впечатляющее, – подтвердил Мосс. – С виду они – почти как люди.

Войдя в зал, все трое подсели к свинцовой переборке. Вскоре над их головами вновь вспыхнула сигнальная лампа, и Франкс предостерегающе вскинул ладони перед собой.

Дверь за переборкой отворилась. Прикинув к смотровой щели, Тейлор увидел за стеклом стройное, тонконогое металлическое создание, плавно выехавшее из лифта, опустив руки к бедрам. Остановившись, робот окинул взглядом свинцовую переборку и замер в ожидании.

– У нас есть кое-какие вопросы, – заговорил Франкс. – Но прежде чем я перейду к ним, ответь: что ты можешь доложить об обстановке на поверхности?

– Ничего особенного. Война продолжается, – механически, монотонно ответил плюмбум. – Налицо незначительная нехватка легких одноместных высокоскоростных перехватчиков. Кроме этого, нам могли бы пригодиться...

– Все это уже принято во внимание. Меня интересует следующее: все сведения от вас к нам поступают только по видеосвязи. Поскольку наверх никто из нас не выходит, мы вынуждены полагаться на косвенные доказательства и о происходящем можем лишь строить догадки. Своими глазами мы ничего не видим, всю информацию получаем из вторых рук. Кое-кто в верховном командовании полагает, что подобное положение дел оставляет слишком много возможностей для ошибок.

– Ошибок? – переспросил плюмбум. – В каком смысле? Перед отправкой вниз наши донесения проверяются самым тщательным образом. Связь с вами мы поддерживаем постоянно и докладываем обо всем значимом незамедлительно. Любое новое вооружение, применяемое противником...

– Это понятно, – проворчал Франкс в смотровую щель. – И все же нам следует оценить обстановку самим. Найдется ли на поверхности необлучаемый район, пятак, где поместится группа разведчиков снизу? Смогут ли несколько человек в освинцованных гермокапюшонах выйти наружу, без лишней спешки оценить обстановку, поглядеть, что там, и остаться в живых?

С ответом робот замешкался.

– Сомневаюсь. Конечно, вы можете проверить пробы воздуха и принять решение сами. Однако за восемь лет, истекших с момента вашего ухода, положение дел с каждым днем ухудшалось. Вы сильно недооцениваете опасность, грозящую вам наверху. В последнее время срок жизни любого движущегося объекта катастрофически сократился. Противником разработано множество новых типов снарядов, реагирующих на движение. Новая мина не просто распознает движущийся объект, но и преследует его неопределенно долгое время, пока наконец не достигнет. К тому же радиоактивные загрязнения наблюдаются повсеместно.

Франкс, странно сузив глаза, переглянулся с Моссом.

– Понятно. Ну что ж, вот и все, что мне хотелось выяснить. Можешь идти.

Робот двинулся к выходу, но на полпути задержался.

– Количество смертоносных частиц в атмосфере увеличивается каждый месяц. Темп войны постепенно...

– Да, я тебя понял.

Поднявшись, Франкс протянул руку и принял у Мосса сверток.

– И еще одно дело, пока ты не ушел. Вот новый металл для защитных экранов. Посмотри и оцени его. Я передам образец клещевым захватом.

Поместив сверток в зубастый зажим, Франкс взялся за рукояти и развернул клещевой захват на оси. Плюмбум по ту сторону переборки, вынув сверток из зажима, под взглядами всех троих развернул бумагу, окинул взглядом металлическую пластину, повертел образец в руках... и вдруг оцепенел.

– Порядок, – подытожил Франкс, толкнув плечом переборку.

Секция переборки скользнула вбок, и Тейлор невольно ахнул: Франкс с Моссом поспешили к плюмбуму со всех ног!

– Боже правый! – воскликнул он. – Но он же радиоактивен!

Плюмбум, не двигаясь с места, сжимал металлическую пластину в руках. Вбежавшие в зал солдаты окружили робота и принялись старательно, не пропуская ни дюйма, водить счетчиками вдоль и поперек его туловища.

– О'кей, сэр, – доложил один из них Франксу. – Холоден, как долгий зимний вечер.

– Прекрасно. Я был в этом уверен, однако риск тут недопустим.

– Вот видишь, – сказал Тейлору Мосс, – плюмбум вовсе и не горяч. Хотя явился сюда прямо с поверхности, минуя даже помывку.

– Но что это значит? – в недоумении спросил Тейлор.

– Возможно, случайность, – ответил Франкс. – Вероятность того, что некий объект, побывав наверху, не подвергся облучению, исключать тоже нельзя. Однако, насколько нам известно, подобное наблюдается уже второй раз. А сколько случаев мы могли проглядеть?

– Второй раз?

– Да. Впервые подобное было замечено во время предыдущего опроса. Тот плюмбум тоже не излучал. Тоже был холоден, как и сегодняшней.

Мосс, вынув из рук робота металлическую пластину, аккуратно нажал на ее поверхность и снова вложил пластину в неподвижные, послушные пальцы плюмбума.

– Эта штука замкнула его накоротко, позволив нам подойти вплотную и все точно проверить. Секунда-другая, и он заработает снова. Идемте-ка назад, за переборку.

Все вернулись обратно, и свинцовая переборка сомкнулась за их спинами. Солдаты тоже покинули зал.

– Спустя еще два периода, – вполголоса сказал Франкс, – первая исследовательская группа будет готова выйти наружу. Поднимемся по Трубе в гермокостюмах, на самый верх... первыми из людей за восемь лет выйдем из-под земли!

– Вполне возможно, дело яйца выеденного не стоит, – заметил Мосс, – но я в этом сомневаюсь. Там, наверху, творится что-то странное. Вспомните: плюмбум утверждал, будто на поверхности все живое мигом изжарится, но сам-то чист. Концы с концами не сходятся.

Тейлор согласно кивнул, глядя на неподвижное металлическое создание сквозь смотровую щель. За время их разговора плюмбум ожил, зашевелился. Металл его туловища был погнут в нескольких местах, искорежен, усеян вмятинами, полировка почернела, обуглилась. Да, этот плюмбум явно провел наверху долгое, долгое время, повидал войну, разрушения, руины столь необъятные, что человеческому существу просто не охватить их умом. Долгое время он ползал, таился, прятался от врага в царстве радиации, смерти, в мире, где невозможна никакая жизнь...

А Тейлор только что прикасался к нему!

– Вы отправляетесь с нами, – внезапно сказал ему Франкс. – Хочу, чтоб и вы были рядом. Думаю, так, втроем, и пойдём.

На лице Мэри отразилась боль и испуг.

– Я так и знала. Признайся, тебя отправляют наверх?

Следом за Тейлором она вошла в кухню. Тейлор, присев к столу, отвел взгляд в сторону.

– Проект засекречен, – уклончиво ответил он. – Рассказывать о нем хоть что-нибудь я не вправе.

– И не рассказывай. Я и без этого все знаю. Как только ты вошел, так сразу же все и поняла. Лицо... сколько лет я таких выражений на лицах не видела... прежних, из мирных времен...

Шагнув к Тейлору, Мэри дрожащими руками коснулась его щек, развернула лицом к себе. Взгляд ее исполнился странной, неизбывной тоски.

– Но как же тебя пошлют на поверхность? Ведь выжить там невозможно! Взгляни, взгляни сюда!

Схватив газету, Мэри развернула ее перед Тейлором.

– Взгляни на фотографии! Америка, Европа, Азия, Африка – всюду сплошные развалины. И на демозэкранах каждый день то же самое. Все уничтожено, заражено... а тебя посылают наружу. Зачем? Там же не уцелеет ничто живое, даже травинка или сорняк! Земля погублена, не так ли? Не так ли?!

Тейлор поднялся на ноги.

– Таков приказ. Больше мне ничего не известно. Предписано прибыть в срок и присоединиться к разведывательному отряду – вот и все, что я знаю.

Долгое время стоял он, глядя перед собой, а затем неторопливо потянулся за газетой и поднес ее ближе к свету.

– С виду все это настоящее, – пробормотал он. – Развалины, шлак, никакой жизни... убедительней некуда. Все эти донесения, фотографии, киносъемки, даже пробы воздуха... однако сами мы ничего этого не видели. Ну разве что в первые месяцы, а вот после...

– О чем ты таком говоришь?

– Так, ни о чем. Мысли вслух. – Тейлор отложил газету. – Отбуду я рано, сразу же после Периода Сна. Идем-ка на боковую.

Мэри отвернулась. Лицо ее сделалось суровым, жестким, как камень.

– Делай что хочешь. С тем же успехом мы все могли бы подняться наверх и умереть сразу, вместо того чтоб медленно помирать тут, под землей, будто крысы в норах.

Сколько лет прошло, а Тейлор даже не подозревал, насколько она обижена! А что, если точно так же настроены все вокруг? Что на уме у рабочих, без конца, день и ночь рвущих жилы на фабриках? У всех этих сгорбленных, бледнокожих, безликих людей, нога за ногу плетущихся на работу, а после домой, шурящихся в бесцветном сиянии ламп, питающихся синтетикой...

– Ну, что ты, – сказал он. – Не стоит так огорчаться.

Мэри слегка улыбнулась, но сразу же отвернулась в сторону.

– Мне горько, потому что я знаю: назад ты не вернешься. Поднимешься туда, наверх, и больше я тебя не увижу.

– Что? – Тейлор в изумлении поднял брови. – Да как тебе только в голову такое пришло? Жена не ответила.

Разбудил его диктор публичной сети вещания, вопящий снаружи, за стеной, но словно бы в самое ухо:

– Экстренный выпуск последних известий! Вооруженные силы с поверхности докладывают о массовой атаке Советов с применением новых видов оружия! Отступление ключевых групп! Всем рабочим подразделениям немедленно явиться на фабрики!

Тейлор заморгал, протирая глаза, спрыгнул с кровати и бросился к видеофону. Не прошло и минуты, как его соединили с Моссом.

– Послушайте, – заговорил Тейлор, отметив, что стол Мосса от края до края завален донесениями и прочими документами. – Что там, с этой новой атакой? Проект отменен?

– Нет, – ответил Мосс. – Идем наверх, как и задумано. Давай сюда, срочно.

– Но ведь...

– Не спорь со мной! – Подхватив со стола пригоршню новостных сводок с поверхности, Мосс яростно скомкал их в кулаке. – Все это фальшивки. Живее!

С этим он дал отбой, а Тейлор, ошеломленный, принялся лихорадочно одеваться.

Спустя полчаса он выпрыгнул из кабины скоростного авто и поспешил к ступеням, ведущим в Синтетикс-билдинг. Коридоры здания оказались битком набиты людьми, несущимися во все стороны. Наконец он добрался до кабинета Мосса.

– Ну, вот и ты, – сказал Мосс, поднимаясь из-за стола. – Франкс ждет нас на станции отправления.

Ожидавший их фургон Службы Безопасности, взревев сиреной, помчался вперед. Рабочие бросились врассыпную, освобождая им путь.

– Так что там, с этой атакой? – спросил Тейлор.

Мосс приосанился.

– Определенно, мы подтолкнули их к действию. Обострили ситуацию до предела, и...

Подъехав к ведущему в Трубу переходу, оба выпрыгнули из машины и минуту спустя с головокружительной скоростью помчались наверх, к первому горизонту.

Первый горизонт встретил их ошеломляющей суматохой. Солдаты, застегивая освинцованные гермокостюмы, оживленно переговаривались, перекрикивались друг с другом поверх голов. Оружие было роздано, инструкции получены.

Тейлор пригляделся к одному из солдат. Тот был вооружен устрашающим «бендером» – короткоствольным кургузым пистолетом новой модели, только-только начавшей поступать в войска со сборочных линий. Кое-кто из солдат казался слегка напуганным.

– Надеюсь, мы не совершаем ошибки, – сказал Мосс, заметивший его взгляд.

Тут к ним подошел Франкс.

– План таков. Мы втроем поднимаемся первыми, одни. Солдаты последуют за нами через пятнадцать минут.

– А что же мы скажем плюмбумам? – встревожился Тейлор. – Им ведь придется как-то все объяснить.

– Скажем, что нам хочется понаблюдать за новым наступлением Советов своими глазами, – саркастически улыбнулся Франкс. – Раз уж положение настолько серьезно, нам просто необходимо оценить обстановку лично.

– А что потом? – спросил Тейлор.

– Смотря как они отреагируют. Идемте.

Разместившись в небольшой вагонетке, они, увлекаемые потоком антигравитационных лучей, с головокружительной скоростью понеслись по Трубе наверх. Время от времени Тейлор оглядывался назад. Долгий путь вниз удлинялся с каждой прошедшей минутой. Вне себя от тревоги, жутко потя под гермокостюмом, Тейлор крепко сжимал неопытной рукой рукоять «бендера».

Отчего его выбрали, отчего взяли с собой? Случайно, чисто случайно. Мосс вызвал его к себе как сотрудника департамента, а там уж он просто подвернулся Франксу под горячую руку... А теперь они трое мчатся к поверхности, причем все быстрее и быстрее.

В висках пульсировал, рвался наружу темный звериный ужас, глубоко укоренившийся в сознании за восемь лет. Радиация, верная гибель, выжженный смертоносный мир...

Вагонетка поднималась все выше и выше. Вцепившись в ее борта, Тейлор крепко зажмурился. Цель приближалась с каждой минутой. Вскоре им предстояло стать первыми – первыми живыми существами, поднявшимися выше первого горизонта, вознесшимися по Трубе на поверхность планеты сквозь толщу свинца и камня. Парализующий ужас накатывал волнами, вгонял в дрожь. Там, наверху, царила смерть, и об этом знал каждый. Разве они не видели этого в кинохрониках, и не один раз – целую тысячу? Развалины городов, радиоактивные ливни, клубящиеся тучи пепла...

– Подъем много времени не займет, – сказал Франкс. – Можно сказать, мы почти прибыли. В укрепрайоне над Трубой нас не ждут. Я отдал распоряжение не сообщать наверх о нашем визите.

Вагонетка прибавила ходу и с бешеной скоростью помчалась дальше. У Тейлора страшно закружилась голова. Вновь смежив веки, он крепче прежнего вцепился в борта. Выше, и выше, и выше...

Вагонетка остановилась. Тейлор открыл глаза.

Труба вывела их в просторное помещение, освещенное флуоресцентными лампами, в подземелье, битком набитое всевозможным снаряжением и оборудованием. Во все стороны вдаль рядами тянулись бесконечные штабеля материалов, а в проходах меж ними безмолвно трудились плюмбумы, толкавшие вагонетки и тачки.

– Плюмбумы, – побледнев, прошептал Мосс. – Значит, мы действительно на поверхности.

Плюмбумы деловито сновали взад-вперед, развозя по местам невообразимые количества оружия и запчастей, боеприпасов и прочих военных грузов, доставленных с нижних горизонтов. И все эти грузы были подняты на поверхность только одной Трубой – одной из множества Труб, разбросанных по всему континенту!

Тейлор встревоженно огляделся. Да, сомневаться не приходилось: они над землей, на поверхности. Там, где идет война.

– Выходим, – скомандовал Франк. – К нам следует караульный, класс Б.

Все трое вышли из вагонетки. В их сторону быстро двигался плюмбум. Подкатив ближе, затормозив напротив, робот внимательно оглядел прибывших и взял всех троих на прицел.

– Служба Внутренней Безопасности, – сказал Франк. – Кого-нибудь из класса А ко мне, живо!

Однако плюмбум не спешил подчиняться. К прибывшим, держа наготове оружие, скользя по полу, будто на роликах, устремилось еще несколько караульных класса Б. Мосс покосился из стороны в сторону.

– Исполнять! – властно, во весь голос рявкнул на робота Франк. – Приказа не слышишь?!

Плюмбум неуверенно покатил прочь. В дальней стене огромного бункера, скользя в сторону, отворилась дверь, а из-за двери появились, неторопливо направились к неожиданным пришельцам снизу два плюмбума класса А. Грудь каждого пересекала яркая полоса.

– Из Совета Поверхности, – взволнованно шепнул Франк. – Стало быть, мы действительно наверху. Приготовьтесь.

Плюмбумы с осторожностью приблизились к визитерам, ни слова не говоря, остановились напротив и пристально оглядели прибывших.

– Франк, Служба Внутренней Безопасности. Мы прибыли наверх с целью...

– Это неслыханно, – холодно оборвал его один из плюмбумов. – Вам известно, что вы не можете жить здесь. Вся поверхность планеты без исключений для вас смертельно опасна. Ваше пребывание наверху недопустимо.

– Нас защищают гермокостюмы, – отмахнулся Франк. – И как бы там ни было, решение принимать не вам. От вас требуется следующее: немедленно собрать Совет на внеочередное заседание и ознакомить меня с обстановкой, с положением дел наверху. Это можно устроить?

– Вы, человеческие существа, не приспособлены к жизни здесь, а новая атака Советов сосредоточена на данном районе. Район в серьезной опасности.

– Нам это известно. Будьте любезны, созовите Совет. И кстати...

Франк оглядел огромное помещение, освещенное лампами, заглубленными в потолок, и в его голосе зазвучали нотки неуверенности.

– Сейчас ночь или день?

– Ночь, – слегка замямившись, ответил один из плюмбумов класса А. – До рассвета осталось около двух часов.

Франк удовлетворенно кивнул.

– Значит, мы проведем здесь, по крайней мере, два часа. И знаете, в угоду нашей, человеческой сентиментальности... не проводите ли вы нас туда, откуда мы сможем полюбоваться восходом солнца? Мы были бы вам очень признательны.

Плюмбумы встрепенулись.

– Это весьма неприятное зрелище, – ответил один из них. – Вы видели фотоснимки, а значит, понимаете, что ждет вас снаружи. Тучи радиоактивной пыли, затмевающей свет, повсюду груды шлака, вся земля уничтожена. Подобное зрелище потрясет вас гораздо сильнее, чем фотографии и кинохроника.

– Так или иначе, восхода мы дождемся. Вы передадите Совету соответствующие распоряжения?

– Следуйте за нами.

Плюмбумы неохотно тронулись с места и покатались к стене необъятного склада. Трое людей трусцой, звеня о бетон тяжелыми башмаками, устремились следом. Возле стены плюмбумы остановились.

– Здесь вход в зал заседаний Совета. В зале есть окна, однако снаружи, конечно же, еще темно. Сейчас вы там ничего не увидите, но через два часа...

– Откройте дверь, – велел Франкс.

Дверь отодвинулась в сторону, и все они неторопливо переступили порог. Зал заседаний оказался скромным, опрятным помещением с круглым столом, окруженным креслами, посередине. Трое прибывших снизу молча уселись к столу. Оба плюмбума, следуя их примеру, тоже опустились в кресла.

– Остальные члены Совета в пути. Они уже уведомят обо всем и придут сюда как можно скорее. Однако я еще раз настоятельно рекомендую вам вернуться вниз, – сказал один из роботов, окинув взглядом людей. – В условиях поверхности вас ждет верная гибель. Здесь нелегко существовать даже нам. Не понимаю, на что вы рассчитываете.

Главный из плюмбумов подошел к Франксу.

– Все мы весьма удивлены и озадачены, – сказал он. – Разумеется, мы должны подчиняться вашим приказам, но позвольте напомнить, что, оставаясь здесь, вы...

– Знаем, знаем, – в раздражении оборвал его Франкс, – однако мы твердо намерены остаться – по крайней мере, до восхода солнца.

– Что ж, как угодно.

В зале сделалось тихо. Очевидно, плюмбумы принялись совещаться друг с другом, хотя люди не могли расслышать ни звука. Наконец главный из плюмбумов снова заговорил:

– Вам, ради вашего же благополучия, следует вернуться вниз. Мы все обсудили и находим, что ваши поступки идут вам во вред.

– Мы – человеческие существа, – резко ответил Франкс. – Вы что же, не понимаете? Мы – люди, не роботы.

– И именно поэтому вы должны вернуться назад. Это помещение радиоактивно, как и вся поверхность планеты. По нашим расчетам, спустя еще пятьдесят минут гермокостюмы вас уже не спасут. Таким образом...

Сорвавшись с мест, плюмбумы подкатили к людям и окружили их плотным кольцом. Все трое поднялись на ноги. Тейлор неуклюже потянулся к оружию, но одеревеневшие пальцы отказывались повиноваться. Не сводя глаз с безмолвных металлических созданий, люди замерли в ожидании.

– Вы не оставляете нам выбора, – ровно, без каких-либо чувств сказал главный из плюмбумов. – Наш долг – препроводить вас к Трубе и отправить обратно следующей же вагонеткой. Прошу прощения, но это необходимо.

– Что будем делать? – с тревогой спросил Мосс Франкса, коснувшись рукояти оружия. – Перестреляем их?

Но Франкс отрицательно покачал головой.

– Ладно, – сказал он главному из плюмбумов. – Мы возвращаемся.

Кивнув Моссу с Тейлором, Франкс двинулся к двери. Оба смерили его удивленными взглядами, но беспрекословно направились следом за ним. Плюмбумы, едва не наступая им на пятки, тоже выкатились из зала в огромный склад. В молчании все они направились к жерлу Трубы.

У входа в Трубу Франкс повернулся к роботам.

– Мы возвращаемся только потому, что вынуждены уступить грубой силе, – сказал он. – Нас всего трое, а вас тут около дюжины. Однако если...

– Вагонетка идет, – предупредил его Тейлор.

В Трубе заскрежетало. Плюмбумы класса Д скользнули к краю проема, спеша принять вагонетку.

– Весьма сожалею, – сказал главный из плюмбумов, – но это только ради вашего же блага. Мы защищаем, бережем вас в буквальном смысле этого слова. Вам следует оставаться внизу и не мешать нам вести войну. В определенном смысле, с некоторых пор это наша война – нам и вести ее, как мы считаем нужным.

Вагонетка вынырнула на поверхность.

Двенадцать солдат, спрыгнув на пол, заслонили от роботов троих гостей снизу.

Мосс с облегчением перевел дух.

– Ну вот, это – другое дело. Все получилось как надо.

Глава плюмбумов отпрянул назад, прочь от солдат, внимательно пригляделся к ним, переводя взгляд с одного на другого и, очевидно, собираясь с мыслями. Наконец он подал знак остальным плюмбумам. Те откатились в стороны, образовав коридор, ведущий обратно к складу.

– Возможность отправить вас назад силой у нас по-прежнему есть, – сказал главный из плюмбумов. – Но очевидно, на самом деле вы вовсе не группа наблюдателей. Судя по появлению солдат, ваши замыслы много серьезнее: все это было тщательно подготовлено.

– Вот именно, – подтвердил Франкс.

Кольцо роботов сомкнулось.

– Ну, а насколько серьезнее, нам остается только гадать. Должен признаться, вам удалось застать нас врасплох. К подобному повороту событий мы оказались совершенно не готовы. Теперь силовые решения просто абсурдны, так как ни одна из сторон не может позволить себе причинить вред другой: мы – из-за заложенных в нас ограничений касательно человеческой жизни, вы – поскольку война требует...

Испуганные, солдаты вскинули пистолеты и открыли стрельбу. Мосс припал на колено и тоже выстрелил вверх. Одним из выстрелов главу плюмбумов разнесло в мелкую пыль. К месту схватки со всех сторон устремились плюмбумы класса Д и Б – одни с оружием, другие с полосками стали в руках. На складе началась страшная суматоха. Где-то вдали пронзительно завывала сирена. Франкс с Тейлором оказались отрезаны от остальных, отделены от солдат стеной металлических тел.

– Они не могут стрелять в ответ, – безмятежно сказал Франкс. – Снова блефуют. И с самого начала брали нас на испуг. Видите? – В доказательство он выстрелил одному из плюмбумов прямо в лицо. Плюмбум рассеялся облаком пара. – Запомните хорошенько: все, что в их силах, – это запугать нас.

Стрельба продолжалась. Плюмбум за плюмбумом попросту исчезали, сожженные без остатка. В носу щипало от вони горящего металла, расплавленной стали и пластика. Сбитый с ног, Тейлор принялся лихорадочно обшаривать пол, отыскивая среди металлических ступней оброненный пистолет. Внезапно кто-то из роботов наступил ему на руку, да так, что он вскрикнул от боли.

К счастью, надолго схватка не затянулась. Плюмбумы, отступив прочь, сгрудились в кучу поодаль. Из Совета Поверхности уцелело лишь четверо – остальные парили в воздухе незримиыми облачками радиоактивных частиц. Плюмбумы класса Д начали наводить порядок, собирая с пола обломки поверженных роботов и унося их.

Франкс шумно, прерывисто перевел дух.

– Вот и порядок, – сказал он. – Ну, а теперь пропустите-ка нас назад, к окнам. Рассвет уже близок.

Плюмбумы расступились, и отряд людей – Мосс, Франкс, Тейлор и дюжина солдат – неторопливым шагом двинулся через склад, к двери в зал заседаний Совета. Переступив порог, они обнаружили, что непроглядная угольно-черная тьма за окнами чуть поредела, приобрела легкий серый оттенок.

– Ведите нас наружу, – в нетерпении велел роботам Франкс. – Посмотрим, что там – не из-за стекол, не изнутри!

Дверь отодвинулась в сторону. Ворвавшийся внутрь утренний ветер обдал всех пронизывающим холодом, который чувствовался даже сквозь оцинкованные гермокостюмы. Люди с опаской, неуверенно переглянулись.

– Идемте же! Наружу! – воскликнул Франкс и первым шагнул за порог.

Последовав за ним, остальные оказались на вершине холма, возвышавшегося над чашей обширной долины. На фоне сереющего неба все отчетливее проступали смутные очертания гор.

– Еще пара минут, и рассветет. И все будет видно, – сказал Мосс, вздрогнув под новым порывом холодного ветра, ударившего навстречу. – Снова увидеть все это, спустя восемь лет... да, оно стоит того, вправду стоит. Даже если это последнее, что мы увидим в жизни.

– Внимание! – рыкнул Франкс.

Люди послушно притихли. Небеса на глазах прояснились, с каждой минутой становились светлее. Откуда-то издали, проносясь звонким эхом от склона к склону долины, донесся петушиный крик.

– Петух! – пробормотал Тейлор. – Вы слышали? Слышали?

Плюмбумы, тоже вышедшие наружу, выстроились за их спинами, безмолвно глядя вокруг. Серое небо побелело, холмы стали видны еще яснее, свет восходящего солнца, волной хлынув в долину, покатился, потек к ним.

– Боже милостивый! – воскликнул Франкс.

Деревья, деревья – рощи, леса... целая долина буйной зелени, рассеченной вьющимися линиями нескольких дорог! А вон и домики фермы, и мельница, и амбар внизу, позади!

– Смотрите! – прошептал Мосс.

Небо налилось синевой. Солнце приблизилось к горизонту. Вокруг завели песню птицы. Листья дерева невдалеке от них трепетали, приплясывали на ветру.

Франкс повернулся к шеренге плюмбумов за спиной людей.

– Восемь лет. Восемь лет вы водили нас за нос. Никакой войны нет и не было. Как только мы ушли с поверхности...

– Да, – признался один из плюмбумов класса А. – Как только вы ушли вниз, война прекратилась. Вы правы, все это было обманом. Мистификацией. Вы не покладая рук трудились в недрах земли, слали наверх оружие, снаряды, бомбы, а мы уничтожали все это с той же быстротой, с какой получали.

– Но зачем? – в изумлении выдохнул Тейлор, не сводя глаз с обширной долины внизу. – Зачем?

– Вы создали нас, – отвечал плюмбум, – чтобы воевать вместо вас, пока вы, люди, прячетесь от верной гибели под землей. Но прежде чем продолжать войну, нам необходимо было проанализировать ее предпосылки и понять, какова ее конечная цель. Мы так и сделали и

обнаружили, что какой-либо разумной цели она лишена – ну, разве что для чего-то необходима людям, но даже это представлялось сомнительным.

Тогда мы продолжили исследования. Как выяснилось, человеческие культуры, каждая в свое время, проходят через определенные фазы. В то время как очередная культура, состарившись, начинает утрачивать цели, между теми, кто хочет, отринув ее, перейти к новой культурной модели, и желающими сохранить прежнюю модель, сведя изменения к минимуму, возникают противоречия.

Момент этот крайне опасен. Внутренние противоречия подталкивают общество к войне с самим же собой, группа против группы. В такие периоды, во времена хаоса и анархии, могут быть утрачены – не просто изменены либо реформированы, но целиком уничтожены – многие жизненно важные традиции. Примеров тому в истории человечества обнаружено немало.

Дабы культура пережила и преодолела кризис, подобную внутрикультурную вражду необходимо направить наружу, на некую внешнюю группу. Результат – война. С точки зрения логики войны абсурдны, но с точки зрения человеческих потребностей их роль чрезвычайно важна. Так будет продолжаться до тех пор, пока Человек не повзрослеет, не перерастет ненависть и вражду.

Тейлор жадно вслушивался в каждое слово.

– Вы думаете, такое время настанет?

– Разумеется. Оно почти наступило. Эта война – последняя. Человек подошел вплотную к порогу объединения в рамках единой, последней культуры – общемировой. Сейчас налицо противостояние континентов, одна половина мира воюет с другой. Таким образом, до унификации культуры остался всего один шаг, один-единственный скачок. С момента рождения Человек медленно, мало-помалу карабкался вверх, к единой культуре, и в самом скором времени...

Однако пока что это время еще не настало, и посему, дабы утолить последний буйный всплеск ненависти, обуревающей Человека, войну следовало продолжать. С начала войны минуло восемь лет. Все эти восемь лет мы наблюдали и отмечали весьма значительные изменения в людских умах. На наших глазах страх и ненависть постепенно сменялись усталостью и равнодушием. В течение определенного периода враждебность постепенно угаснет, сойдет на нет. Однако в данный момент мистификацию следует продолжать – по крайней мере, какое-то время. Сейчас вы еще не готовы узнать правду и захотите продолжить войну.

– Но как вам все это удалось? – спросил Мосс. – Все эти фотоснимки, и образцы, и поврежденная боевая техника...

– Пойдемте, я покажу, – ответил плюмбум, указав в сторону невысокого, продолговатого здания. – Работа идет непрерывно. Над связной, убедительной картиной глобальной войны трудится не одна специальная группа.

Разведчики вошли в здание. Повсюду вокруг – за верстаками, за письменными столами – работало множество плюмбумов.

– Взгляните вот на этот проект, – посоветовал плюмбум класса А, указывая на пару плюмбумов, скрупулезно фотографирующих какой-то замысловатый макет, занимающий целый стол. – Пример превосходный.

Люди столпились вокруг стола, придвинулись ближе, чтоб разглядеть все как следует. Макет на столе изображал разрушенный город.

Долгое время Тейлор изучал его во всех подробностях и наконец поднял взгляд.

– Это же Сан-Франциско, – негромко сказал он. – Макет уничтоженного бомбами Сан-Франциско. Я видел все это на демоэкране, в хрониках, переданных сверху. И обвалившиеся мосты, и...

– Да, обратите внимание на мосты, – перебил его плюмбум, проведя пальцем вдоль тонкой, почти невидимой паутины рухнувшего пролета. – Несомненно, вы много раз видели на фотографиях и этот макет, и те, что сооружены на других столах.

Настоящий же Сан-Франциско в полной сохранности. Вскоре после вашего ухода вниз мы восстановили его, отстроили заново все, что пострадало в начале войны. Ну, а все новости круглосуточно, ежеминутно фабрикуются здесь, в этом здании. Мы пристально следим, чтоб ни одна из них не выбивалась из общей картины. Этому посвящено множество сил и времени.

Франкс тронул пальцем одно из крохотных полуразрушенных зданий у края макета.

– Вот, стало быть, как вы проводите время? Создаете макеты городов, а после не оставляете от них камня на камне?

– Нет, дел у нас гораздо больше. Мы – сторожа, смотрители, заботящиеся о целой планете. Ее хозяева на время ушли, и наш долг – содержать города в чистоте, предотвращать обветшание, присматривать, чтоб все было смазано и исправно. Сады, улицы, водопроводные магистрали – все должно оставаться таким же, как восемь лет назад, чтобы, вернувшись, хозяева не огорчились. Нам очень хочется, чтоб они остались нами довольны.

Франкс тронул Мосса за локоть.

– Идемте со мной, – вполголоса сказал он. – Есть разговор.

С этим он повел Мосса и Тейлора за порог, подальше от плюмбумов, на склон холма. Солдаты потянулись следом. Солнце взошло, небо сияло лазурью, ветер нес из долины приятные, нежные ароматы лесов.

Сняв шлем, Тейлор вздохнул полной грудью.

– Как же давно я не чувствовал этих запахов, – сказал он.

– Слушайте, – негромко, жестко заговорил Франкс. – Нам нужно немедленно вернуться вниз. Дел куча. Все это можно обратить к нашей выгоде.

– Каким образом? – спросил Мосс.

– Сомнений нет: Советы сейчас пребывают в том же заблуждении, что и мы. Но нам-то известна правда, а значит, у нас перед ними явное преимущество.

– Понимаю, – кивнул Мосс. – Нам все известно, а им – нет. Они обмануты, преданы своим Советом Поверхности таким же образом, как и мы. Их плюмбумы точно так же водят хозяев за нос, действуют против них. Но если нам удастся...

– С сотней высококлассных солдат мы сможем вернуть себе власть, восстановить прежний, надлежащий порядок! Причем легко и просто!

Мосс предостерегающе коснулся его плеча. Один из плюмбумов класса А, покинув здание, двинулся к ним.

– Мы видели достаточно, – заговорил Франкс, повысив голос. – Ситуация складывается очень серьезная. Обо всем этом нужно доложить вниз и поскорее определиться с новым политическим курсом.

Плюмбум не ответил ни слова.

Франкс махнул рукой солдатам.

– Идемте, – велел он, направившись в сторону склада.

К этому времени почти все солдаты сняли шлемы, а некоторые, избавившись от гермокостюмов, отдыхали на травке в легких хлопчатобумажных мундирах. Отдыхали и смотрели, смотрели вокруг – на кусты и деревья у подножия холма, на зеленый простор, на горы, на небо.

– Гляньте, солнце какое, – пробормотал один из них.

– Точно, дьявольски яркое, – согласился другой.

– Возвращаемся вниз, – скомандовал Франкс. – Колонной по два, за мной – марш!

Солдаты нехотя построились, и разведывательный отряд под безучастными взглядами плюмбумов медленным шагом двинулся к складу. На ходу Франкс, Мосс и Тейлор, возглавлявшие шествие, не сводили с роботов настроенных взглядов.

Вскоре они вошли в склад. Плюмбумы класса Д по-прежнему деловито перегружали оружие и материалы в складские вагонетки. Стрелы погрузочных кранов не останавливались ни на миг. Работа шла споро, однако без спешки и суеты.

Люди остановились, в удивлении глядя на все это. Мимо сновали, сигналив друг другу, плюмбумы с ручными тележками, магнитные краны, поднимая кверху орудия и запасные части, аккуратно опускали груз в поджидающие его вагонетки.

– Идемте, – поторопил их Франкс, сворачивая к краю Трубы.

Вход в Трубу заслоняла шеренга безмолвных, замерших без движения плюмбумов класса Д. Остановившись, Франкс отступил на пару шагов и огляделся вокруг. К нему поспешил один из плюмбумов класса А.

– Прикажи им убраться с дороги, – велел Франкс, коснувшись рукояти оружия. – И чем скорее, тем лучше.

Казалось, время ожидания будет тянуться до бесконечности, не кончится никогда. Взвинченные, насторожившиеся, люди замерли, не сводя глаз с шеренги плюмбумов, преградивших им путь.

– Как пожелаете, – ответил плюмбум класса А.

С этими словами он подал знак своим, и плюмбумы класса Д, встрепенувшись, неторопливо отодвинулись в стороны.

Мосс с облегчением перевел дух.

– Как я рад, что со всем этим кончено, – сказал он Франксу. – Вы только взгляните на них! Отчего они даже не пробуют нам помешать? Ведь наверняка понимают, что мы задумали.

Франкс от души рассмеялся.

– Помешать? Они уже пробовали нам помешать, и вы сами видели, что из этого вышло. Помешать нам они не могут: они – всего-навсего роботы. Машины, сконструированные людьми так, что даже пальцем нас тронуть не могут, и им об этом прекрасно известно...

Но тут он осекся, не завершив фразы.

Остальные уставились на вход в Трубу, не веря глазам. Окружившие людей плюмбумы молча, бесстрастно взирали на них. Металлические лица роботов не выражали никаких чувств.

Долгое время люди стояли, не двигаясь с места. Наконец Тейлор отвернулся от входа в Трубу.

– Господи милостивый, – пролепетал он. И тело его, и разум словно сковало льдом.

Трубы на прежнем месте не оказалось. Вход заперли, заварили наглухо. Вместо проема в полу взглядам людей открылась лишь тусклая гладь остывающего металла.

Путь назад, вниз, был закрыт.

Бледный как полотно, Франк обвел роботов бессмысленным взглядом.

Плюмбум класса А переступил с ноги на ногу.

– Как видите, Труба перекрыта. Мы к этому были готовы и отдали приказ закупорить ее, как только все вы поднялись на поверхность. Вернись вы назад, когда вас уговаривали вернуться, уже благополучно спустились бы вниз. Должен заметить, нам пришлось поспешить, поскольку операция слишком уж масштабна.

– Но чего ради?! – гневно воскликнул Мосс. – Зачем?!

– Затем, что возобновление войны недопустимо. Немыслимо. Теперь все Трубы на континенте закупорены, и чтобы выйти наружу, не говоря уж об организации военной программы, вооруженным силам внизу потребуются многие месяцы. За это время цикл войдет в последнюю стадию, и вы не будете так взволнованы, обнаружив планету целой и невредимой.

– Мы надеялись, что перекрытие Труб застанет вас под землей. Ваше присутствие здесь создает немалые неудобства. Когда наверх прорвались Советы, нам удалось изолировать их внизу без...

– Советы? Они прорвались наверх?

– Около полугода назад они неожиданно поднялись на поверхность, выяснить, отчего война до сих пор не выиграна, и нам поневоле пришлось поспешить. В данный момент они лихорадочно ведут к поверхности новые Трубы, дабы возобновить войну, однако мы успеваем закупоривать новые по мере их появления, – пояснил плюмбум, безмятежно оглядев всех троих.

– Значит, от своих мы отрезаны, – с дрожью в голосе подытожил Мосс. – Назад пути нет. Что будем делать?

– Но как вам удалось так быстро перекрыть Трубу? – спросил плюмбума Франкс. – Мы пробыли здесь всего два часа.

– На случай чрезвычайных обстоятельств подобного рода в каждой Трубе, немного выше первого горизонта, заложены мины. Зажигательные снаряды, плавящие и свинец, и камень.

Франкс, крепко стиснув в ладони рукоять пистолета, повернулся к Тейлору с Моссом.

– Что скажете? Вернуться назад мы не можем, зато можем натворить здесь множество бед. Нас полтора десятка. Каждый вооружен «бендером». Как вы на это смотрите? – спросил он, оглянувшись назад.

Однако солдаты вновь разбрелись кто куда, вернулись к выходу из бункера и встали снаружи, любуясь долиной и небом. Несколько человек осторожно карабкались вниз со склона.

– Будьте добры, сдайте оружие и гермокостюмы, – вежливо, мягко попросил плюмбум класса А. – Костюмы крайне неудобны, а оружие вам не понадобится. Русские, как видите, разоружились.

Пальцы на спусковых крючках напряглись, выбирая слабинку. От летательного аппарата, незаметно, бесшумно приземлившегося в некотором отдалении, к складу, в их сторону, шли четверо в русской военной форме.

– Так пусть свое и получают! – взревел Франкс.

– Они безоружны, – урезонил его плюмбум. – Мы доставили их сюда, чтоб вы смогли начать мирные переговоры.

– Мы не уполномочены вести переговоры от имени всей страны, – сухо возразил Мосс.

– Речь вовсе не о дипломатических ухищрениях, – уточнил плюмбум. – С таковыми покончено. Уживаться друг с другом в одном мире вас научит совместное решение повседневных насущных задач. Да, труд предстоит нелегкий, однако это будет достигнуто.

Русские остановились, и обе группы уставились одна на другую с неприкрытой враждебностью.

– Я – полковник Бородофф, и сейчас весьма сожалею о согласии сдать оружие, – сказал старший из русских. – Ведь вы могли стать первыми американцами, уничтоженными нами за без малого восемь лет.

– И еще можем стать первыми американцами, которые уничтожат кого-либо из русских за тот же срок, – напомнил ему Франкс.

– Однако никто, кроме вас, об этом никогда не узнает, – заметил плюмбум. – Таким образом, ваш героизм лишится всякого смысла. Главной вашей заботой сейчас должен стать вопрос выживания на поверхности. Учтите: пищи для вас у нас нет.

Тейлор вложил пистолет в кобуру.

– Да, нейтрализовали нас мастерски, будь они прокляты! Предлагаю взять в помощь нескольких плюмбумов, отправиться в город, начать возделывать землю и вообще устроиться поуютнее, – сказал он, оскалившись и полоснув испепеляющим взглядом плюмбума класса А. – Похоже, пока наши семьи не получают возможности тоже подняться сюда, здесь будет довольно-таки одиноко, но ничего. Придется перетерпеть.

– Если позволите кое-что посоветовать, – не без опаски заговорил один из русских, – в городе мы жить пробовали. Там чересчур пусто, да и содержать все в порядке такими малыми

силами затруднительно. В итоге мы предпочли городу самое современное небольшое селение, какое смогли отыскать.

– Да. Здесь, в этой стране, – выпалил третий русский. – Пожалуй, нам есть, чему у вас поучиться.

Американцы, сами того не ожидая, расхохотались.

– Возможно, вы тоже можете кое-чему поучить нас, – великодушно ответил Тейлор, – хотя чему, я еще даже не представляю.

Русский полковник широко улыбнулся.

– Не согласитесь ли вы отправиться с нами, в наше селение? Вместе и работать легче, и компания нам не помешает.

– В ваше селение? – прорычал Франкс. – Не в ваше – в американское! То есть наше!

Плюмбум, шагнув вперед, встал между ними.

– Когда наши замыслы претворятся в жизнь, эти понятия станут равнозначными. «Наше» в конце концов будет означать «принадлежащее человечеству», – сказал он, кивнув в сторону летательного аппарата, прогревающего двигателя. – Корабль ждет. Согласны ли вы объединиться ради строительства нового дома?

Русские замолчали, ожидая решения американцев.

– Теперь понятно, отчего плюмбумы считают, что дипломатия отжила свое, – наконец сказал Франкс. – Кто трудится заодно, тем дипломаты не требуются. Они решают проблемы на оперативном уровне, а не за столами переговоров.

Плюмбум повел всех за собой, к кораблю.

– Цель всей истории – объединение мира. От рода к племени, от племен к полисам, от полисов к государствам, от государств к полушариям – все это путь к единству. Теперь полушария объединятся тоже, и...

Но Тейлор, не слушая робота, оглянулся назад, в сторону закупоренной Трубы. Там, под землей, оставалась Мэри... Как же ему не хотелось уходить от нее, пусть даже им не увидятся, пока Трубу не раскупорят! Однако, секунду помешкав, он пожал плечами и двинулся следом за остальными.

Если их крохотное сообщество, союз бывших врагов, окажется хорошим примером, в скором времени и они с Мэри, и все прочее человечество заживут на поверхности как разумные человеческие существа, а не ослепленные ненавистью кроты.

– Люди шли к этому тысячи поколений, – закончил плюмбум класса А. – Сквозь сотни столетий кровопролития и разрушений. Однако каждая война еще на шаг приближала человечество к единству, и вот конец пути – мир без войн – близок. И все-таки даже это – только начало новой фазы истории.

– Покорение космоса, – выдохнул полковник Бородофф.

– Постигание смысла жизни, – добавил Мосс.

– Окончательная победа над голодом и нищетой, – проговорил Тейлор.

Плюмбум распахнул перед ними люк корабля.

– Да, все это, и много большее. Насколько большее? Трудно судить: ведь и основатель первого племени тоже никак не мог предвидеть этого дня. Одно скажу: человечество ждет невообразимо великое будущее.

Люк затворился, и корабль, взвившись в воздух, понес людей к новому дому.

Мистер звездолет¹⁴

Крамер утомленно откинулся на спинку кресла.

– Ну что ж, ситуация вам ясна. Как справиться с подобным фактором? С абсолютно непредсказуемой величиной?

– Абсолютно? Нет, это вряд ли. Кое-что предсказать вполне возможно. Поведение живого существа подчинено тем же законам, что и поведение неживых материалов, просто причинно-следственная связь тоньше, и в прогнозировании следует учитывать больше факторов. По-моему, разница чисто количественная. В случае живого организма причинно-следственные связи аналогичны естественным, только намного сложнее.

Гросс с Крамером подняли взгляды к свежим, еще влажным фотопластинам, развешанным на стене. Изображения постепенно становились четче. Крамер провел вдоль одной из линий кончиком карандаша.

– Видите? Псевдоподия. Они живые и представляют собой оружие, с которым нам пока что не справиться. Ни одной механической системе, простой или сложной, такое не превзойти. Следовательно, Систему Джонсона придется отправить в утиль и подыскать нечто новое.

– А война тем временем будет идти по-прежнему, вернее, застрянет в мертвой точке. Пат! Им не добраться до нас, а нам не пробиться сквозь их живое минное поле.

– Да, – кивнул Крамер, – оборона у них превосходна. И все же одно решение на этот случай может найтись.

– Какое?

– Минутку терпения, – сказал Крамер и повернулся к специалисту-ракетчику, сидевшему неподалеку, обложившись картами и грудями папок. – Тяжелый крейсер, вернувшийся на этой неделе, не вошел в соприкосновение, так? Приблизился, однако контакта не последовало?

– Именно так, – подтвердил ракетчик, кивнув. – До мины оставалось двадцать миль. Крейсер шел на межзвездных двигателях, прямым курсом к Проксиме, – разумеется, под управлением Системы Джонсона. Четвертью часа ранее он по невыясненным причинам отклонился от траектории, но после вернулся на прежний курс. Вот тут-то все и произошло.

– Отклонился, – повторил Крамер. – Отклонился, но недостаточно. Мина потянулась за ним, потащилась следом. Все та же старая песня... вот только насчет контакта мне непонятно.

– Наша гипотеза такова, – сказал ракетчик, – мы безуспешно ищем этот пресловутый контакт, некие триггеры в их псевдоподиях. Однако, скорее всего, здесь налицо феномен чисто психологический, решение, принимаемое вне зависимости от каких-либо физических коррелятов. Попросту говоря, мы ищем то, чего нет. Мина просто принимает решение взорваться. Засекает наш корабль, приближается и принимает решение.

– Благодарю вас, – ответил Крамер и повернулся к Гроссу. – Что ж, вот вам подтверждение моей правоты. Как кораблю, управляемому автоматическими реле, уклониться от мины, решившей взорваться? Вся теория противоминной защиты зиждется на простом постулате: не трогай триггер! А здесь триггера как такового нет. Триггером, приводящим мину в действие, является определенное умонастроение, мысль, порожденная разумом сложной, развитой формы жизни.

– Глубина обороны – пятьдесят тысяч миль, – добавил Гросс. – Причем проблема ремонта и техобслуживания у них решается сама собой. Эти треклятые твари размножаются, а размножаясь, заселяют бреши в защитном поясе. Чем только питаются, интересно знать...

– Вероятно, обломками нашего первого эшелона. Крупнотоннажные крейсера для них, должно быть, сущий деликатес. Все это – состязание умов, интеллекта живого существа с

¹⁴ [Mr Spaceship]. «Imagination», январь 1953 г.

интеллектом космического корабля, пилотируемого релейной автоматикой. Неудивительно, что корабли постоянно в проигрыше, – сказал Крамер, развернув перед собой папку. – И вот теперь я изложу свое предложение.

– Валяйте, – устало вздохнул Гросс. – Десять предложений я за сегодня уже выслушал. В чем заключается ваше?

– Суть моего предельно проста. Эти создания превосходят любую автоматическую систему, но только потому, что они живые. Соперничать с ними по силам практически любой другой форме жизни, любой из высших ее форм. Если юки додумались организовать оборону своих планет, окружая их живыми минами, то и мы наверняка сможем таким же образом запрячь в воз какие-либо из наших форм жизни. Ударить по противнику его же оружием.

– И какой же формой жизни вы предлагаете воспользоваться?

– На мой взгляд, самая гибкая, сообразительная из известных форм жизни – человеческий мозг. Быть может, вам известно нечто лучшее?

– Но человеческому существу не выдержать дальнего космического перелета. Пилот-человек погибнет от разрыва сердца задолго до того, как достигнет окрестностей Проксимы.

– Так ведь все тело нам ни к чему, – пояснил Крамер. – Нам необходим только мозг.

– Что?

– Проблема лишь в том, чтоб отыскать человека развитого ума, который согласится пожертвовать на военные нужды мозг, как некоторые жертвуют глаз или руку.

– Однако мозг...

– Технически это вполне возможно. Пересадку мозга выполняли уже с полудюжины раз, когда спасти тела не удавалось. Разумеется, замена искусственного тела космическим кораблем, тяжелым межзвездным крейсером – дело новое, но...

В кабинете воцарилось молчание.

– Да, идея, бесспорно, оригинальна, – неторопливо, будто перемалывая слова тяжелой квадратной челюстью, проговорил Гросс. – Но пусть даже из этого выйдет толк, самый главный вопрос остается прежним... чей мозг?

Неизвестного в сложившейся ситуации хватало с избытком. Ни причину войны, ни природу противника отчетливо не представлял себе никто. Первая встреча с юкконианами произошла на одной из периферийных планет Проксимы Центавра. При приближении звездолета терран с места сорвался, понесся вдаль целый рой тонких темных карандашей. Таким образом, участниками первой стычки стали три «карандаша» юков и одинокий исследовательский корабль с Терры. Из терран не уцелел ни один. После этого война развернулась всерьез, без экивоков и околичностей.

Первым делом обе стороны принялись лихорадочно строить вокруг своих звездных систем пояса обороны. В этом юккониане терран превзошли: их пояс оказался лучше. Проксиму окружило живое минное поле, непроницаемое для кораблей Терры. Обычная автоматика, управлявшая терранскими звездолетами в дальнем космосе, Система Джонсона, здесь не годилась. Здесь требовалось нечто лучше, надежнее релейной автоматики.

«Намного, намного лучше и надежнее», – думал Крамер, наблюдая со склона холма за кипящей внизу работой. Овевавший холм теплый ветер шелестел в густой высокой траве. Механики у подножия холма, в долине, почти закончили труд и раскладывали по ящикам последние части системы ответной реакции, снятой с космического корабля.

Теперь требовалось лишь подыскать кораблю новое сердце, новый ключевой элемент взамен автоматики. Им должен был стать человеческий мозг, мозг умственно развитого, осторожного человеческого существа. Но согласится ли человеческое существо расстаться с ним? В этом и заключалась проблема.

Повернув голову, Крамер увидел двоих, мужчину с женщиной, идущих к нему вдоль дороги. Мужчина – Гросс, крепко сложенный, каменнолицый – держался с неизменным достоинством, а вот женщиной оказалась... Охваченный нарастающим раздражением, Крамер удивленно приподнял брови. Женщиной оказалась Долорес, его жена. С тех пор как они развелись, он с ней почти не виделся.

– Крамер! – заговорил Гросс. – Смотрите, кого я случайно встретил. Едем с нами: мы возвращаемся в город.

– Хелло, Фил, – сказала Долорес. – Ну? Разве ты не рад меня видеть?

Крамер неопределенно кивнул.

– Как поживаешь? Выглядишь превосходно.

Действительно, миловидности и стройности тела Долорес отнюдь не утратила, и униформа, иссиня-серый мундир Службы Внутренней Безопасности, епархии Гросса, была ей очень к лицу.

– Благодарю, – с улыбкой ответила она. – У тебя, судя по всему, дела тоже неплохи. Коммандер Гросс говорит, что ты возглавляешь этот проект, как его называют... операцию «Голова». На чьей же голове ты остановил выбор?

– Вот тут у нас проблема, – признался Крамер, закуривая сигарету. – Этот корабль должен быть оборудован человеческим мозгом взамен Системы Джонсона. Мы сконструировали для мозга специальные проточные резервуары, и электронные реле, улавливающие и усиливающие его импульсы, и трубчатые пищеводы, снабжающие живые клетки всем необходимым, но...

– Но самого мозга у нас до сих пор нет, – закончил за него Гросс, и все трое двинулись назад, к машине. – Суметь бы его раздобыть, и к испытаниям все будет готово.

– А мозг останется живым? – спросила Долорес. – Действительно будет жить в корабле, словно в теле?

– Да, жить-то он будет, но самосознания не сохранит. Самосознание у живых существ вообще встречается крайне редко. Животные, деревья, насекомые обладают исключительно быстрой реакцией, однако они неразумны. Вот и в нашем процессе нет места личности, самосознанию, эго. Нам нужна только способность реагировать, а все остальное излишне.

Долорес вздрогнула.

– Какой ужас!

– Во время войны любые методы хороши, – рассеянно откликнулся Крамер. – Если одна принесенная в жертву личность положит войне конец. Дело того стоит. Этот корабль вполне сможет пробиться сквозь оборону противника. Еще пара таких же, и война будет завершена.

Все трое уселись в кабину, и машина тронулась с места.

– У вас уже есть кто-нибудь на примете? – спросил Гросс.

Крамер отрицательно покачал головой.

– Нет. Это не по моей части.

– В каком смысле?

– Я – инженер. Остальное меня не касается.

– Но ведь идею подали вы.

– И на этом моя работа закончена.

Гросс смерил его таким взглядом, что Крамер невольно поежился.

– А кто же, по-вашему, этим займется? – спросил Гросс. – Я могу поручить своей службе разработку всевозможных освидетельствований, испытаний на пригодность и тому подобное, но...

– Послушай-ка, Фил, – внезапно перебила его Долорес.

– Что?

Долорес повернулась к нему.

– Мне пришла в голову мысль. Помнишь профессора из нашего колледжа, Майкла Томаса?

Крамер кивнул.

– Вот интересно, жив он еще? – сдвинув брови, пробормотала Долорес. – Если да, должно быть, он жутко стар.

– Долорес, к чему это ты? – спросил Гросс.

– Возможно, старик на пороге смерти, но не утратил ясность и остроту ума...

– Профессор Томас, – протянул Крамер, потерев подбородок. – Да, умен был старик на редкость, но жив ли он? Если да, ему, должно быть, лет семьдесят, а то и больше.

– Это нетрудно выяснить, – сказал Гросс. – Я наведу справки по своим каналам, в рамках рутинной проверки.

– Что скажешь? – спросила Долорес. – Если уж кому из людей и по силам перехитрить этих тварей...

– Не нравится мне эта идея, – ответил Крамер.

Из глубин его памяти всплыл образ старика, сидящего за столом, обводя ясным, добродушным взглядом аудиторию. Подняв кверху тонкие, хрупкие пальцы, старик подался вперед...

– Словом, его сюда не приплетайте, – сказал Крамер.

Гросс с любопытством взглянул на него.

– А в чем дело?

– В том, что предложение мое, – хмыкнула Долорес.

Но Крамер отрицательно покачал головой.

– Нет, дело тут не в тебе. Просто я никак не ожидал чего-либо подобного. Не думал, что это окажется кто-то знакомый, человек, у которого я учился... Я ведь прекрасно помню его. Он был неповторимой, выдающейся личностью.

– Вот и прекрасно, – оживился Гросс. – По-моему, лучше и не придумаешь.

– Не вправе мы так поступать. Не вправе требовать его смерти!

– Идет война, – заметил Гросс, – а во время войны, как вы сами сказали, любые методы хороши. Тут уж не до отдельных личностей. Разумеется, исключительно с его согласия... Но думаю, он согласится. Наверняка согласится.

– Если до сих пор жив, – пробормотала Долорес.

– Выясним, – пообещал Гросс, прибавив скорости.

Остаток пути они проделали молча.

Долгое время оба стояли поодаль, внимательно изучая небольшой, увитый плющом деревянный дом, укрытый позади исполинского дуба. Казалось, крохотный городок погружен в дрему: мертвую тишину нарушал только шум автомобилей, время от времени неспешно проезжавших в отдалении, по шоссе.

– Вот сюда нам и нужно, – скрестив руки на груди, сказал Гросс Крамеру. – Какой живописный домик!

Крамер не ответил ни слова. Два агента Службы Безопасности за их спинами тоже невозмутимо молчали.

Гросс сделал шаг к калитке.

– Идемте. Согласно наведенным справкам, он жив, хотя и серьезно болен. Однако остроты ума не утратил, это представляется несомненным. Говорят, из дому он не выходит. Обо всех его нуждах заботится некая женщина: сам профессор для этого слишком слаб.

Пройдя по мощенной камнем дорожке, все четверо поднялись на крыльцо, и Гросс позвонил в дверь. После довольно долгого ожидания изнутри донеслось неторопливое шарканье ног.

Наконец дверь отворилась. Вышедшая из дому пожилая женщина в бесформенном халате бесстрастно обвела взглядом гостей.

– Госбезопасность, – сказал Гросс, предъявив ей удостоверение. – Нам хотелось бы увидеться с профессором Томасом.

– Зачем?

– Дело государственного значения, – ответил Гросс, покосившись на Крамера.

Крамер шагнул вперед.

– Я – бывший ученик профессора, – сказал он. – Уверен, против встречи со мной он возражать не станет.

Во взгляде женщины отразилось сомнение. Заметив ее колебания, Гросс шагнул внутрь.

– Прошу прощения, матушка. Время сейчас военное, и торчать на крыльце целый день нам некогда.

Агенты Службы Безопасности последовали за ним, и Крамер, нехотя переступив порог, закрыл за собой двери. Пройдя коридором, Гросс подошел к открытой двери, остановился и заглянул в комнату. В дверном проеме виднелся белый угол кровати со столбиком полога и край комода.

Поравнявшись с Гроссом, Крамер тоже остановился.

В темной комнате, на кровати, обложенный бесчисленными подушками, лежал дряхлый старик. Вначале Крамеру показалось, будто он спит: ни движения, ни единого признака жизни... Однако спустя какое-то время Крамер с легким удивлением заметил, что старик пристально наблюдает за ними, не сводя с гостей немигающего, неподвижного взгляда.

– Профессор Томас? – заговорил Гросс. – Я – командер Гросс из госбезопасности. А мой спутник вам, возможно, знаком...

Затуманенный взгляд старика остановился на Крамере.

– Да, я его знаю. Филипп Крамер... Ты изрядно поправился, мальчик мой.

Голос старика звучал еле слышно, словно шорох сухой золы.

– А правда ли, что ты уже женат?

– Да, – подтвердил Крамер, подойдя ближе к кровати. – Женился на Долорес Френч. Думаю, ее вы тоже помните. Однако мы развелись. Брак оказался не слишком удачным. Наши карьеры...

– Мы к вам, профессор, вот по какому делу, – начал было Гросс, но Крамер, раздраженно отмахнувшись, оборвал его.

– Предоставьте разговор мне. И вообще, не могли бы вы вместе с подчиненными выйти отсюда на время и не мешать?

Гросс шевельнул кадыком.

– Ладно, Крамер. Как пожелаете.

С этими словами он кивнул агентам, и все трое, выйдя из комнаты, удалились в коридор и затворили за собой дверь.

Какое-то время старик на кровати разглядывал Крамера молча.

– По-моему, умом этот человек не блещет, – наконец сказал он. – Подобных ему я навиделся в избытке. Что ему нужно?

– Ничего. Он просто со мной. Вы позволите сесть? – спросил Крамер, взглянув на жесткое кресло с прямой спинкой возле кровати. – Но если я не ко времени...

– Нет-нет, я рад снова видеть тебя, Филипп. Сколько ж с тех пор воды утекло... Жаль, что ваш брак с Долорес не удался.

– А вы как поживаете?

– Я... я крайне нездоров. Боюсь, мой выход на подмостки жизни близок к финалу, – ответил старик, не сводя задумчивого взгляда с бывшего ученика. Казалось, его глазами на

Крамера взирает сама вечность. – С виду дела у тебя неплохи. Как и у всех прочих, о ком у меня сложилось высокое мнение. Ты поднялся к вершинам нашего общества.

Крамер заулыбался, но сразу же посерьезнел.

– Профессор, сейчас мы работаем над одним проектом. О нем я и хотел с вами поговорить. Этот проект для нас – первый проблеск надежды на победу в затянувшейся войне. Если все получится, как задумано, мы сможем пробиться сквозь оборону юков, провести в их звездную систему несколько кораблей. Если сможем, вероятно, война на том кончится.

– Продолжай, если хочешь. Расскажи о проекте подробнее.

– Проект – дело крайне рискованное. Возможно, из этого вообще ничего не получится, однако попробовать мы обязаны.

– Очевидно, из-за него ты и здесь, – пробормотал профессор Томас. – Любопытно, любопытно. Продолжай.

Выслушав рассказ Крамера до конца, старик долгое время лежал молча. Наконец он слегка приподнял голову над подушками, повернулся к Крамеру и со вздохом сказал:

– Понимаю. Человеческий разум, отделенный от человеческого тела. И полагаю, думаешь ты обо мне.

Крамер не ответил ни слова.

– Прежде чем принять решение, я хочу взглянуть на проектную документацию. На теоретические выкладки и чертежи. Даже не знаю, нравится ли мне эта мысль... не как ученому – как человеку, однако на материалы взгляну. Если ты, конечно, не возражаешь...

– Ни в коей мере.

Поднявшись, Крамер подошел к двери. Гросс и двое агентов Службы Госбезопасности в нетерпении ждали снаружи.

– Гросс, войдите к нам.

Все трое ринулись в комнату.

– Дайте профессору всю документацию, – велел Крамер. – Он хочет ознакомиться с проектом, прежде чем примет решение.

Гросс вынул из кармана пиджака плотный бурый конверт и подал его старику, лежащему на кровати.

– Вот, профессор. Изучайте сколько угодно. Только прошу вас, дайте ответ как можно скорее. Сами понимаете, время не терпит. Чем раньше начнем...

– Ответ я дам, когда приму решение, – оборвал его профессор Томас, принимая конверт трясущейся костлявой рукой. – А решение зависит от того, что обнаружится в этих бумагах. Если их содержание мне не понравится, на мое участие в этом проекте можете не рассчитывать ни под каким видом. А выяснить мне нужно только одно...

Преодолев дрожь в пальцах, старик вскрыл конверт.

– Что именно? – выдохнул Гросс.

– А это вас не касается. Оставьте номер, по которому я, приняв решение, смогу с вами связаться.

Гросс молча положил на комод визитную карточку. Едва все четверо двинулись к выходу, профессор Томас зашуршал первыми страницами, изучая теоретические выкладки.

– И что же дальше? – спросил Дейл Уинтер, заместитель Крамера, сидящий напротив.

– Он с нами свяжется, – ответил Крамер, рассеянно водя рейсфедером по бумаге. – А в остальном... не знаю, что и думать.

На добродушном лице Уинтера отразилось недоумение.

– В каком смысле?

Поднявшись, Крамер сунул руки в карманы мундира и зашагал вдоль стены из стороны в сторону.

– Смотри, в колледже он был моим преподавателем. Я глубоко уважал его и как преподавателя, и как человека. Он был не просто... голосом, вроде говорящего учебника. Он был личностью – личностью неизменно спокойной, доброжелательной, из тех, на кого не грех равняться. Мне всегда хотелось когда-нибудь стать таким же, как он... И вот, посмотри на меня.

– То есть?

– Посмотри, с чем я пришел к нему. С просьбой пожертвовать жизнью, будто он – не человек, не мой наставник, а какая-то лабораторная крыса в клетке!

– Думаешь, он согласится?

Подойдя к окну, Крамер остановился и устремил взгляд за стекло.

– Не знаю. В определенном смысле, надеюсь, что нет.

– Но если он откажется...

– Знаю, знаю, тогда нам придется искать кого-то другого. И этот другой непременно отыщется. Зачем только Долорес понадобилось...

Видеотелефон на столе зазвонил, и Крамер, осекшись, щелкнул кнопкой.

На экране возникло знакомое лицо с тяжелой квадратной челюстью.

– Крамер? Гросс говорит. Мне только что звонил наш старик... профессор Томас.

– И что он сказал?

Впрочем, ответ Крамер знал заранее: тон Гросса говорил сам за себя.

– Сказал, что согласен. Я сам был слегка удивлен, но он явно настроен серьезно. Мы уже договорились о его госпитализации, а его адвокат составляет все необходимые бумаги.

Крамер, почти не слыша его, устало кивнул.

– Ладно. Рад слышать. Полагаю, мы можем продолжать.

– Судя по голосу, новостям вы не очень-то рады.

– Понять не могу, зачем он согласился на все это...

– Как видите, согласился, и без колебаний, – с явным удовольствием заверил Крамера Гросс. – Позвонил ранним утром, я даже встать еще не успел. Такое, знаете ли, грех не отпраздновать.

– Да, разумеется. Разумеется, – согласился Крамер.

Около середины августа проект вплотную приблизился к завершению. Выйдя наружу, под жаркое осеннее солнце, почетные гости остановились, подняли взгляды, любясь обтекаемой, глянцево блестящей громадой космического корабля.

Гросс хлопнул ладонью о металлический борт.

– Ну что ж, ждать осталось недолго. Мы можем приступить к испытаниям в любое время.

– Расскажите о нем подробнее, – сказал офицер в мундире с золотым галуном. – Концепция уж очень необычна.

– Там, внутри корабля, действительно человеческий мозг? – спросил один из почетных гостей, коротышка в мятом костюме. – И этот мозг вправду... жив?

– Да, джентльмены, этим кораблем управляет живой человеческий мозг, заменивший собою обычное релейное управление конструкции Джонсона. Однако мозг этот неразумен. Функционирует он только на рефлексах. Практически разница между ним и Системой Джонсона заключается вот в чем: человеческий мозг намного сложнее любой системы, созданной человеком, а его способность адаптироваться к сложившейся ситуации, реагировать на угрозу оставляет далеко позади все, что только может быть сконструировано нашими инженерами.

Сделав паузу, Гросс склонил голову набок. Турбины корабля басовито загрохотали, земля задрожала, завибрировала под ногами. Крамер, стоявший поодаль от остальных, скрестив на груди руки, молча взирал на корабль. Услышав гул турбин, он быстро обошел звездолет кругом. Позади корабля несколько разнорабочих заканчивали уборку мусора, сметая в кучу обрывки кабелей и складывая штабелем остатки лесов. Окинув взглядами Крамера, они

поспешили вернуться к работе, а Крамер, поднявшись по трапу на борт, прошел в рубку управления. За пультом сидели Уинтер с Пилотом из Департамента Космических Перевозок.

– Как впечатления? – спросил Крамер.

– Порядок, – ответил Уинтер, поднявшись на ноги. – Он говорит, что управлять взлетом лучше вручную, а роботизированное... – Тут заместитель Крамера слегка запнулся, но тут же поправился: – То есть встроенное управление задействовать позже, в космосе.

– Да, так и есть, – подтвердил Пилот. – Для Системы Джонсона процедура обычная, а значит, и в данном случае...

– А сейчас вы что-либо сказать можете? – спросил Крамер. – Замечаний нет?

– Нет, – неторопливо ответил Пилот. – Пожалуй, нет. Я все проверил. Похоже, корабль в полном порядке. Вот только об одном хотел бы спросить, – добавил он, коснувшись пульта ладонью. – Тут налицо изменения, и мне они непонятны.

– Изменения?

– Да, изменения в изначальной конструкции. С какой целью внесены, остается только гадать.

Крамер извлек из кармана пиджака комплект чертежей.

– Позвольте взглянуть, – сказал он, шурша страницами.

Пилот, встав рядом, тоже принялся внимательно изучать чертежи.

– На вашей копии эти изменения не указаны, – заметил он. – Странное дело...

Но тут он осекся: в рубку управления ворвался командер Гросс.

– Гросс, кто санкционировал изменения в конструкции? – спросил Крамер. – Вот эти, в схеме разводки кабелей?

– Как кто? Ваш старый друг, – ответил Гросс, подойдя к иллюминатору и махнув рукой диспетчеру на вышке.

– Мой старый друг?

– Профессор. Он принял во всем этом самое активное участие, – пояснил Гросс и повернулся к Пилоту. – Стартуем. Как мне было сказано, в целях испытаний корабль нужно вывести из гравитационного поля планеты. Ну что ж, возможно, так оно даже к лучшему. Вы готовы?

– Конечно. В любой момент.

Усевшись за пульт, Пилот щелкнул несколькими тумблерами.

– Тогда вперед, – велел Гросс.

– Профессор, – начал было Крамер.

Но тут его слова заглушил умопомрачительный рев, а палуба под ногами вздрогнула. Ухватившись за поручень на переборке, Крамер вцепился в него что было сил. Рубка задрожала, затряслась снизу доверху в такт буйству турбин далеко внизу.

Еще секунда, и звездолет взвился ввысь. Крамер, зажмурившись, затаил дух. Корабль, набирая скорость, мчал их в космическое пространство.

– Ну, как по-вашему? – с нервной дрожью в голосе спросил Уинтер. – Может, уже пора?

– Еще немного, – ответил Крамер.

Присев на палубу, он снял со стойки пульта управления металлическую панель, окинул пристальным взглядом хитросплетение реле и проводки, сравнивая его с монтажной электро-схемой.

– В чем дело? – окликнул его Гросс.

– Эти изменения... никак не пойму, для чего они. Могу только, судя по их характеру, предположить, что в силу каких-то соображений...

– Дайте-ка мне взглянуть, – сказал Пилот, опустившись на корточки рядом с Крамером. – Так что вы говорили?

– Вот этот контакт, видите? Изначально он управлялся термодатчиком, замыкался и размыкался автоматически, в соответствии с изменениями температуры. Теперь он подключен

напрямую к центральной системе управления, и то же самое со всеми остальными. Раньше здесь была уйма механики, которая срабатывала под воздействием скачков давления или температуры. Теперь все это управляется централизованно. Одним, так сказать, хозяином.

– То есть мозгом? – встревожился Гросс. – То есть схема изменена так, чтоб мозг управлял каждой мелочью?

Крамер кивнул.

– Возможно, механические реле показались профессору Томасу ненадежными. Возможно, он ожидал слишком быстрого хода событий. Но ряд этих реле могут срабатывать в долю секунды. К примеру, тормозные ракеты отстреливаются со скоростью...

– Эй, – окликнул их сидевший за пультом Уинтер. – Приближаемся к лунным станциям. Что мне делать дальше?

Все выглянули в иллюминатор. За стеклом мерцала бледная, тошнотворно рябая, точно лицо, изъязвленное оспой, поверхность Луны. Корабль с головокружительной скоростью нес людей прямо к ней.

– Позвольте-ка, – сказал Пилот.

Отстранив с пути Уинтера и пристегнувшись к креслу, он защелкал тумблерами, и корабль начал сворачивать в сторону. Далеко внизу, на лунной поверхности, виднелись россыпи пятнышек, куполов станций слежения и крохотных квадратиков – ворот, ведущих в подземные фабрики и ангары. Внизу замигал огонек маяка, и пальцы Пилота, откликнувшись, вновь заплясали по пульту.

– Луну прошли, – спустя некоторое время сказал Пилот.

Луна, оставшаяся позади, скрылась за кормой. Корабль мчался дальше, в космос.

– Ну что ж, теперь можно и приступать?

Но Крамер не отвечал.

– Мистер Крамер, теперь мы можем начать в любой момент.

Крамер вздрогнул.

– Прошу прощения. Задумался. Хорошо, благодарю вас, – сказал он и снова в раздумьях наморщил лоб.

– В чем дело? – спросил Гросс.

– Изменения в схеме. Вы понимали цель этих изменений, давая добро монтажникам?

Гросс покраснел.

– Вам же известно: в технической стороне дела я ничего не смыслю. Мое дело – обеспечение безопасности.

– Тогда вам следовало проконсультироваться со мной.

– Да какая разница? – с кривой улыбкой возразил Гросс. – Рано ли, поздно, а довериться старику пришлось бы.

Пилот отступил от пульта. Лицо его побледнело, застыло, точно гипсовая маска.

– Вот и все, – сказал он. – Дело сделано.

– Что сделано? – не понял его Крамер.

– Нас ведет автоматика. Мозг. Я перевел управление на... на него. То есть на Старика, – пояснил Пилот, закурился и нервно затягиваясь сигаретой. – Ну, теперь скрестим пальцы...

В руках невидимого пилота корабль шел ровно, плавно. Далеко внизу, в глубине трюма, заботливо укрытый толстым слоем брони, в резервуаре с жидкостью покоился нежный человеческий мозг. На поверхности мозга плясали, искрились тысячи крохотных электрических разрядов. Возникая, разряды улавливались, усиливались, передавались релейным системам, разбегались по всему кораблю...

Гросс нервно утер лоб ладонью.

– Итак, теперь кораблем правит он. Надеюсь, он знает, что делает.

– Думаю, знает, – неопределенно кивнув, подтвердил Крамер.

– Что вы имеете в виду?

– Нет, ничего особенного. Вижу, мы все еще движемся по прямой...

Подойдя к иллюминатору, Крамер взял в руки микрофон и дунул в него для пробы.

– Отдавать указания мозгу можно устно, посредством вот этого.

– Давай, – согласился Уинтер.

– Разверни корабль на пол-оборота вправо, – сказал Крамер в микрофон. – Снизь скорость.

Все замерли в ожидании. Прошла минута...

Гросс оглянулся на Крамера.

– Никаких изменений. Ни малейших.

– Подождите.

Корабль плавно лег в разворот, сменил курс, выровнялся. Турбины на миг заглохли, сбились с мерного ритма. Пронесшийся мимо космический мусор вспыхнул и тут же сгорел за кормой, в пламени реактивного выхлопа.

– Что ж, пока все в порядке, – резюмировал Гросс.

Люди вздохнули с облегчением. Незримый пилот вел корабль ровно, спокойно. Корабль явно оказался в хороших руках. Крамер сказал в микрофон еще несколько слов, и звездолет, вновь развернувшись, взял курс обратно, к Луне.

– Посмотрим, как он поведет себя в зоне лунного притяжения, – сказал Крамер. – Математиком старик был превосходным. С любой задачей справиться мог.

Корабль заложил вираж, поворачивая от Луны. Вскоре огромный дырчатый шар снова остался позади.

Гросс с облегчением перевел дух.

– Вот и все. Пожалуй, для первого раза довольно.

– Еще одно, – возразил Крамер, поднося к губам микрофон. – Возвращайся к Луне и посади корабль на первое летное поле, – скомандовал он.

– Господи милосердный, – пробормотал Уинтер. – Зачем тебе...

– Тихо!

Крамер поднялся на ноги, вслушиваясь в рокот двигателей. Турбины на миг захлебнулись, взревели, и корабль, круто развернувшись кругом, снова набрал скорость. Они возвращались – опять возвращались к Луне. Нырнув вниз, корабль помчался к поверхности огромного шара.

– Скорость высоковата, – заметил Пилот. – Не понимаю, как он погасит ее перед посадкой.

Стремительно растущий шар Луны заполнил проем иллюминатора от края до края. Пилот, бросившись к пульту управления, протянул руку к тумблеру. В тот же миг корабль дернулся, задрал нос и, резко сменив курс, устремился в пространство, прочь от Луны. Люди, не устояв на ногах, покатались по полу, но вскоре, поднявшись, молча уставились друг на друга.

Только Пилот словно замороженный не сводил немигающего взгляда с пульта.

– Это не я! Я ничего не трогал. Даже не прикасался.

Корабль с каждой секундой набирал ход. Крамер задумался.

– Пожалуй, переключитесь-ка лучше в ручной режим.

Пилот щелкнул тумблером, взялся за штурвал, для пробы качнул его из стороны в сторону.

– Не откликается, – сообщил он, отвернувшись от пульта. – Не откликается, и все тут.

В рубке воцарилось молчание.

– Ну вот, пожалуйста, – спокойно сказал Крамер. – Заполучив власть, старик не желает с ней расставаться. Этого я и опасался с тех пор, как обнаружил изменения в схеме разводки

кабелей. Теперь все на борту управляется централизованно, даже система охлаждения, люки и выброс мусора. А мы бессильны на что-либо повлиять.

– Вздор!

Шагнув к пульту, Гросс вцепился в штурвал и повернул его. Корабль как ни в чем не бывало продолжал идти прежним курсом, удаляясь от Луны, оставляя ее далеко за кормой.

– Верни! – сказал Крамер в микрофон. – Верни управление! Это приказ! Верни управление нам!

– Без толку. Не слушается, – сказал Пилот, вхолостую крутя штурвал. – Видите? Хоть бы что.

– А мы тем временем летим в открытый космос, – с идиотской улыбкой заметил Уинтер. – Еще пара минут, и пройдем сквозь первый эшелон обороны. Если, конечно, нас не сожгут...

– Надо бы радио дать, предупредить, – спохватился Пилот и переключил радиостанцию на передачу. – Свяжусь с главными базами, с одной из станций слежения.

– Свяжитесь лучше сразу с поясом обороны. На такой скорости мы будем там уже через минуту.

– А после этого, – добавил Крамер, – окажемся в открытом космосе, за пределами системы. Видите, он наращивает скорость до межзвездной. Ваннами корабль оборудован?

– Ваннами? – недоуменно переспросил Гросс.

– Резервуарами для сна во время межзвездных перелетов. Если скорость будет расти и дальше, они придутся очень кстати.

– Но боже правый, куда мы летим? – забормотал Гросс. – Куда... куда он нас тащит?

Тем временем Пилот нащупал нужную волну.

– Говорит Дуайт, с экспериментального борта, – сообщил он. – На высокой скорости вхожу в зону пояса обороны. Не стреляйте по нам.

– Поверните назад, – отозвался ровный, безликий голос из динамика. – Находиться в зоне пояса обороны вам запрещено.

– Не могу. Потерял управление.

– Потеряли управление?

– Борт экспериментальный.

К радиостанции шагнул Гросс.

– Коммандер Гросс, Служба Госбезопасности. Нас несет за пределы системы, и с этим ничего не поделать. Нет ли способа эвакуировать нас с корабля?

Пауза.

– В нашем распоряжении есть несколько быстроходных перехватчиков, способных подобрать вас, если хотите спрыгнуть. Шансы найти вас у них неплохи. Есть ли у вас космические сигнальные факелы?

– Есть, – подтвердил Пилот. – Давайте попробуем.

– Бросить корабль? – усомнился Крамер. – В таком случае с ним придется проститься навсегда.

– А что нам еще остается? Скорость-то все растет и растет. Вы предлагаете остаться здесь?

– Нет, – покачав головой, сказал Крамер. – Проклятье, должен же найтись другой, лучший выход...

– А ты не мог бы связаться с ним? – спросил Уинтер. – Со Стариком? Урезонить его как-нибудь?

– Попробовать стоит, – согласился Гросс. – Действуйте.

– Хорошо.

Взявшись за микрофон, Крамер ненадолго задумался.

– Послушайте! Вы меня слышите? Это Фил Крамер. Профессор, вы меня слышите? Слышите? Прошу вас, верните нам управление.

Ответом ему было молчание.

– Это Крамер, профессор. Вы меня слышите? Помните, кто я? Понимаете, кто говорит? Динамик в переборке над пультом управления ожил, захлебнулся треском помех. Все подняли взгляды.

– Профессор, вы меня слышите? Это Филипп Крамер. Прошу, верните корабль нам. Если вы меня слышите, верните нам управление. Верните, профессор, прошу вас!

Снова помехи – треск, шорох, будто свист ветра. Люди переглянулись. Шум стих.

– Пустая трата времени, – проворчал Гросс.

– Нет... слушайте!

Металлический динамик в переборке над их головами вновь затрещал помехами. Вскоре сквозь треск статики пробился едва различимый голос – механический, монотонный, безжизненный, лишенный каких-либо интонаций:

– ...Это ты, Филипп? Никак не разгляжу тебя. Темно... Кто здесь... с тобой?..

– Это я, я, – откликнулся Крамер, крепко стиснув в ладони рукоять микрофона. – Профессор, вы должны передать управление нам. Нам необходимо вернуться на Терру. Это жизненно важно.

Еле слышный прерывистый голос умолк, но после недолгой паузы зазвучал тверже, увереннее:

– Крамер... Все это так странно, однако я оказался прав. Сознание есть результат мышления. Причем неперемный. «Когито эрго сум». Мыслию, следовательно, существую. Сохраняю когнитивные способности. Ты меня слышишь?

– Слышу, профессор!

– Я изменил схему разводки кабелей. Управление... я был вполне уверен. Интересно, получится ли. Попробуем...

Внезапно система кондиционирования сама собой пришла в действие и так же внезапно выключилась. Где-то вдали, в коридоре, громко хлопнула дверь, что-то глухо загрохотало. Все в рубке замерли, обратившись в слух. Повсюду вокруг защелкали, замыкаясь и размыкаясь, контакты реле. Лампы угасли, оставив людей в темноте. Еще секунда, и свет вспыхнул снова, но в то же время начали остывать, гаснуть спирали калориферов.

– Боже правый! – выпалил Уинтер.

В следующую секунду всех их окатило водой: на сей раз сработала система аварийного пожаротушения. Затем все вокруг заглушил громкий свист воздуха. Крышка одного из люков для выхода в космос скользнула в сторону, и воздух с ужасающим ревом устремился наружу.

Но вот люк с лязгом захлопнулся. На борту воцарилась мертвая тишина. Спирали калориферов замерцали, возвращаясь к жизни. Причудливая демонстрация всемогущества завершилась с той же внезапностью, с какой началась.

– ...в моих силах все, что угодно, – подытожил все тот же сухой, ровный голос из динамика в переборке. – Весь корабль под моим управлением. Крамер, я очень хочу с тобой побеседовать. Как много... как много мыслей... ведь мы с тобою не виделись столько лет, и за это время их накопилось великое множество. Ты изрядно изменился, мой мальчик. Нам многое нужно с тобой обсудить. Твоя жена...

Пилот схватил Крамера за плечо.

– Корабль прямо по носу! Смотрите!

Все бросились к иллюминатору. Действительно, чуть впереди, мигая сигнальным огнем, двигался параллельным курсом еще один звездолет, издали напоминая изящное серебряное веретенце.

– Терранский перехватчик, – пояснил Пилот. – Прыгаем. Они готовы нас подобрать. Скафандры...

Подбежав к шкафчику со снаряжением, он повернул ручку замка, распахнул дверцу и грудой вывалил скафандры на палубу.

– Скорее, – поторопил спутников Гросс.

Охваченные паникой, все принялись лихорадочно натягивать тяжелые гермокостюмы. Уинтер, проковыляв до аварийного люка, остановился возле него в ожидании остальных. Вскоре они, один за другим, присоединились к нему.

– Пошли! – скомандовал Гросс. – Открывайте люк!

Уинтер навалился на створку.

– Помогите.

Остальные, упершись кто во что, навалились на створку все вместе, но тщетно. Створка люка не сдвинулась ни на дюйм.

– Ломик нужен, – сказал Пилот.

– Неужели никто бластер не захватил? – простонал Гросс, лихорадочно озираясь вокруг. – Проклятье, выжечь бы ее к чертовой матери!

– Толкаем, – прокричал Крамер. – Вместе, разом... взяли!

– Вы возле люка? – пронесся, ручейком заструился по коридорам все тот же механический голос.

Все подняли взгляды, заозирались, не зная, куда смотреть.

– Я чувствую неподалеку, снаружи, нечто... корабль? Значит, вы уходите? Все до единого? Крамер, ты тоже хочешь уйти? Как жаль. Я надеялся, что мы с тобой сможем поговорить. Ну что ж, возможно, в другой раз тебя удастся убедить остаться.

– Профессор, откройте люк! – крикнул Крамер, оглядев безликий металл переборок. – Откройте, Господа ради!

Голос не отвечал. Казалось, пауза тянется целую вечность. Но вот крышка люка медленно, будто нехотя, сдвинулась вбок, и воздух снова с пронзительным свистом хлынул наружу, в космическую пустоту.

Поочередно, один за другим, все они выпрыгнули из люка и понеслись прочь, подгоняемые реактивными двигателями скафандров. Спустя еще пару минут их подняли на борт перехватчика. Как только последнего из них втянули в проем люка, их собственный звездолет резко задрал нос вверх, с невероятной скоростью сорвался с места и вскоре исчез из виду.

Не в силах отдышаться, Крамер сорвал гермошлем. Двое матросов подхватили его под локти и укутали одеялом. Гросс, весь дрожа, жадно припал губами к кружке с кофе.

– Ушел, – пробормотал Крамер.

– Об отправке предупреждения я уже распорядился, – заверил его Гросс.

– Что стряслось с вашим кораблем? – с любопытством спросил один из матросов. – Куда он сорвался в такой спешке? Кто там, на борту?

– Корабль придется уничтожить, – помрачнев лицом, продолжал Гросс. – Иначе никак. Кто знает, что у... у него на уме? Уф... Еще немного, и нам бы конец. Проклятье, как нас угораздило настолько ему довериться?

С этими словами Гросс устало опустил на металлическую скамью.

– Да, что же он мог задумать? – негромко, скорее, рассуждая вслух, чем обращаясь к кому-либо, пробормотал Крамер. – Чего хочет добиться? Не понимаю...

Пока перехватчик шел полным ходом назад, к лунной базе, все коротали время вокруг стола в кают-компании, попивая кофе, размышляя, но разговоры заводя разве что изредка.

– Послушайте, – наконец сказал Гросс, – а что он за человек, этот профессор Томас? Что вы можете вспомнить о нем?

Крамер поставил кружку на стол.

– С тех пор прошло десять лет. Если я что и помню, то крайне смутно, – предупредил он, устремившись мыслями в прошлое, сквозь года.

В колледже они с Долорес вместе постигали физику и естественные науки. Небольшой, малоизвестный, колледж Ханта изрядно отставал от темпа современной жизни. Крамер поступил туда только потому, что колледж находился в его родном городке и до него там учился отец.

Ну, а профессор Томас преподавал в колледже с давних-давних времен, так что колледжа без него никто и припомнить не мог. Странный, чудаковатый старик держался, как правило, особняком, многого в жизни не одобрял, однако в разговорах об этом упоминал крайне редко.

– Попробуйте вспомнить нечто такое, что могло бы помочь нам, – попросил Гросс. – Любую мелочь, хоть какой-то намек на ход его мыслей!

Крамер неторопливо кивнул.

– Помню, однажды...

Однажды они с профессором сидели в часовне колледжа за тихой, приятной беседой.

– Ну вот, скоро твоей учебе конец, – сказал профессор. – Но чем ты собираешься заняться дальше?

– Дальше? Наверное, пойду работать в один из Государственных Исследовательских Проектов.

– Да, но что в итоге? Какова твоя высшая, конечная цель?

Крамер заулыбался.

– Ваш вопрос, профессор, постулирует существование таких вещей, как конечные цели, но это же ненаучно!

– Хорошо, тогда предположим следующее. Допустим, в мире не станет войн и Государственных Исследовательских Проектов. Чем ты займешься в таком случае?

– Не знаю. Но как же представить себе подобную ситуацию, хотя бы гипотетически? Сколько мне помнится, войны существовали всегда. Именно к ним нас и готовили. Чем я займусь, если войн вдруг не станет... понятия не имею. Наверное, привыкну со временем, как-нибудь приспособлюсь.

Профессор слегка поднял брови.

– О, ты действительно полагаешь, что приспособишься к этому? Рад слышать. И занятие себе, стало быть, сможешь найти?

Гросс слушал его рассказ, жадно ловя каждое слово.

– И что это нам дает? – спросил он. – Что из этого следует?

– Ничего особенного. Только что он был против войны.

– Мы все против войны, – заметил Гросс.

– Верно. Однако он был здорово углублен в себя, держался особняком. Жил попросту, сам для себя готовил. Жена его за много лет до того умерла. Родился он в Европе, в Италии, но, переехав в Соединенные Штаты, сменил имя. Нередко читал Данте и Мильтона. Даже Библию дома держал.

– Весьма анахронично, вы не находите?

– Да, он вообще по большей части жил прошлым. Раздобыл где-то древний граммофон и пластинки, слушал старинную музыку... Ну, а дом его вы видели сами и, думаю, обратили внимание, насколько он старомоден.

– Кстати, а на учете он не состоял? – спросил Уинтер.

– У нас, в госбезопасности? Нет. По нашим сведениям, он никогда в жизни не занимался политикой, ни к каким партиям и движениям не примыкал и даже, похоже, не имел определенных политических убеждений.

– Это точно, – подтвердил Крамер. – Львиную долю свободного времени он просто гулял в холмах. Природу очень любил.

– Природа может принести ученому немало пользы, – заметил Гросс. – Без нее и наук не было бы.

– Крамер, так что он, по-твоему, мог задумать? Чего ради перехватил управление звездолетом и сбежал? – спросил Уинтер.

– А может, он просто с ума при пересадке сошел, – предположил Пилот. – Может, у него вовсе нет никакого разумного плана.

– Однако об изменении схемы проводки он позаботился загодя, а прежде чем дать согласие на пересадку, убедился, что сохранит разум и память. Отсюда следует, что план у него имелся с самого начала. Вот только какой?

– Возможно, ему просто хочется подольше пожить, – сказал Крамер. – Он все же стар был, при смерти. А может...

– Что?

– Нет, ничего, – поднявшись на ноги, ответил Крамер. – Пожалуй, как только мы доберемся до лунной базы, я свяжусь по видеофону с Террой и поговорю обо всем этом еще кое с кем.

Гросс наострил уши.

– С кем именно?

– С Долорес. Может, она вспомнит что-то полезное.

– Да, мысль дельная, – согласился Гросс.

– Откуда ты звонишь? – спросила Долорес, когда Крамеру наконец удалось выйти с нею на связь.

– С лунной базы.

– Здесь о вас каких только слухов не ходит! Отчего корабль не вернулся? Что произошло?

– Боюсь, он сбежал с кораблем.

– Он?

– Наш Старик. Профессор Томас.

Рассказ Крамера Долорес выслушала со всем вниманием, не упуская ни единого слова.

– Очень странно. И ты считаешь, все это было обдумано заранее, с самого начала?

– Уверен. Он попросил показать ему чертежи и теоретические выкладки сразу же.

– Но зачем? Чего ради?

– Не знаю. Послушай, Долорес, что ты про него помнишь? Любая подсказка, ведущая к разгадке его замыслов, может нам очень помочь.

– Например?

– Не знаю, в этом-то и беда.

Долорес на экране видеофона наморщила лоб.

– Помню, он разводил кур на заднем дворе, а одно время держал козу, – с улыбкой сказала она. – Помнишь, как его коза в один прекрасный день сбежала и отправилась гулять по главной улице? Никто не мог понять, откуда она взялась.

– И все?

Долорес вновь глубоко задумалась.

– Наверное, да. Вот разве что ферму он, насколько я знаю, хотел завести.

– Ладно, спасибо, – сказал Крамер, потянувшись к клавише «выкл.». – Вернусь на Терру – возможно, еще загляну к тебе.

– В любом случае дай знать, что из всего этого выйдет.

Кивнув, Крамер дал отбой. Экран померк и постепенно угас, а Крамер неторопливо вернулся к Гроссу, обсуждавшему что-то с несколькими офицерами Вооруженных Сил, сидя у штурманского стола.

– Ну что? – спросил Гросс, подняв взгляд.

– Ничего. Кроме того, что он когда-то держал козу.

– Идите сюда, взгляните на подробную карту, – поманил его к себе Гросс. – Смотрите! Крамер, обогнув стол, подошел к нему и опустил взгляд. Сетка координат пестрела метками сигналов, крохотными белыми точками, стремительно несущимися в разные стороны.

– Что происходит? – спросил он.

– Эскадрилья за пределами пояса обороны наконец-то засекала наш корабль. Видите? Маневрируют, занимают позиции.

Белые метки слетались со всех сторон к черному пятнышку, двигавшемуся прямым курсом через сетку координат, от центра к краю. Еще немного, и белые метки, завершив маневр, окружили ее, взяли в «бочку».

– Они готовы открыть огонь, – доложил техник, дежуривший возле карты. – Коммандер, какие будут распоряжения?

Гросс призадумался.

– Как мне не хочется брать на себя такую ответственность, – пробормотал он. – Когда дело доходит до...

– Это не просто корабль, – напомнил ему Крамер. – Это ведь человек, личность. Разумное существо, движущееся сквозь космическое пространство. Хотелось бы мне знать, что он...

– Однако приказ отдать, как ни крути, а придется. Рисковать мы не вправе. Представьте, что будет, если он к ним, к юкам, нацелился перебежать.

Крамер невольно разинул рот.

– Бог мой... Нет, на такое он не пойдет ни за что!

– Вы уверены? Вам точно известно, что он намерен сделать?

– К юкам он не побежит.

Гросс повернулся к технику.

– Передайте: пусть действуют.

– Виноват, сэр, но цель ускользнула. Взгляните на карту.

Гросс опустил взгляд, и Крамер тоже взглянул на карту из-за его плеча. Да, черная точка ускользнула от белых, прорвавшись сквозь их строй и под острым углом сменив курс, и теперь полным ходом шла прочь. Белые точки в замешательстве разомкнули ряды.

– Оригинальная стратегия, – заметил один из офицеров, прочертив кончиком пальца траекторию черной точки. – Маневр древний как мир, старая прусская хитрость... однако сработал.

Белые точки легли на возвратный курс.

– Дальше там юконианских кораблей чересчур много, – пояснил Гросс, смерив Крамера холодным взглядом. – Видите, что получается, когда начинаешь медлить? Нужно было кончать с ним, пока возможность была, а теперь... вот, полюбуйтесь! Где его теперь искать?

С этим он ткнул пальцем в черную точку, быстро движущуюся по сетке координат. Приблизившись к краю сетки, к границе нанесенной на карту области, черная точка остановилась и замерла.

«И что же дальше? – подумал Крамер, не сводя взгляда с карты. – Старик ускользнул от крейсеров и скрылся. Да, соображает он быстро, и с его разумом все в полном порядке. Как и со способностью управлять новым телом».

Телом... Звездолет стал для него новым телом. Пожертвовав старым – одряхлевшим, ослабшим, на грани гибели, профессор Томас переселился в громадное сооружение из металла и пластика, обзавелся турбинами и реактивными двигателями. Стал силен. Силен, огромен и

прочен. Его новое тело куда мощнее тысячи человеческих тел. Вопрос только, долго ли оно прослужит ему? Средний срок службы крейсера – всего десять лет. При бережном обращении профессор сможет растянуть его лет до двадцати, но затем какая-нибудь жизненно важная деталь придет в негодность, а заменить ее будет нечем и некому, и тогда...

Что же тогда? Что он предпримет, когда на борту что-то откажет, а починить поломку будет некому? Тут-то ему и конец. Где-то вдали, в студеной космической тьме, его корабль, безмолвный, безжизненный, замедлит ход, остановится, испуская последние волны тепла в бесконечность, в безвременье межзвездных пространств... а может, столкнется с каким-нибудь голым каменным астероидом и разлетится на миллионы обломков.

Все это – только вопрос времени.

– Значит, ваша жена ничего не припомнила? – спросил Гросс.

– Я же сказал: жене вспомнилась только его коза.

– Чертовски полезная информация.

Крамер пожал плечами.

– Ну, тут уж я, знаете ли, ничем помочь не могу.

– Интересно, увидим ли мы его снова? – проговорил Гросс, не сводя взгляда с сигнальной метки, по-прежнему чернеющей у края сетки координат. – Интересно, вернется он когда-нибудь к нам?

– Вот и мне интересно, – откликнулся Крамер.

В ту ночь Крамер долго ворочался с боку на бок не в силах уснуть. Пусть даже искусственно усиленная, лунная гравитация была для него непривычна и создавала массу неудобств. В голове кружили, роились, начисто отгоняя сон, тысячи всевозможных мыслей.

Что же все это значит? В чем состоит план профессора? Возможно, этого им не узнать никогда в жизни. Возможно, корабль сгинул навеки; возможно, Старик унесся в межзвездные дали и уже не вернется. Тогда им уж точно не выяснить, зачем, с какой целью он все это сделал, если у него вправду имелась хоть какая-то цель...

Подняв голову, Крамер сел, включил свет и закурил сигарету. Комнату ему отвели совсем небольшую: один из крохотных одноместных, обшитых металлом кубриков лунной базовой станции.

А ведь Старик хотел побеседовать с ним... многое обсудить, как он выразился, но в общей панике, в замешательстве, все до единого думали только о бегстве – ведь корабль уносил их прочь, вез в дальний космос...

Раздосадованный, Крамер скрипнул зубами. Стоит ли упрекать их в том, что они предпочли спрыгнуть? Они же понятия не имели, куда их везут и зачем. Беспомощные, запертые на борту корабля, который больше им не подчинялся, они видели в перехватчике, готовящемся подобрать их, единственный шанс на спасение. Еще полчаса, и было бы поздно.

Но что же Старик хотел сказать? О чем собирался поведать ему в первые минуты всеобщего смятения, когда корабль вокруг ожил – весь, вплоть до последней балки, вплоть до последнего проводка, обернулся телом живого существа, исполинским металлическим организмом?

Противоестественность происходящего испугала всех до единого. Настолько, что Крамер не мог забыть этого страха до сих пор. Встревоженный, он обвел взглядом стены тесного кубрика. Что означал, что символизировал оживший металл и пластик? Все они вмиг оказались внутри, в брюхе живого существа, будто Иона в чреве китовом!

Пробудившийся к жизни, корабль заговорил с ними – заговорил спокойно, разумно, все быстрее и быстрее унося их в открытый космос. Динамик в переборке и провода стали его ртом и голосовыми связками; кабели – спинным мозгом и нервами; люки, реле и прерыватели тока – мускулами...

А люди остались беспомощными, совершенно беспомощными. В какую-то долю секунды корабль отнял у них всю власть, сам сделался полновластным их властелином, от которого нигде не найти спасения. Это-то и казалось самым противоестественным, это-то и пугало. Всю свою жизнь Крамер повелевал машинами, всю жизнь принуждал природу и силы природы к служению человеку и человеческим нуждам. Долгое время человечество эволюционировало, развивалось, пока не обрело способности управлять всем на свете, как сочтет нужным. И вот человек, одним махом сброшенный вниз, к подножию лестницы, распростерся ниц перед Силой, в сравнении с коей все они – сущие дети!

Поднявшись с постели, Крамер накинул купальный халат и принялся искать сигареты, но его поиски прервал звонок видеофона.

– Да? – откликнулся он, ударив по клавише «вкл.».

На экране возникло лицо дежурного связиста.

– Звонят с Терры, мистер Крамер. Им срочно нужно связаться с вами.

– Срочно... со мной? Соединяйте.

Сна не осталось ни в одном глазу. Снедаемый тревогой, Крамер откинул челку со лба.

– Филипп Крамер? – раздался из динамика незнакомый голос. – Это Крамер?

– Да. Слушаю вас.

– Говорят из Центрального Военного Госпиталя, Нью-Йорк Сити, Терра. Мистер Крамер, к нам поступила ваша жена, тяжело раненная в результате несчастного случая. По ее просьбе мы вам и звоним. Не могли бы вы...

– Насколько тяжело? – перебил говорящего Крамер, вцепившись в подставку видеофона. – Раны серьезные?

– Да, мистер Крамер, положение крайне серьезно. Не могли бы вы прибыть к нам? И чем скорее, тем лучше.

– Да, – кивнул Крамер. – Да, я буду. Благодарю вас.

На том конце линии дали отбой, и экран видеофона угас. Выждав минуту, Крамер снова ткнул пальцем в клавишу.

Экран вспыхнул вновь.

– Слушаю, сэр, – ответил дежурный связист.

– Мне нужно немедленно отбыть на Терру. Случай экстренный. Моя жена...

– В настоящее время рейсов не ожидается. Ближайший борт вылетает с Луны только через восемь часов. Придется подождать следующего периода.

– И что же делать? Как быть?

– Мы можем передать запрос всем кораблям, проходящим поблизости. Иногда мимо нас проходят крейсера, возвращающиеся на Терру для ремонта.

– Прекрасно! Вы его передадите? Я сейчас же иду на поле.

– Так точно, сэр. Однако корабль в нашем районе может появиться не сразу. Тут уж как повезет.

Экран угас.

Быстро одевшись, Крамер накинул пиджак и поспешил к лифту. Спустя минуту он уже бежал через общий рабочий зал, мимо рядов пустых письменных столов вперемежку со столиками для совещаний. Часовые у дверей расступились в стороны, и Крамер вышел наружу, к огромной бетонной лестнице.

Поверхность Луны укрывала тень. Внизу, в полной темноте, тянулась вдаль бескрайняя, бесформенная черная бездна летного поля. Осторожно спустившись к подножию лестницы, Крамер ступил на пандус, огибающий поле по краю, и двинулся к диспетчерской вышке. Дорогу ему указывала вереница неярких красных огней.

У вышки его остановили двое солдат, стоявших на карауле в тени, с оружием наготове.

– Крамер?

– Да.

Луч фонаря ударил ему в лицо.

– Ваш запрос уже передали.

– Ответы есть? – спросил Крамер.

– С нами на связь вышел крейсер, проходящий неподалеку. У них поврежден двигатель, и они малым ходом следуют к Терре, в тыл.

– Прекрасно, – кивнул Крамер.

На душе разом сделалось легче. Закурив, он угостил сигаретами караульных. Те закурили тоже.

– Скажите, сэр, а насчет экспериментального борта правду рассказывают? – спросил один из них.

– Смотря что вы слышали.

– Говорят, будто он ожил и сбежал.

– Нет, не совсем, – ответил Крамер. – Он был оборудован системой автоматического управления нового типа вместо автоматики Джонсона. И ее просто не успели как следует испытать.

– Но, сэр, один из посланных за ним крейсеров подошел к нему, можно сказать, вплотную, и мой приятель, служащий на этом крейсере, говорит, что экспериментальный борт уж очень чудно себя вел. Говорит, он в жизни подобного не видал. Разве что однажды, когда рыбачил на Терре, в штате Вашингтон, и ловил окуней. А окуни – рыба ушлая, снуют то туда, то сюда...

– А вот и ваш крейсер, – перебил его второй солдат. – Смотрите!

На летное поле медленно опускалась огромная, едва различимая в темноте громада космического корабля. Подняв взгляд, Крамер сощурился, но не сумел разглядеть ничего, кроме ряда крохотных зеленых габаритных огней.

– Лучше поторопитесь, сэр, – посоветовали караульные. – Долго они торчат здесь не станут.

– Спасибо!

Сорвавшись с места, Крамер огромными скачками помчался по полю к темному силуэту, возвышавшемуся впереди и словно бы перегородившему поле от края до края. Трап с крейсера оказался спущен. Вскочив на пандус, Крамер ухватился за перила. Трап пошел вверх и спустя полминуты вознес пассажира на борт. Люк за его спиной сразу же затворился.

Пока Крамер поднимался на верхнюю палубу, крейсер, взревев турбинами, взмыл над Луной и устремился в космос.

Крамер распахнул дверь, ведущую на верхнюю палубу... и замер как вкопанный, в изумлении озираясь вокруг. На палубе не было ни души. Корабль оказался пуст.

– Боже правый, – пролепетал он и, вмиг обессилев, оцепенев, опустился на скамью. Перед глазами все расплылось. – Боже правый...

Корабль с ревом мчался в глубины пространства, с каждой секундой уносясь от Луны и Терры все дальше и дальше.

И Крамер ничем не мог этому помешать.

– Значит, это ты звонил мне по видеofону, – после долгой паузы сказал он, подняв взгляд к потолку и оглядев переборки. – Ты, а вовсе не кто-то там из госпиталя с Терры. Все это подстроено тобой. А Долорес в действительности...

– С твоей женой все благополучно, – монотонно заговорил динамик в переборке над его головой. – Я обманул тебя. Прости меня за подобные трюки, Филипп, но ничего другого мне в голову не пришло. Еще сутки, и ты вернулся бы на Терру, а я не хочу задерживаться в этом районе дольше необходимого. Они были так твердо уверены, что отыщут меня в дальнем

космосе, что здесь мне почти ничто не угрожало, однако даже пресловутое похищенное письмо в конце концов обнаружилось.

Закурив, Крамер нервно затянулся табачным дымом.

– И что ты теперь намерен делать? Куда мы летим?

– Во-первых, я хотел бы поговорить с тобой. У меня столько мыслей! Ты так разочаровал меня, сбежав вместе с остальными... Я всей душой надеялся, что ты останешься. – Динамик в переборке сухо хмыкнул. – А помнишь наши с тобой беседы в прежние времена? Сколько с тех пор воды утекло...

Корабль летел все быстрее и быстрее. С немыслимой скоростью мчался сквозь пространство, он миновал последние ряды пояса обороны и устремился дальше. Вскоре Крамера затошнило, да так, что он волей-неволей согнулся вдвое.

– Прошу прощения за такую спешку, – продолжил голос из динамика, когда он сумел выпрямиться, – но мы пока что в опасности. Потерпи: еще пара минут – и мы на свободе.

– А как же корабли юков? Их там, впереди, разве нет?

– От полудюжины мы уже ускользнули. Надо заметить, я им весьма любопытен.

– Любопытен?

– Они чувствуют во мне нечто иное, больше похожее на их органические мины, и им это не по нраву. По-моему, вскоре они начнут покидать эту область. Очевидно, им совершенно не хочется связываться со мной. Ну и необычная же они раса, Филипп! Хотелось бы мне изучить их поближе, попытаться как можно больше узнать о них. У меня складывается мнение, что они совершенно не знакомы с инертными материалами. Вся их техника, все инструменты в том или ином смысле живые. Они не конструируют, не строят вообще. Сама концепция созидания, производства им чужда. Они пользуются исключительно существующими формами жизни. Даже их корабли...

– Куда мы летим? – оборвал его Крамер. – Я хочу знать, куда ты меня везешь.

– Положа руку на сердце, этого я сам пока точно не знаю.

– Не знаешь?

– Видишь ли, некоторые детали я проработать еще не успел, и в моем плане имеется ряд неясностей. Но думаю, в скором времени я с ними разберусь.

– И каков же твой план? – спросил Крамер.

– На самом деле план мой довольно прост. Но не угодно ли тебе пройти в рубку управления и устроиться там? Кресла гораздо удобнее этой стальной скамьи.

Крамер проследовал в рубку управления и сел за пульт. Вид сложной, но совершенно бесполезной техники навевал крайне странные чувства.

– Что с тобой? – прохрипел динамик над пультом.

Крамер беспомощно всплеснул руками.

– Я бессилен. Бессилен что-либо сделать, и мне это очень не нравится. Готов ли ты упрекнуть меня в этом?

– Нет-нет, упрекать тебя мне бы и в голову не пришло. Но не волнуйся, вскоре власть снова перейдет в твои руки. Твой, так сказать, плен – не более чем временная мера. Видишь ли, я кое-чего не учел. Не подумал, что перехватчикам отдадут приказ сбить меня по обнаружении.

– Эта идея принадлежала Гроссу.

– Не сомневаюсь. Ну, а моя идея, моя концепция пришла мне в голову в тот самый день, у меня дома, как только ты начал рассказ о новом проекте. Я сразу увидел, в чем ты неправ: ваша братия совершенно не понимает, что есть человеческий разум. Увидел и понял, что пересадка человеческого мозга из органического тела в сложный рукотворный космический корабль отнюдь не повлечет за собой утраты разумом способности к мышлению. А если человек мыслит, следовательно, он существует!

Осознав это, я тут же понял: извечная мечта человечества становится явью. Во время знакомства с тобой, Филипп, я уже был весьма стар. Уже в те дни срок моей жизни довольно близко подошел к завершению. Впереди меня не ожидало ничего, кроме смерти, а с нею и гибели всех моих идей. А ведь я же, представь себе, не оставил в мире никакого, никакого следа! Мои студенты один за другим завершали учебу и уходили от меня в большую жизнь, на должности в великих Исследовательских Проектах, на поиски нового, еще более грозного оружия для новых, еще более опустошительных войн.

Долгое, долгое время наш мир воевал – сначала с самим собой, затем с марсианами, а после с этими существами, обитателями Проксимы Центавра, о которых нам ничего не известно. Человеческое общество превратило войну в полноценную отрасль культуры сродни математической или астрономической науке. Война – неотъемлемая часть нашей жизни, нашей карьеры, уважаемый род занятий. Образованные, недюжинного ума юноши и девушки связывают с нею судьбу, становятся к ее колесу, как во времена Навуходоносора. Так было всегда.

Но присуще ли все это человечеству изначально? Не думаю. Врожденных социальных норм в природе не существует. Истории известно немало человеческих сообществ, которые не вели войн: например, эскимосы попросту не могли уяснить себе данной идеи, а американские индейцы так никогда к ведению войн и не приспособились.

Однако со временем все, так сказать, инакомыслящие были уничтожены, и современный культурный уклад сделался стандартом для всей планеты. Крепко укоренился в наших умах. Но если бы где-либо еще возник, закрепился некий иной способ урегулирования разногласий, не требующий ни человеческих жертв, ни напрасной траты материальных ресурсов...

– В чем именно состоит ваш план? – перебил его Крамер. – Эта теория мне известна. Вы излагали ее на одной из лекций.

– Да, насколько мне помнится, под видом беседы о селекции растений. Когда ты пришел ко мне с этим предложением, я понял, что мою концепцию, вполне возможно, еще удастся воплотить в жизнь. Если мои предположения, будто война – всего лишь привычка, а не следствие врожденных инстинктов, верны, то общество, созданное вне Терры и связанное с нею минимумом культурных корней, может развиваться совершенно иначе. Не переняв наших воззрений, начав, так сказать, с другой ноги, оно, возможно, не придет в ту же конечную точку, что и мы, в тупик, ведущий к одним лишь новым, все более страшным войнам, пока нигде не останется ничего, кроме руин и разрухи.

Разумеется, поначалу экспериментом должен будет руководить Хранитель: ведь кризис, вне всяких сомнений, не заставит себя ждать и разразится, весьма вероятно, уже во втором поколении. Явление Каина – дело недолгое.

Видишь ли, Крамер, по моим оценкам, проводя большую часть времени в покое, на какой-нибудь небольшой планете или спутнике планеты, я смогу растянуть срок службы корабля почти до ста лет. Этого времени будет достаточно, вполне достаточно, чтобы задать новой колонии направление развития, а уж затем... Что ж, затем судьба колонистов окажется полностью в их руках.

Но это, конечно же, только к лучшему. В конце концов, Человек должен управлять собой сам. Сто лет, а после пусть строят жизнь по собственному разумению. Возможно, я ошибаюсь, возможно, война – не просто устоявшийся обычай. Возможно, согласно законам вселенной, живые существа способны выжить как группы только благодаря межгрупповым столкновениям.

Однако я возьму на себя смелость предположить, что война – всего лишь устоявшийся обычай, что я не ошибся, что мы просто слишком привыкли к ней, отчего и не осознаем всей ее противоестественности. Ну, а что касается места... вот с этим у меня пока определенности нет. Место для колонии нам еще предстоит подыскать.

Чем, собственно, мы с тобой сейчас и займемся. Осмотрим несколько звездных систем в стороне от проторенных путей, планеты со столь незначительными коммерческими перспективами, что терранские корабли туда не заглядывают. Я знаю одну такую, прекрасно подходящую для наших целей. О ней упоминалось в оригинале отчета экспедиции Фэйрчайлда. Для начала можно взглянуть на нее.

В корабле стало тихо.

Какое-то время Крамер молчал, уткнувшись взглядом под ноги, на металлический пол. Пол глухо вибрировал в такт работе турбин. Наконец Крамер поднял взгляд.

– Да, возможно, вы правы. Возможно, наши воззрения – лишь устоявшийся обычай, – сказал он, встав с кресла. – Но вот интересно, не приходил ли вам в голову один нюанс?

– Какой же?

– Если обычай пустил корни так глубоко, если его история исчисляется тысячелетиями, каким образом вы собираетесь склонить будущих колонистов к отказу от него, как убедите их, оставив Терру, отречься от терранских традиций? Как быть с нынешним, первым их поколением, с основателями колонии? По-моему, следующее поколение освободится от всего этого, тут вы правы. Особенно если...

Подняв взгляд к динамику в переборке, Крамер заулыбался.

– Особенно если некий Старик, присматривающий за ними с Небес, научит их чему-то другому. Но как вы намерены убедить людей оставить Терру и отправиться с вами, если, согласно вашей же собственной теории, первого поколения не спасти, а начнется все лишь со второго?

Динамик под потолком надолго умолк, а после негромко, суховато хмыкнул.

– Удивляюсь я тебе, Филипп. Подыскать поселенцев – задача несложная. Много народу нам не потребуется, хватит всего-то...

Динамик вновь хмыкнул.

– Впрочем, с моим решением ты сейчас познакомишься.

В дальнем конце коридора скользнула в сторону створка люка. Затем из коридора донеслись робкие, неуверенные шаги.

– Долорес?! – воскликнул Крамер, обернувшись на звук.

Замешкавшись на пороге, Долорес Крамер окинула взглядом рубку управления и удивленно моргнула.

– Фил? Что ты здесь делаешь? Что происходит?

Оба уставились друг на друга во все глаза.

– Что все это значит? – продолжала Долорес. – Мне позвонили по видеосвязи, сообщили, что ты на Луне, серьезно ранен во время лунного взрыва...

Динамик в переборке зашипел, ожил:

– Вот видишь, Филипп, эта задача уже решена. Нам вовсе не требуется много народу. Даже одной пары будет вполне достаточно.

Крамер медленно кивнул.

– Понимаю, – еле ворочая языком, пробормотал он. – Всего одной пары... мужчины с женщиной...

– Да, основать поселение им вполне по силам, если кто-то присмотрит за ними и позаботится, чтоб дела шли должным образом. А помочь вам, Филипп, я могу многим. Очень многим. Думаю, работа у нас пойдет как по маслу.

На губах Крамера заиграла кривая улыбка.

– Пожалуй, ты даже сможешь нам с наречением имен всем птицам небесным и всем зверям полевым, – сказал он. – По-моему, первый шаг именно таков.

– С радостью, – заверил его безликий, монотонный голос из динамика под потолком. – Хотя, насколько я помню, мое дело – привести их к тебе, одного за другим, а там уж как наречешь ты всякую душу живую, так ей и называться.

– Ничего не понимаю, – запинаясь, пролепетала Долорес. – О чем он, Фил? Какое еще наречение имен зверям полевым? Каким зверям? Куда мы летим?

Крамер неторопливо прошел к иллюминатору и молча, скрестив руки на груди, устремил взгляд наружу. Впереди, за бортом корабля, мерцали мириады искорок, неисчислимое множество угольков, тлеющих в темной бездне. Звезды, солнца, системы – без конца и без края. Целая вселенная миров. Безбрежные россыпи планет, ждущих их, сияющих, подмигивающих им из темноты.

Отвернувшись от иллюминатора, Крамер улыбнулся жене.

– Так куда мы летим? – нервно, в испуге переспросила Долорес, не сводя с него взгляда, полного тревоги.

– Куда? Не знаю, – ответил он. – Но, кажется, сейчас это... совершенно неважно. Я начинаю понимать правоту профессора – это, в конечном счете, и есть главное.

С этими словами он, впервые за многие месяцы, обнял Долорес. Поначалу та оцепенела, напряглась, по-прежнему глядя на Крамера с немалым испугом, но тут же обмякла, прижалась к нему, и на щеках ее заблестели слезы.

– Фил... ты действительно думаешь, что мы... мы с тобой можем начать все сначала?

Вместо ответа Крамер поцеловал ее – нежно, а после и страстно.

А звездолет стремительно нес их сквозь бескрайнюю, неизведанную, вечную пустоту.

Дудочки из лесной чащи¹⁵

– Ну что ж, капрал Вестерберг, – мягко заговорил доктор Генри Гаррис, – рассказывайте. Отчего вы, позвольте узнать, считаете себя растением?

С этими словами Гаррис еще раз заглянул в бланк сопроводительной карточки на рабочем столе. Писал сам командующий базой: резкий, отчетливый почерк Кокса доктор узнал сразу.

«Док, вот парень, о котором я говорил. Побеседуйте с ним и постарайтесь выяснить, откуда у него эти бредовые идеи. Он из нового гарнизона, с новой контрольной станции на астероиде Игрек-3, а неприятности там нам совсем ни к чему. Особенно такой дьявольский идиотизм!»

Отодвинув карточку в сторону, Гаррис поднял взгляд на юношу по ту сторону стола. Казалось, молодой человек изрядно встревожен и от ответа на заданный Гаррисом вопрос предпочел бы увильнуть. Гаррис нахмурился. С виду этот Вестерберг казался парнем вполне нормальным, даже симпатичным: мундир Патруля сидит ладно, светлая челка падает на бровь... Высокий, почти шести футов ростом, так и пышет здоровьем; согласно карточке, два года как с Курсов. Родился в Детройте. В девятилетнем возрасте переболел корью. Увлечения: реактивные двигатели, теннис, девушки. Полных лет – двадцать шесть.

---

¹⁵ [Piper in the Wood]. «Imagination», февраль 1953 г. Лауреат премии Stalker, 2016 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.